АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1952 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

3
МАЙ—ИЮНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1982

СОДЕРЖАНИЕ

К 1500-ЛЕТИЮ ГОРОДА КИЕВА

Филин Ф. П. (Москва). О лексике древнерусского языка 3

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Откупщиков Ю. В. (Ленинград). Из истории индоевропейского языкознания (К выходу в свет книги В. И. Георгиева) 19

Богатова Г. А., Дерягин В. Я., Романова Г. Я. (Москва). Славянская историческая лексикография и проблемы региональной характеристики слова 31

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Панфилов В. З. (Москва), Вахтин Н. Б. (Ленинград). Изучение эскимосско-алеутских языков в СССР 43

Кривоносов А. Т. (Москва). Модальные частицы как средство логико-грамматического членения предложения в немецком языке 48

Мурясов Р. З. (Уфа). Антропонимы в словообразовательной системе языка 62

Панфилов В. С. (Ленинград). К вопросу о категории времени во вьетнамском языке 73

Касевич В. Б., Шабельникова Е. М. (Ленинград). Перцептивные границы между китайскими тонами и категориальность восприятия звуков речи 83

Завьялова О. И. (Москва). Некоторые вопросы лингвогеографического изучения фонетики гуаньхуа (северных диалектов китайского языка). 92

Балахонова Л. И. (Ленинград). К вопросу о статусе просторечной и диалектной лексики 104

Дешериева Т. И. (Москва). К вопросу о так называемом «абсолютном» падеже 111

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

Корлэтяну Н. Г., Ецко И. И. (Кишинев). *Будагов Р. А.* Филология и культура 115

Филиппова И. С. (Москва). Деловая письменность Вологодского края XVII—XVIII вв. 117

Матвеев А. К. (Свердловск). *Попов А. И.* Следы времен минувших . . . 119

Гак В. Г. (Москва). Новое в русской лексике. Словарные материалы-77; Новое в русской лексике. Словарные материалы-78 122

Туманян Э. Г. (Москва). *Greppin J. A. C.* Classical and Middle Armenian bird names 127

Сухачев Н. Л. (Ленинград). *Dees A.* Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13e siècle 129

Силина В. Б. (Москва). *Стрекалова З. Н.* Морфология глагольного вида в современном польском литературном языке 132

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки 135

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. С. Ахманова, Ф. М. Березин, Ю. Д. Дешериев, А. И. Домашнев, Ю. Н. Караулов, Г. А. Климов (отв. секретарь редакции), *В. З. Панфилов* (зам. главного редактора), *В. М. Солнцев* (зам. главного редактора), *О. Н. Трубачев, Ф. П. Филин* (главный редактор), *В. Н. Ярцева*

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка, редакция журнала «Вопросы языкознания». Тел. 202-92-04

Зав. редакцией *И. В. Соболева*

© Издательство «Наука».
«Вопросы языкознания», 1982 г.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1982

К 1500-ЛЕТИЮ ГОРОДА КИЕВА

ФИЛИН Ф. П.

О ЛЕКСИКЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА*

Классификация восточнославянской лексики может быть самой различной (по темам, семантическим особенностям, частям речи, принципам словообразования, стилистической принадлежности и т. п.), но для нас на первых порах важнее всего установление ее наличия. Как было уже сказано (см. ВЯ, 1982, № 2), мы будем пользоваться пражским словарем и словарем Л. Садник и Р. Айцетмюллера, с одной стороны, и СлРЯ XI — XVII вв. (учитывая только источники XI — XIII вв.) и словарем И. И. Срезневского (тоже используя ранние источники), с другой, с обязательной ориентацией на этимологические словари (прежде всего на словарь О. Н. Трубачева). За этими словарями стоят богатые картотеки, палеолексикографический опыт поколений славистов. Это, конечно, не означает, что в будущем в наши наблюдения не будут вноситься существенные коррективы.

Прежде всего, выделим слова с приставкой *вы-*, почти неизвестной в ст.-слав. языке. Приставка **vy-* несомненно древнего происхождения, так как она имеет бесспорные соответствия в разных и.-е. языках. Вытеснение *вы-* приставкой *из-* в южнославянской зоне началось рано, задолго до Кирилла и Мефодия, и длилось долго. В пражском словаре имеется 17 глаголов с *вы-*, а у Л. Садника и Р. Айцетмюллера только 5: *вывръже* словеса мои въспять (Син. псалт.), *выгънати* (там же), *выгонити* (там же) *выринути* «выгнать, изгнать» (там же) (в пражском словаре указывается еще. Glagolitica в издании Й. Вайса хорватской редакции XIV — XV вв. с текстами, написанными будто бы первоучителями в Моравии), *вынести* (Клоцов сборник). Остальные 12 примеров в пражском словаре приходятся на памятники чешско-моравского, русского или неясного происхождения, т. е. эти примеры не должны приниматься в расчет. Совершенно иная картина имеется в ранних древнерусских памятниках, в которых употребление *вы-* является обычным: *выбѣгати*, *выбѣжати* (Флавий, ~ XI в.), *выбѣгнути* (Соф. I лет., 1097 г., Ипат. лет., 1252 г.), *выбѣчи* (Соф. I, 1097 г.), *выбити* (Русск. Пр. и др. памятники), *выблевати* (Пчела, XIII в.), *выбрести* (там же), *вывезти* (Новг. I лет., 1220 г.), *выверечи* «выбросить» (Ипат. лет., 1175 г., в Радз. лет. под 912 г. *вывръщи* — церковнославянизированная форма русского слова), *вывертѣти* (Радз. лет., 1097 г.), выволочи (Ипат. лет., 1175 г., в Типографской лет. тоже церковнославянизированная форма *вывлѣчи*), *выгнание* «изгнание» (Лавр. лет., 1073 г.), *выгнаньць* «изгнанец» (Ипат. лет., 1224 г.) и т. п. Я насчитал по СлРЯ XI—XVII вв. около 90 слов с *вы-*, встретившихся в памятниках XI — XIII вв. Большинство из них глаголы, но есть и отглагольные образования, относящиеся к другим частям речи: *вылаганый* «покоренный, порабощенный» (Хр. Амарт.), *вынрѣние* «внезапное появление (из-под земли)» (Флавий, XI в.), *выходъ* и некот. др. Некоторые из этих производных явно книжного образования (*выгнание*, *вынрѣние*), что свидетельствует о том, что слова с приставкой *-вы* были продуктивными и у древнерусских книжников. Часть слов впоследствии переходит в разряд архаизмов: *выдѣти* «вытянуть, высунуть (наружу)» (Александрия, XII в.), *высѣдати* «высаживаться», *высѣсти* «высадиться» (Лавр. лет., 1016 г., Ипат. лет.,

* Окончание. Начало статьи см. в ВЯ, 1982, № 2.

1103 г.) и др., т. е. эти продуктивные образования продолжали жить своей жизнью, в них что-то появлялось вновь, а что-то устаревало. На самом деле слов с *вы-* в древнерусском языке было значительно больше, чем их оказалось в ранней письменности. Сколько их было в точности, мы никогда не узнаем. В СлРЯ XI — XVII вв. их всего зафиксировано 873, у Срезневского 166, в СРНГ свыше 2000, а в Словаре современного русского литературного языка (ССРЛЯ) тоже свыше 2000. К этому надо прибавить слова на *вы-*, не совпадающие с русскими, в украинском и белорусском языках (литературных и их говорах). Конечно, большинство из этих тысяч слов является поздними образованиями, но нужно учитывать и то обстоятельство, что количество любых слов зависит от объема сохранившихся и привлеченных в словарях текстов. Древнерусские тексты XI — XIII вв. по своему объему во много раз уступают текстам поздним и тем более современным, к которым прибавляются записи устной диалектной речи. Какая-то часть древнерусских слов вовсе не попала в письменность и до нас не дошла, а какая-то часть слов, зафиксированных в поздней и современной письменности, а также в говорах, восходит к древнему времени. Ср., например, *выверви́ти* «измерить, промерить (о земле)» в одном из архангельских документов (Тяжебные дела XVI в.): «Памят веревщикам *выверви́ли* въ архангельскои дрвнѣ полдругинадцать веревки горних земел(ь) и юрмолских земел(ь) всих» (СлРЯ XI — XVII вв.). К этому слову подходит современное арх. *ве́рвить*, *верви́ть*, *вервова́ть* «измерять землю (земельную площадь) вервью — веревкой». *Вывьрвити* связано с древнерусским дохристианским *вьрвь* «община». И таких примеров можно было бы найти немало. Вероятно, мы не очень ошибемся, если предположим, что в древнерусском языке эпохи ранней письменности (включая и его диалектные разновидности) слов с *вы-* было несколько сотен (например, 300). Этих слов не было в старославянском языке.

Восточнославянские глаголы с *вы-* и старославянские с *из-* в выделительном значении (*из-* в значении полноты, исчерпанности действия было исконно древнерусским, унаследованным из праславянского языка) вошли в тесное взаимодействие в древнерусской письменности, причем их употребление было обусловлено тематикой памятников и языковыми установками авторов. *Из-* выделительное господствовало в церковнославянском языке древнерусского извода, в который проскальзывало и *вы-*, и было признаком церковнославянской книжности, тогда как *вы-* было обычным в языке деловой письменности, в погодных летописных записях и некоторых других оригинальных древнерусских памятниках. В современном русском литературном языке явно побеждает *вы-* выделительное (в народных говорах тем более). Употребление *вы-* и *из-* выделительных в древнерусскую эпоху специально обследовано Г. И. Белозерцевым [20—21], хотя, разумеется, исследование этой проблемы, как и других подобных, не исчерпано.

Когда речь идет о лексических различиях между близкородственными языками, особо важное место имеют слова, обозначающие «одно и то же», не связанное с особенностями местных явлений природы и уклада жизни. В исходном своем употреблении они стоят в синонимических связях между собой, поскольку синонимы присутствуют только в языке или диалекте, представляющих собой живую коммуникативную систему. Древние болгары и восточные славяне имели свои особые и оригинальные коммуникативные системы, и отношения между *абие* и *вдругъ* не были синонимическими, так как *абие* не было известно восточным славянам. Синонимические связи возникали только в том случае, когда обе системы тесно соприкасались друг с другом и оказывались в распоряжении одних и тех же лиц (древнерусских книжников), да и то не всегда, если слова не могли свободно употребляться в любой сфере общения. Если же слова употреблялись только в одной из речевых сфер (например, только в церковнославянском языке) и были чужды в другом виде речи, синонимические отношения между ними были лишь частичными, ограниченными жанром письменности (или темой разговора книжных людей). То же относится ко всем другим лексико-семантическим и словообразовательным особенно-

стям слова (см. выше слова с приставками *вы-*). Имелись ли различия между древнеболгарским и древнерусским языками в словах, обозначающих одно и то же понятие? Да, имелись, причем в значительном количестве в самых разных частях речи. Приведем здесь только некоторые примеры.

Союз и частица *аже, ажь* в разных значениях: «если», «в том случае», «если, что, который», «даже», «и вот», «разве», «неужели» и др. широко представлены в древнерусских памятниках, особенно в деловой письменности, летописных записях и т. п., и вовсе отсутствуют в пражском словаре и словаре Л. Садник и Р. Айцетмюллера. В современных южнославянских языках слов нет (исключая позднее — XV — XVI вв.— и теперь устарелое серб.-хорв. *аže*), тогда как в восточных и западнославянских (литературных и диалектах) они обычно, представляя собой праславянское сочетание **a* и усилительной частицы **že*. К *аже* примыкают *аже бы* (*ажь бы*) «чтобы», «если бы» (Смоленск. гр. 1229 г.), *аже да* (*ажь да*) «если», *аже ли* (*ажь ли*) «если не», «если нет» (Ипат. лет., 1149 г.), *ажно* (в русских говорах в самых различных значениях: «даже», «так что» и т. д.) и некоторые другие образования. В ст.-слав. и ю.-слав. языках имеется достаточно средств, чтобы по-своему передать эту гамму значений.

Любопытно употребление союза и частицы *ано, анъ* «но», «а», «однако». В др.-русск. языке слово обычно в деловой письменности, летописях и других оригинальных произведениях, частотность его достаточно высока. В ст.-слав. языке оно не зафиксировано, нет его и в церковнославянском языке древнерусской редакции, продолжавшем традиции своего источника, хотя в современных ю.-слав. языках слово имеется. По каким-то причинам *ано, анъ* не попали в древний книжный язык и фактически (тут важны показания русской церковной письменности) стали отличительными особенностями древнерусского литературного языка.

Ати, ать, союз и частица «пусть будет так» (ср. в Пов. вр. лет: «и повелѣ осѣдлати си конь: *ать* вижю кости его» — в легенде о смерти Олега вещего) — слово обычно в светской литературе, изредка встречается и в древнерусской церковной, но вовсе отсутствует в ст.-слав. языке и в ю.-слав. языках. Оно было локальным образованием северной зоны праславянского языка (**a* + местоименная основа **-ti* с указательным значением). Основа **-ti* стоит в одном ряду со словоизменительными формами **te-*, **to-*, **tъ*. Возникли варианты *атъ, ато*, менее частые в др.-русск. языке в том же побудительном значении и вовсе не засвидетельствованные в ст.-слав. языке, хотя имеется современное болг. *ато*, но совсем в другом значении — «а выходит», «а оказывается, что». Побудительное значение заменяется в восточнославянских говорах комплексом противительных, утвердительных и иных функций (ср. русск. диал. *ат* с выражением отрицания, неудовольствия и проч., *ата* «неужели, правда ли, может ли быть, будто, нет же, да нет же» и др.; *ато* «ан, ан вот же, иначе, в противном случае», «да, конечно, разумеется и др.», *ать* «ведь» и др., см. СРНГ, вып. I; укр. *ато́* «а, но, а не то, а между тем, кроме того, еще» и т. п.). В истории этих значений (что в них позднее, а что древнее) предстоит еще разобраться. У древних славян были и другие локальные образования с **a*: **ale* (по О. Н. Трубачеву, «исключительно сев.-слав. союзное словосочетание»), **a ni* («конструкция **a ni* носит характер преимущественно западнославянского образования», а соответствующие примеры из словен., укр. и белорусск. языков следует «расценивать как маргинальные по отношению к зап.-слав. ареалу» — О. Н. Трубачев; ср. еще курск.-орл. *аниж* «так что, даже» — СРНГ, вып. I), **a si*/**a se* (чеш. *asi* «примерно, возможно» и другие зап.-слав. примеры, сюда же русск. диал. *асе, аси* с побудительным значением «а вот, а ну, смотри» — СРНГ), **a bo* («словосочетание праслав. **a bo* практически не отразилось в ю.-слав. языках» — О. Н. Трубачев; др.-русск. *або* «или» появляется в деловой письменности с XIV в.), **a by* «если бы, лишь бы» и др. значения [«союзное словосочетание **a by*, главным образом со значением цели, а также условия, широко представленное в зап. и вост.-слав. языках. Что касается ю.-слав. языков, старославянский пример (Супр.) стоит особняком и тяготеет ско-

рее к соответствующим севернославянским данным» — О. Н. Трубачев], ряд других древних союзов и частиц [ср., например, союз *а*, известный во всех славянских языках, но «вместе с тем значительную древность следует признать, вероятно, за случаями отсутствия конкретного значения (см. выше сербохорв., моравск.), которые примыкают к присоединит. функции» — О. Н. Трубачев] еще в праславянскую эпоху составляли диалектные зоны с разными границами. А ведь эти слова образуют не только лексический костяк языка, но и играют существенную роль в структуре предложения. Локализмов в этой области оказывается немало, а новые разыскания сделают к нашим теперешним знаниям существенные добавления.

Перейдем теперь к другим словам общесемантического разряда (также, разумеется, ограничиваясь лишь некоторыми примерами). Среди них встречаются как древние праславянские слова, так и древнерусские новообразования.

Брехати «лаять (о собаке, лисице)». В Сл. о п. Иг. «орли клектомъ на кости звѣри зовуть, лисици *брешутъ* на чръленыя щиты». В «Житии Андрея Юродивого» «яко пьсъ *бреша*» (в других списках *лая*), отглагольные производные *брехание*, *брешение* (в памятниках XI — XIV вв.), *брехъ* «лжец, клеветник, ябедник» (с XIV в.). Слово общеславянское, но в южнославянских языках оно имеет другие значения — «сильно кашлять, стонать, сильно чихать» и др., а в старославянской письменности вовсе отсутствует. По-видимому, первоначальным значением этого звукоподражания было «сильно кашлять, производить кашляющие звуки», а по схожести с ними «лаять» (злобный лай похож на надрывное кашлянье, задыхание), но значение «лаять» (в русских говорах, главным образом, южновеликорусское) возникло в дописьменную эпоху (ср. словац. *brechat'* «лаять», польск. *brzechać* «то же»). В старославянском языке его не было и не могло быть.

Брѣзгати, *брѣзговати* «брезговать». Впервые встречается в Житии Андрея Юродивого, древнерусский перевод которого восходит к XII в., а позже в ряде других памятников русского происхождения (ср. в «Пословицах» XVII в., опубликованных П. К. Симони: «Ѣздить моремъ — не брезговать горем»). Слово праславянское, относящееся к северной славянской зоне и неизвестное в ю.-слав. языках и соответственно в ст.-слав. языке: чешск. *bresk*, польск. *brzazg* «терпкий вкус», русск. диал. *брезга* «брезгливость», «брезгливый, надоедливый, навязчивый человек, брюзга» и пр., укр. диал. *бреск* «сырость, плесень», польск. *obrzazgnąć* «киснуть», русск. диал. *брезгнуть* «портиться, плесневеть», *брезгно* «противно, мерзко», *брезги* «сплетни», русск. *брѣзгливый* (XVII) в. и ряд других производных в вост. и зап.-слав. языках. Когда возникли производные от **brezg-*, сказать трудно, но отвращение к испорченной пище, а соответственно ко всему мерзкому, неприятному, у людей было всегда, начиная с древнейших времен. Довольно много расхождений между др.-русск. и ст.-слав. языками имеется в производных образованиях с приставкой *въ-*: зафиксированы только в древнерусских памятниках *въбѣчи* (Хождение Даниила игумена, 1113 г.), *въборзѣ* «быстро, без промедления» (начиная с XI в.), *въвадитися* «повадиться» [Лавр. лет., 945 г.; в пражском словаре *въвадити* в ином значении «запрячь» из Захаровского паримейника русской редакции 1271 г.; в словаре Л. Садник и Р. Айцетмюллера слова нет; в др.-русск. письменности *въвадити* «повадить» (обычно), *въвертѣти* (Радз. лет., 1015 г.), *въвыкнути* «привыкнуть» (с XIII в.), *въдругыѣ* «вторично, опять» (Лавр. лет., 1152 г.), *възадъ* «назад» (Русск. Пр.), *вълягомо*, *вълягоми* «поздно вечером, когда ложатся спать», *възводъ*, *възводье* «вверх, против течения» (Новг. I лет., 1176 г. и др.)], *възводнитися* «выйти из берегов» (Хр. Амарт.) и т. д. В то же время засвидетельствованы только в старославянской письменности *въвѣрити* «проникнуться верой, поверить», *въглубити* «вонзить» (Супр.)., *въгодьныи* «приятный, угодный» (там же), *въжагати* «возжигать» (во многих памятниках), възбити «убить» (Супр.) и др. Такие расхождения насчитываются десятками слов. Приставочные образования с *въ-* продуктивны в славянских языках, и локализмы

в них начали создаваться еще в праславянскую эпоху. Вероятно, в живой речи их было фактически больше, чем это нашло отражение в письменности.

Вазнь «счастье, удача» («что есть *вазнь*», Изб. 1073 г.; Ипат. лет., 1287 г. и др.). У Фасмера помета «только др.-русск.» К этому слову относятся др.-русск. производные *вазьнивыи* «счастливый, удачливый» (Александрия, Новг. IV лет., 1238 г. и др.), книжное образование *вазньство* «счастье, везение» (Александрия). Этих слов нет и в болгарском этимологическом словаре [22]. Впоследствии они исчезли и в вост.-слав. языках. Как предполагает Фасмер, не исключено, что здесь имеется чередование *a*//*e* (*везти*), которое представлено в др.-русск.) ц.-слав. *васнь* «спор, раздор» (<**vadsnь*), укр. *васнь* «ссора», чеш. *vašeň* «страсть», словац. *vašeň*, др.-чеш. *vašně*, польск. *vaśń*, в.-луж. *vašńa*, «причуда», которые относятся к **vaditi* (ст.-слав. *вадити* — в Зогр., Мар. и Супр., также др.-русск. «ложно обвинять, клеветать»), хорошо представленное и в ю.-слав. языках. Однако производных *вадьба* «злословие, клевета», *вадьникъ*, *вадьца* «подстрекатель» нет в старославянской письменности, они зафиксированы в древнерусских памятниках с XII в.

Граяти, *възграяти* «громко каркать» (Сл. о п. Иг., Задонщина, Сл. о Мамаев. побоище). Этого древнего звукоподражательного слова нет в ст.-слав. языке, хотя оно имеется в ю.-слав. языках, но почти всегда в производных значениях «говорить, болтать, шуметь, кричать» (только в серб.-хорв. есть *грȁјати* «каркать»), тогда как «каркать» обычно в вост.-слав. языках. Не исключено, что в южнославянской зоне семантический сдвиг произошел рано, в эпоху раннеславянской письменности.

Гворъ «пузырь» (дождевой или вообще водяной)», уменьш. *гворьць*, *гворати* «с выпуклой шляпкой (о гвозде)» известны только в древнерусской письменности, начиная с XI в., сохраняются в русских диалектах с теми же значениями, укр. *гвор* «клинья в штанах» (от значения «пузырь»). Отмеченное в словенских говорах *gor* «груда навоза», производные серб.-хорв. *gvorilo* «вид ободка с основой для фески», *гвȍрило*, словен. *gorjáča*, *garjáča* «узловатая, суковатая палка, дубинка», далеко разошлись со значением «пузырь».

Гоголь «селезень» («а Игорь князь проскочи горностаемъ къ тростию и бѣлымъ *гоголемъ* на воду». Сл. о п. Иг.), *гогольныи* (Грамота Новгорода и Пскова 1192 г.), *гогольныи* (Новг. I лет., 1270 г.). Это древнее звукоподражательное слово (**go-gol*, **gol-gol-*), в разных значениях известно во всех славянских языковых группах, за исключением болгарской языковой области. Предположение, что алб. *gogól* «вид лысухи» представляет собой след. болг. **гогол*, сомнительно, так как в албанский язык слово вполне могло быть заимствовано из других ю.-слав. языков. Во всяком случае, его не было в ст.-слав. языке, что подтверждается его отсутствием в церковнославянском языке древнерусской редакции.

Гоготати «гоготать (о гусях)» (Задон.). Слово также древнее звукоподражательное. Оно распространено в вост.- и зап.-слав. языках, но его нет в болг. и серб.-хорв. Словен. *gogotáti* «гоготать, кудахтать» свидетельствует только о лексической связи словенского с западнославянскими языками.

Гроза «гроза» (Сл. о п. Иг.). В южно- и зап.-слав. языках распространены значения «страх, ужас, угроза, опасность» и другие производные, тоже в ст.-слав. языке (только в Клоцовом и Супрасльском сборниках), и лишь в восточнославянской языковой области выделяется «молния с громом, гроза». Соотношения значений этого полисемантичного слова с исторической точки зрения следует еще выяснить, но *гроза* по происхождению несомненно является древним словом.

Целая группа слов с корнем **gręz-* также отделяет др.- русск. язык от ст.-слав.: *грязь* (и *грѣзь*) (засвидетельствовано с XIII в.), *грязти* «погружаться в грязь» (архаичное образование), *грязнути* «то же» (Лавр. лет., 985 г.), *грязивыи* «топкий» (Сл. о п. Иг.), *грязина* (Ипат. лет., 1151 г.), *грязкий* «илистый, топкий» (Переясл. лет., 1151 г.), *грязьныи* и др. Всех этих слов в старославянской письменности нет, что не случайно,— эти

слова отсутствуют в болгарской языковой области, хотя некоторые из них имеются в других ю.-слав. языках. Создается впечатление, что они преимущественно распространены в северной славянской зоне. Кстати говоря, то же самое можно сказать и о **grǫz-* с его многочисленными производными (в болг. языке их нет).

Союз *дабы* «чтобы, для того, чтобы» и др. (Соф. I лет., 907 г. и прочие только оригинальные русские памятники) по своему сложению прозрачен (*да* + *бы*). Впоследствии становится книжным (преимущественно канцелярским) словом и переходит в разряд устаревшей лексики.

Наречие *давѣ*, *давѣче*, *давеча* «недавно, вчера» (Лавр. лет., 1077 г., Сл. о п. Иг. и др.) в этом значении и близких к нему известно в вост.- и зап.-слав. языках, а также в словенском языке (в последнем — один из примеров схождения с западнославянской лексикой). В болгарском и сербохорватском отсутствует. Образование достаточно древнее.

Числительное *девяносто*, которое обычно приводится всеми как отличительная особенность др.-русск. языка, отсутствующая в ст.-слав. В письменности появляется только с XIII в., хотя безусловно является праславянским диалектизмом.

Дѣяти «говорить» (Изб. 1073 г., Лавр. лет., 1078 г. и др.). Этимологически связано со значением «делать» и «говорить», причем семантическое раздвоение слова произошло еще в праславянскую эпоху. В старославянских текстах *дѣяти* «говорить» не зафиксирован (кроме Супр. *дѣеши ли*). В вост.-слав. языках постепенно выходит из употребления. От неизменяемой формы *дѣи* («говорит») образуется частица *де* (укр. *ді* «именно, то есть») и дескать (из *дѣе съказати*). В зап.-слав. языках (например, в чешском, лужицких) значение «говорить» сохраняется и в наше время, тоже и в словенском (*dejáti* «говорить») — еще одна лексическая общность с западнославянской областью. Если в др.-болг. языке *дѣяти* «говорить» и было, то во время становления ст.-слав. языка оно вышло (или почти вышло) из употребления, в отличие от др.-русск. языка, в котором было достаточно широко представлено.

Любопытно отсутствие в ст.-слав. языке слова *дикъ*(*ий*) «дикий» и его производных, вместо которого обычно *дивий*, широко распространенного также в церковнославянском языке древнерусского извода. Ср. *дикии* в Ипат. лет. под 1136 г. и в других многочисленных памятниках, *дичина* «мясо дикого зверя» (с XII в.), *дичитися*, *дичати*, *дичь*, *дикость* и др.— хотя, как правило, производные не попали в письменность, но достаточно широко представлены в восточно- и западнославянских языках. *Дик*, *дикый* имеется и в современном болгарском языке, но продуктивность его невелика, в отличие от *див-*. *Див-* хорошо представлено во всей славянской языковой области (ср. русск. *диво*, *дивиться*, *удивляться* и пр.), но *дивии* в значении «дикий» и некоторые производные от него явно тяготеют к южнославянской зоне. По-видимому, между *дикии* и *дивии* в дописьменное и раннеписьменное время происходила конкуренция, в результате которой один из синонимов отходил на задний план или вовсе вытеснялся, вместе с чем по-разному реализовались словопроизводные образования.

Как и с приставкой *въ-*, довольно многочисленны расхождения между ст.-слав. и др.-русск. языками в словах с приставкой *до-* (это относится ко всем продуктивным образованиям с приставками). Ср. имеющиеся только в древнерусской и отсутствующие в старославянской письменности (по данным словарей) *добити* (Пов. вр. лет, вступительная статья и др.), *доверечи* «добросить» (Хожд. Даниила игум., 1113 г.), *добытъкъ* «добыча» (Радз. лет., 1103 г.; в словаре Л. Садник и Р. Айцетмюллера нет и *добыти*), *догънати*, *догонити*, *догоняти* (с XI в.; в пражском словаре приводится *догонити* только в значении «принуждать» из Венской гомилии XIII в.; у Садник и Айцетмюллера слово не отмечено), *додьржати* «удержать, сохранить (до какого-либо срока)» (Лавр. лет., 1117 г., Русск. Пр.), *докопатися* (Ипат. лет., 1091 г.), *долѣзти* «дойти» (Лавр. лет., 998 г.; у Садник и Айцетмюллера нет и *лѣзти*) и т. п. В свою очередь, отмечены только в старославянских текстах *доводитель* «вождь, водитель», *довольникъ* «довольный человек», *допасти* «пасть» и др. Конечно, мы должны учитывать, что

в отражении в письменности производных (в том числе и префиксальных) слов могут быть (и, вероятно, есть) всякого рода случайности, и все же далеко не все тут случайно.

Нам представляется, что достаточно и вышеприведенных примеров, чтобы говорить о серьезных лексических различиях между двумя сопоставляемыми нами языками. На буквы *А* — *Кр-* мы насчитали (вместе с производными) около 700 слов со значениями, общими для всех славян IX — XIII вв., не зависящими от каких-либо местных обстоятельств, засвидетельствованными только в древнерусской письменности и отсутствующими в старославянских текстах. А если бы СлРЯ XI — XVII вв. был уже весь опубликован, то восточнославянизмов оказалось бы свыше 2000. Конечно, мы обязаны, как и во всех других подобных случаях, подчеркнуть, что эта цифра нуждается в тщательной проверке, что если бы мы и не допустили возможных ошибок, отражение в письменности (особенно дошедшей до нас только частично) слов во многом зависело от тематики памятников и всякого рода случайностей. Все это так. И все же в своих разысканиях мы всегда делаем выводы только из того, что в настоящее время фактически имеем.

Имеется еще и иная группа слов, значения которых так или иначе были связаны с жизненным укладом восточных (соответственно и южных) славян. Конечно, граница между этими лексическими группами в известной мере условна, так как и в общих понятиях у разных народов отражаются особенности своего видения мира. «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [23]. Творит оно его в соответствии с общественной ступенью развития, с накопленными знаниями об объективном мире, привнося элементы собственного понимания мира. Определенную роль в этом процессе играет язык, его особенности, в которых заключаются многовековые традиции его истории. Но, конечно, первичным всегда остается объективный мир, окружающий людей. Древние славяне понятия не имели о картофеле и кенгуру, поэтому в их языке и не могло быть соответствующих обозначений. В IX—XIII вв. они занимали огромную территорию с различными природными условиями, к которым надо было приспосабливаться, входили в контакты с разными племенами, народностями и цивилизациями, у них создавался свой особенный быт, что находило свое отражение прежде всего в словарном составе. Восточные славяне не представляли собой исключения. В их языке возникали (или сохранялись от праславянской эпохи) слова, исконные и заимствованные, которых не было у южных славян. Приведем здесь некоторые примеры.

Бъдынъ «языческий надгробный памятник». Слово дошло до нас в Житии Ольги, которое написано не позже XIII в. Ольга завещала своему сыну язычнику Святославу после ее смерти «с землею равно погрестися, а могылы не сути, ни трызнъ творити, ни *бдына дѣяти*». Слово это давно привлекало к себе внимание исследователей. Но как бы ни истолковывать его этимологию, несомненно одно: оно представляет собой отголосок восточнославянской языческой терминологии, беспощадно изгонявшейся духовенством. Приходится только удивляться, как оно сумело проскользнуть в житийную литературу (автор Жития Ольги, вероятно, следовал народной легенде об Ольге).

Безадьница «лишение наследства» (Русск. Пр.), *безадьщина* «доход или оброк с выморочного наследства» (Переясл. лет., 1035 г.), *безажю* «без наследника» (Русск. Пр.). Этимология слов прозрачна (*задьница* «наследство». Не исключено, что эти юридические термины попали в письменность из обычного права.

Бѣла, *бѣлъка* «белка, шкурка белки, денежная единица». Начиная с XI — XII вв., употребляется исключительно в оригинальных древнерусских памятниках, отражая одну из специфических особенностей жизненного уклада восточных славян. Один из примеров, который обычно приводится как восточнославянское новообразование.

Бърковьскъ «мера веса (около 10 пудов)», *бърковьць*, *бърковьскыи* (прилаг. в знач. сущ.: «избывъ же Владимеръ сего и постави церковь и створи праздникъ великъ, варя 300 *берковъскыхъ* меду», Соф. I, 996 г.).

Не исключено, что этот скандинавизм (др.-швед. *biœrko*, др.-норв. *bibrkey* от названия г. Бьёрке на оз. Меларен) первоначально был северо-западным (новг.-пск.) диалектизмом, откуда слово попало в балтийские и польский языки, но затем с развитием торговли стало известно и у южных восточных славян. Употреблялось в деловой письменности.

Басурманъ, *бесерменъ*, *бесерменинъ* и другие варианты «мусульманин» — тюркизм, который попал в древнерусский язык с противопоставлением христианства мусульманству (см. в «Уставе Ярослава» 1035 г. *бесерменка*, в Ипат. лет. под 1184 г. *бесурменинъ* и др.). Слово встречается в деловой письменности, в летописях и дожило до нашего времени.

Следует отметить группу производных слов от* *biti*/* *boj*, характерных по образованию и значениям для др.-русск. языка (в отличие от ст.-слав.): *битва*, *битвенъ* («мѣсто *битвено*», Флавий) (болг. *бйтва*, серб.-хорв. *bitva* «битва» скорее всего из русского, в старославянской письменности слово неизвестно), *било* (Лавр. лет., 1074 г.), *боевый* «боевой, относящийся к бою», *боевьникъ* «убийца» (Русск. Пр.; в ст.-слав., болг., серб.-хорв. нет, в словен. *bojevnīk* «борец, боец, воин»), *боиныи* «боевой» (Флавий — *боиная* лодья «ладья с высокими бортами», Русск. Пр.) и некоторые другие слова довольно раннего происхождения. Производные слова от праславянских основ, которые оказываются специфичными для др.-русск. языка (как и других ранних славянских языков и диалектов), заслуживают тщательного исследования — в них найдется множество локальных единиц.

Болонь, *болонье* «низкое поречье, покрытое травою, луг, выгон» и др. (Сл. о п. Иг. и др. памятники). В ст.-слав. и ю.-слав. языках *блань*, *бланье* отсутствуют. Родство **bolnь* в этом значении с **boln-* «пленка, кожица» и пр., также и **bolt-* «болото» весьма правдоподобно, но разделение этих слов на омонимы произошло очень давно, вероятно, в раннюю праславянскую эпоху. О. Н. Трубачев в своем словаре хотя и подчеркивает этимологическое единство этих слов, все же посвящает им разные статьи, тем самым признавая их лексическую независимость уже для праславянского лексического фонда. От **boln-* существуют разные словообразовательные и семантические производные, получившие локальное распространение. В наше время *болонь*, *болонье* «луг, выгон, площадь» и пр. распространено в западнославянских, украинском и белорусском языках, а на русской территории только в юго-западных говорах. Этот ареал имеет древнее происхождение.

Бърть «дупло с пчелиной семьей, колода для пчел» (Русск. Пр.), *бъртьныи* (там же), *бъртничати* «заниматься бортным промыслом» (Слово о погибели Русской земли, ~1238 г.) и другие производные (*бортникъ*, *бортничий*, *бортище*, *бортничество*), которые в письменности появляются позже, но образование некоторых из них, вероятно, является ранним. Слова известны только в деловой письменности. В южнославянской области имеются другие производные (болг. диал. *бртва* «борть», серб.-хорв. *бр̏тва* «затычка, пробка»), которые, вероятно, были образованы от праслав. (незафиксированного) **bъrti* «делать надрезы, вырезать» (О. Н. Трубачев). Сюда же серб.-хорв. *бр̏твити* «затыкать», словен. *bŕtiti* «то же» и др. Не исключено, что сюда же относится специфически др.-русск. *брьтьяница* «амбар, кладовая» (Ипат лет., 1146 г.).

Валъ «насыпь» (Лавр. лет., 1095 г.). Северное праславянское слово, скорее всего, не германизм, а относящееся к *валити*.

Видокъ «свидетель, очевидец» (Русск. Пр.). В Супр. рукописи есть иное производное — *видьць*. К древнерусским юридическим терминам относятся *вира* «денежная пеня за разные преступления» (Русск. Пр. и иные деловые документы; по Фасмеру, «только др.-р.» — ранний германизм), *вирьникъ*, *вирьныи* (там же), *голова* «убитый», *головьникъ* «убийца», *головьничьство* «плата за убитого» (там же), откуда *уголовный* и иные производные, а также довольно многочисленная группа слов той же тематической группы. Ср., например, *ѥорѣчи* «дать обещание» (там же), *въсадити* «посадить (в поруб)» (Моск. лет., 1155 г.) и мн. др.

Среди этого лексического пласта немало слов, имеющих отношение к общественному укладу жизни, к тем или иным формам ее проявления:

вьрвь «община» (Русск. Пр.; как замечает Фасмер, «только др.-русск.»), *вьрста* «мера длины» (Лавр. лет., 1097 г.; слово общеславянское, но в других славянских языках имеет иные значения), *възльстити* «возбудить, подстрекнуть обманом» (Новг. V лет., 1073 г.), *възмьстити* «отомстить» (Ипат. лет., 1142 г.; в старославянских текстах эти два последних слова не представлены), *въстонати* («а *въстона* бо братие Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми», Сл. о п. Иг. и др. памятники), *голважа* (Печерский патерик), *голважня* (Русск. Пр.) «мера соли» (только др.-русск. германизм), *гоньць* «гонец» (Переясл. лет., 993 г., Никон. лет., 1152 г.; нет и в современном болг. языке), *гораздый*, *горазьный* «искусный, умелый» и другие производные (с XI в.; в пражском словаре взято из второй легенды о Житии св. Вацлава: *гораздьно* «возвышенно», из Беседы папы Григория Великого, богемского происхождения, русской редакции XIII в.; *горазде* «совершенно», а также приводится собственное имя ученика Мефодия *Гораздъ* из мораво-паннонской легенды Жития Мефодия русской редакции XII в., в древнеболгарских памятниках и современных южнославянских языках слова эти отсутствуют; в данном случае мы имеем дело с древним германизмом, распространившимся в северной зоне праславянского языка), *гость* в специфическом значении «купец (преимущественно иноземный)», «чужеземец» (см. в Договорах с греками 907 и 945 гг., обычно употребляется в деловой письменности, летописях и некоторых других оригинальных произведениях; в церковнославянской письменности известно только в общеславянском значении «гость»; значение «чужеземец» находит себе соответствия в ряде и.-е. языков, следовательно, является древним семантическим локализмом в праславянском языке, ср. лат. *hostis* «чужеземец, враг»), *гривьна*, *гривънъка* «весовая и денежная единица» (начиная с XI в. широко употребительны в деловой литературе, летописях и других оригинальных произведениях; в пражском словаре приведено только в Беседах папы Григория Великого, богемского происхождения: *гривьна* «ожерелье, браслет»; в этом и других значениях — «железный обруч, железное кольцо» и пр. известно и в современных ю.-слав. языках, но как денежная и весовая единица для южнославянской зоны нехарактерно), *гридь*, *гридьнь*, *гридинъ* «княжеский дружинник, воин, телохранитель» и другие лексемы того же корня (скандинавского по происхождению): *гридити* «служить на военной службе» (Хр. Амарт.), *гридьба* «княжеская дружина» (Лавр. лет. 1177 г.), *гридьня*, *гридница* «помещение для дружинников» (Лавр. лет., 996 г.), *грунь*, *груна*, *груница* «особого рода конская рысь», наречия *грунью*, *на грунахъ* (распространенное слово в древнерусской письменности).

Доля «часть, участь, судьба» и др., *доль* «то же», появляется в древнерусской письменности только с XIV в., но древность слова несомненна — употребляется с производными не только во всех вост.-слав. языках, но и в зап.-слав. зоне (ст.-чеш. *dole*, *sdolí* «счастливо, успешно», польск. *dola* «судьба, доля, удел, часть»), являясь праславянским словом северной диалектной зоны.

Дорога «дорога, путь» (Сл. о п. Иг.). Праслав. **dorga* означало «быстрина, узкий залив, т. е. путь по воде», а также «росчисть в лесу», т. е. обычные места передвижения древних славян, живших в лесистых местностях, прорезанных реками. Впоследствии значение слова расширяется [«а половцы неготовами *дорогами* побѣгоша къ Дону великому» (Сл. о п. Иг.)], причем происходит это еще в праславянскую эпоху: «дорога (вообще)» имеется в зап.-слав., серб.-хорв. и словен. языках (наряду с другими значениями). В болг. и ст.-слав. языках *драга* отсутствует.

Долстити «долбить» («льпши есть камень *долотити*, нежели зла жена учити», Слово Даниила Заточника). На праслав. **dolt-* < **dolbt-* (другая ступень чередования к **dъlbt-*) указывает чеш. *dlabati* «долбить». Сюда же др.-русск. *надолобъ*, русск. *долото* (< **dolbto*). Никаких признаков *длати*, *длатити* у южных славян и в ст.-слав. языке нет.

Дорогъвъ, *дорогость* «дороговизна» (Новг. I, 1170 г., другие новгородские, псковские, московские летописи) — древнерусское (вероятно, диалектное; в современных русских говорах *дороговь*, *дороговизь*, *дороговизень*,

дороговизня занимают северную и северо-западную зону, отчасти и центральную, русск. *дороговизна*, белорусск. *дарагавізна*) новообразование.

Жъмчюгъ, *жънчюгъ* «жемчуг» (надпись на кресте Ефросинии Полоцкой, 1161 г.). Встречается и в некоторых церковнославянских памятниках др.-русск. извода, но преимущественно употребляется в деловых и иных светских текстах (ранний тюркизм, по Фасмеру — «специфически вост.-слав. слово, восходящее к др.-тюрк. *jänčü* 1) жемчуг, 2) название Сыр-Дарьи»).

Мы могли бы продолжить свои примеры, но и приведенных достаточно, чтобы утверждать, что и в этом слое лексики древнерусский язык заметно отличался от старославянского. По моим самым приблизительным подсчетам (включая данные А. И. Соболевского), таких слов на буквы *А* — *Кр-* оказалось около 450 (вместе со словами, имеющими особое значение), а всего в словарном составе их найдется не менее 1200. Дальнейшие разыскания безусловно дадут новое пополнение.

К приведенным выше слоям лексики надо прибавить еще названия особенностей природных явлений, в частности, особенностей ландшафта, которых тоже оказывается немало. Ср., например, *вьрагъ* «овраг» (по Фасмеру, только др.-русск.), уменьш. *вьражькъ*, *гомолъ*, *гомоля*, *гомуля* «ком, комок» (нет в ст.-слав. и болг.), *горностай*, *дъхорь* «хорек» (тоже нет), *заморозъ*, *заморозь* «заморозки», *зегзица*, *зогзица*, *зогзуля* «кукушка», и др. значения, *изгорье* «взгорье, взгорок», *икра* «льдина», *ильмъ* «вяз» [в пражском словаре *ильмъ* (Ulmus) приведен только из Беседы папы Григория Великого, богемского происхождения], *ирии* «теплая страна, откуда прилетают птицы» и мн. др.

Остается еще значительный слой диалектной лексики, которая не была в общем употреблении у восточных славян и в то же время отсутствовала в старославянском и народном древнеболгарском языке, т. е. относилась к расхождениям между древнерусским и старославянским языками (некоторая часть ее имеется в вышеприведенных примерах). Большая часть ее не попала в письменность. В первых семи выпусках словаря О. Н. Трубачева нами найдено около 240 слов, имеющих свои особые диалектные зоны на восточнославянской территории, из них только около 70 были или употребляются и теперь в письменности русских, украинцев или белорусов. Иными словами, основная масса лексических диалектизмов, которые возводятся к праславянской эпохе, так и осталась достоянием только устной восточнославянской народной речи. Можно предполагать, что когда будет завершено предприятие коллектива под руководством О. Н. Трубачева, лексических диалектизмов окажется что-то около 1000, т. е. они составят основную массу собственно восточнославянских слов. Но ведь после распада праславянского языкового единства и выделения из него особого восточнославянского языка, особенно в древнерусскую эпоху, происходило интенсивное нарастание словарного состава, а вместе с ним и появление новых диалектизмов, которые предстоит еще выявить.

Самым верным признаком того, что слово в др.-русск. языке было не общераспространенным, а диалектным, является совпадение (если не полное, то в основном) его современного ареала с ареалом, который можно восстановить по данным письменности, начиная с начальных ее времен и до XX в. (особенно до XVII—XVIII вв.). Таким способом нам удалось реконструировать около 170 лексико-семантических диалектизмов древнерусской эпохи, не считая многих производных образований и вариантов слов, значительная часть которых могла существовать в древнерусских диалектах [24]. Возможные ошибки при применении такого метода ареальной реконструкции могут обусловливаться только отсутствием в нашем распоряжении необходимых сведений (эти сведения и исправят допущенные промахи), а не самим методом. Добывать эти сведения и умело применять их — дело, конечно, нелегкое. За последние годы опубликовано много новых работ по древнерусской диалектной лексике, которые нуждаются в надлежащем обобщении.

Второй способ восстановления древней диалектной лексики (не про-

тиворечащий первому) — метод этимологизации, который может успешно применяться только компаративистами самой высокой квалификации. Этот метод оказывается единственным, когда речь идет о диалектизмах, мало или вовсе не нашедших своего отражения в письменности (особенно в ранней). А ведь как показывает опыт реконструкции праславянского словарного фонда, таких диалектизмов имеется подавляющее большинство. И многое в диалектной лексике остается еще не этимологизированным. Есть и такие диалектизмы в древнерусской письменности, которые не дожили до наших дней. Аргументировать их существование данными самой письменности можно только отчасти, поскольку географическое распределение дошедших до нас древнерусских памятников крайне неравномерно. Решающее слово в таком случае остается не за лингвистической географией как таковой, а за этимологией. Впрочем, и тут не все преодолимо, так как бывают случаи, когда неясно, относится ли слово к праславянскому времени или к древнерусской эпохе. Например, в северо-западной письменности употребляется редкое слово *гошити* «устраивать, изготовлять, делать» с производными *изгошити*, *угошити*. Замена этих слов другими (иногда бессмысленная, например, вместо *изгошити* писец ставил *изгонити*, *изгнати* и проч., не понимая смысла слова) явно показывает на локальную ограниченность этих лексем. В наше время *гошить* (*изгошить*, *пригошить* и др.) распространено в северо-западных говорах русского языка, а также в закарпатских говорах украинского (может быть, и еще где-нибудь) в близких значениях. Высказано мнение (см. словарь Фасмера), что *гошити* представляет собой сокращенную форму *гоношити*, с чем согласиться невозможно из-за фонетической невероятности такого сокращения. О. Н. Трубачев не включает в свой словарь *гошити*, видимо, считая его инновацией. Однако, вряд ли это инновация — не могла она возникнуть на древнерусском севере и крайнем юго-западе, в таких отдаленных местах независимо друг от друга. Многие праславянские слова остаются еще этимологически неясными. Этот пример лишний раз подчеркивает, что лингвистическая палеогеография и собственно этимология (объяснение исходного значения слова и его фонетико-словообразовательной структуры) неразрывно связаны и составляют единое целое, которое входит в историческую лексикологию.

Итак, мы констатируем, что лексические расхождения между старославянским (древнеболгарским) и древнерусским языками выражались не в десятках, как обычно это полагают, а в тысячах и тысячах слов и их значений. Дальнейшие исследования в этой области несомненно внесут коррективы в наше положение, но вряд ли кому удастся вновь утвердить мнение, что в XI—XIII вв. на Руси имели место всего лишь некоторые диалектные отличия, к которым в письменно-религиозной сфере прибавлялась новая религиозная терминология, выполнявшая примерно такую же роль, как специальная лексика в наше время. Нет, в Древней Руси вошли в соприкосновение два близкородственных, но самостоятельных языка, отличавшихся друг от друга не только «специальной» терминологией, но и словами всех лексико-тематических групп. Это является отправной базой всех исторических изменений, имевших место в письменной сфере Древней Руси XI—XIII вв. и более поздних времен (отчасти и устной народной речи, поскольку язык письменности оказывал некоторое воздействие на народную речь), существования своеобразного двуязычия. Не случайно поэтому, что мы уделяем столько внимания восточнославянско-древнеболгарским лексическим расхождениям, поскольку они были реальным фактом, который игнорировать невозможно. Разумеется, сохранялась и общая основа, унаследованная от праславянской общности, что и серьезно отличало русско-церковнославянское двуязычие от двуязычия других типов (например, германо-латинского). Как реализовалось и функционировало это двуязычие, что нового возникало в такой языковой ситуации — вот основная задача, которую предстоит решать историкам древнерусского и восточнославянских языков и в первую очередь специалистам по исторической лексикологии. В первую очередь потому, что именно в лексике прежде всего проявляются общность и раз-

личие между родственными языками и диалектами, так как словарный состав, являясь ядром наших знаний и вообще информации, состоит из огромного количества единиц, имеющих почти неограниченные возможности сочетаний в тексте. Те историки языка, которые пренебрежительно относятся к показаниям лексики, считая главным объектом фонетику, фонологию и грамматику, крайне обедняют живую жизнь языка и чрезмерно облегчают себе выполнение поставленных задач. Фонетические и грамматические единицы по сравнению с лексикой относительно немногочисленны, поэтому легче поддаются изучению, систематизации и схематизации, в том числе и всякого рода гипотетическим построениям. Фонетико-грамматические отличия старославянского и древнерусского языков, в общем, нам хорошо известны, хотя происхождение и развитие их во многом освещается еще противоречиво, т. е. до конца далеко не объяснено. Разумеется, никто не может умалять значения фонетики и грамматики, без которых нет языка. Но никто не должен пренебрегать и словарным составом, без которого также нет языка, тем более, что лексические единицы, как было сказано выше, неизмеримо обширнее по сравнению с фонетико-грамматическими и дают несравненно больше показаний при сравнении близкородственных языков. Выражение «лексика дура, грамматика молодец», бытующее среди языковедов (кажется, оно идет от Л. В. Щербы), нельзя принимать всерьез — оно обозначает лишь то, что лингвистам оперировать грамматикой несравненно легче, чем громадными массами лексического материала.

Всегда ли фонетико-грамматические показания совпадают с лексическими, когда речь идет о характеристике языка письменности Древней Руси и вообще об общности и различии близкородственных языков? Далеко не всегда. Возьмем для примера церковную легенду о посещении братом апостола Петра Андреем Первозванным языческой Руси, помещенной во вводной части «Повести временных лет». По формальным данным (неполногласие и пр.), которыми мы привыкли пользоваться при определении языка древнерусских памятников, эта легенда скорее изложена церковнославянским языком древнерусского извода: *къ сущимъ* (кстати, в древнерусском языке не было причастия **сучий*, как мы ожидали бы от глагола *сѫть*), *благодать*, *градъ* (о Киеве), люди *сущая*, *идущѭ* ми сѣмо (в некоторых списках *идучи* — позднее исправление), бани *древены*, прутье *младое*, *благослови* и др. Полногласные формы составляют меньшинство: *на березѣ*, *пережьгуть*, *Новъгородъ*. Однако если мы обратимся к лексике этого небольшого произведения, то за исключением *благодать*, *благослови* (им нет соответствий в древнерусской речи), в нем нет явных церковнославянизмов (*церкви*, исходная форма им. пад. ед. ч. **сьrky* — праславянское заимствование из **kirkō* или **kirikō*, попавшее в славянскую языковую область еще до распространения христианства у славян, известное и древним западным славянам; *крестъ* также праславянский германизм). Вся остальная лексика исконно восточнославянская с явными признаками специфических восточнославянизмов: *горы* «высокий берег реки», *горѣ* «вверх по течению (Днепра)», *квасъ*, *рамяно* «очень сильно» (по Фасмеру, нет в болг. и себр.-хорв., а словен. *rámeno* «очень, чрезвычайно, необычайно» связано с западнославянской языковой областью), *сълѣзь* съ горы (позднее исправление в Троицком списке *сниде*) и т. д Таким образом, язык этого сказания можно считать древнерусским литературным с церковнославянскими вкраплениями. Древнерусские книжники, подражая божественным старославянским книгам, нередко использовали неполногласие и другие «формальные» старославянские признаки машинально или сознательно для украшения своего языка. Ср. в Сказании об Андрее «прутие *младое*», которым стегали сами себя новгородцы в бане (в некоторых списках Пов. вр. лет употреблено *вѣники*). Неполногласие выступало даже в тех словах, которых вовсе не было в старославянском языке. Ср. *влатъ* «великан, волот» (Александрия), отсутствующее в южнославянских языках, и ряд других ложных неполногласий, о которых уже писалось в славистической литературе. Когда слово, получающее церковнославянские признаки, было исконновосточ-

нославянским по своим значениям и употреблениям, как мы его должны оценивать, церковнославянским или все же древнерусским, изменившим свое обличье? Языческое божество восточных славян *Волосъ*, под пером книжника превращающееся во *Власъ*, или *Велесъ*, которое мистификатор XIX в. решил изменить во *Влесъ* [25], перестают ли быть восточнославянизмами?

Вопрос этот имеет большое принципиальное значение. Историко-лексикологические исследования памятников древнерусской письменности могут во многом произвести переоценку языковой принадлежности тому или иному языку оригинальных древнерусских произведений, авторы которых росли и жили в одной языковой среде, не порывали с нею связей. Предстоит выполнить огромную работу по изучению словарного состава многочисленных произведений Древней Руси, которая принесет немало уточнений в наши теперешние представления и открытия. На первых порах с этой точки зрения можно было бы изучить «Слово о законе и благодати» Илариона, Жития Бориса и Глеба, Феодосия, Александра Невского и другие ранние оригинальные жития, сочинения Кирилла Туровского, Климента Смолятича, ранние летописные записи. Мы не говорим уже о важности исследования лексики деловой литературы, всякого рода записей, надписей и приписок. Словарный состав таких произведений, как Повесть временных лет, Слово о полку Игореве, Моление Даниила Заточника и некоторых других, хотя и изучался многими исследователями, но цельной и тем более исчерпывающей его картины мы не имеем. Важны для лексикологии древнерусского языка отечественные переводные сочинения. Как уже было сказано выше, значительное число старославянских и слов церковнославянских древнерусского извода, по данным современных словарей, не вышло за пределы религиозной письменности. Наличие и особенно заметное скопление таких слов в языке того или иного памятника говорит о многом. Это один из характерных признаков церковнославянского языка. В свою очередь употребление (особенно широкое) специфических восточнославянизмов свидетельствует о русском происхождении произведения, в том числе и переводного, а при отсутствии или случайности собственно лексических старославянизмов (церковнославянизмов) говорит в пользу принадлежности памятника к одной из разновидностей древнерусского литературного языка. При смешении церковнославянизмов и русизмов, что бывает часто, многое зависит от перевеса тех или иных элементов. Конечно, речь идет о лексико-семантических, а не «формальных» единицах. Разумеется, мы вовсе не намерены уменьшать роль «формальных» церковнославянизмов, особенно когда они получают стилистическое и тем более семантическое значение (ср. *волость — власть*) или совсем вытесняют свои восточнославянские варианты. В таких случаях из «формальных» они превращаются в полновесные лексико-семантические или стилистические единицы. Но все же следует подчеркнуть, что старославянский язык, попав на Русь, изменялся не только и не столько по своим собственным законам развития, сколько под воздействием восточнославянской речи. Церковнославянский язык оставался самим собой благодаря традициям, а изменялся прежде всего из-за того, что постоянно испытывал давление окружающей его языковой среды. Основная активная роль в создавшемся двуязычии принадлежала живому древнерусскому языку, который, конечно, испытывал известное воздействие со стороны церковнославянского языка, который недаром причисляют к древнерусскому изводу.

После того, как близкородственные лексико-семантические системы пришли в тесное соприкосновение друг с другом, начались и длительное время продолжались сложные процессы их взаимопроникновения. Это прежде всего касалось тех слоев лексики, которые отвечали потребностям так называемой «повествовательной (светско-церковной) литературы» (летописи, разного рода «Слова» и «Поучения», обращенные к грамотной по тем временам аудитории, оригинальные повести и сказания и т. п.). Консервативные слои старославянизмов (церковнославянизмов), так и не вышедшие за пределы богослужебной письменности, в общем, оставались

в стороне от объединения обоих языков и были наиболее характерной частью церковнославянского языка. Традиционность богослужебных текстов, осознававшихся как священные документы, препятствовала проникновению в них восточнославянизмов, хотя и не абсолютно. В свою очередь, светская оригинальная литература, особенно деловая, лишь только частично пропускала лексические церковнославянизмы. Таким образом, двуязычие в письменной сфере сохранялось. И все же точек соприкосновения и соответственно смешения было много. Создавалось нечто среднее самых разных типов, колеблющееся от памятника к памятнику. Это еще не было «средним стилем» ломоносовского времени— это было только тенденцией к языковому «усреднению», совмещения особенностей обоих языков. Разные и несомненно многочисленные, с преобладанием тех или иных элементов или уравниванием их, типы таких совмещений предстоит еще изучить. Кое-что в этом отношении уже сделано. Возникало не только механическое смещение, вариативность, но намечались и семантические взаимосвязи, объединенные лексико-семантические группы (т. е. слова, семантически взаимозависимые), свои особые нормы, которые, разумеется, видоизменялись. Ср. наблюдения Н. Г. Михайловской над группами *земля — страна — волость — область — власть*; *речи — глаголати — възвѣстити — възгласити — сказати — повѣдати — отвѣщати — вѣщевати — молвити*, над группами слов, обозначающих движение, военные действия, внутреннее состояние и др. [26]. Н. Г. Михайловская для своего исследования привлекла около 60 памятников разного характера, среди которых преобладают древнерусские оригинальные произведения. В этом направлении работа должна вестись интенсивно, так как нам еще мало известно, какие типы лексических скрещений создавались, как шло обогащение древнерусского литературного языка. В «пограничной полосе» шло интенсивное словообразование. По данным словаря Л. Садник и Р. Айцетмюллера, в ст.-слав. языке оказалось 119 слов или немногим более 1% всего словарного состава, образованных при помощи суф. *-ство*. В словаре Срезневского их уже 842, или 2,1% словарного состава (увеличение вдвое), среди которых имеются такие типичные русизмы, как *королевьство*, *воловьство*, *головьство*, *ворожъство*, *тиуньство*, *холопьство*, *комоньство* и т. п. Конечно, нужно учитывать, что суф. *-ьство* праславянского происхождения и некоторые из этих новообразований, может быть, восходят к праславянской эпохе, но в оживлении этого типа словообразования на древнерусской почве роль сыграл и старославянский язык.

Наши сведения о древнерусском словообразовании и его развитии пока еще скудны — имеются только частные исследования отдельных его звеньев, а общей картины, продуктивности и непродуктивности его типов, да еще в применении к отдельным жанрам письменности, пока еще нет. Это одна из важных задач будущих исследований. Со словообразованием связаны все типы лексических инноваций.

Историческая лексикология — дисциплина многоаспектная. Выше мы уделили много внимания взаимоотношениям древнерусского и старославянского (церковнославянского) языков, что вполне понятно, так как эти взаимоотношения определяли собой главные пути развития культуры древнерусской письменной речи. Ведь в конце концов формирование «сопредельной языковой полосы» между этими языками, шедшее в течение ряда веков, подготовило почву для возникновения «среднего стиля», из которого путем снятия противоречий между «стилями» и слияния их на русской народной основе в пушкинское время складывается современный русский литературный язык.

Однако не нужно забывать и то, что древние восточные славяне, занимая обширную территорию, находились в контакте с различными этническими образованиями, что неминуемо приводило к заимствованиям. Некоторые из этих заимствований получили общевосточнославянское распространение, другие стали локализмами, иногда довольно узкими. Одни заимствования дожили до наших дней (в литературных языках или говорах), другие исчезли. Установить состав заимствований, их историю озна-

чает приоткрыть завесу над жизнью наших предков. На этом пути нас ожидает много открытий. Если верно, что слово *степь* иранского происхождения, то оно является результатом ранних восточнославяноиранских связей, хронологию которого пока трудно определить. Впервые в русской письменности *степь* появляется поздно, только в XVII в. До этого *степь* обозначалась полисемантичным словом *поле*, которое, вероятно, оказалось в древнерусскую эпоху более сильным конкурентом, оставившим в тени слово *степь*. Лишь с широким хозяйственным освоением наших южных безлесных пространств *степь* оказывается более подходящим наименованием. Как наименование экзотической особенности ландшафта *степь* проникает в разные языки. Оно оказывается (что обнаружено О. Н. Трубачевым) в произведении Шекспира «Сон в летнюю ночь», впервые опубликованном в 1600 г. (*steppe*), т. е. ранее, чем в русской письменности! Для того, чтобы слову пройти через всю Европу (ср. нем. *Steppe*), нужно было время. Укр. *степ* (*не стіп*!) указывает на др.-русск. форму *стьпь*, что является доказательством древности слова (предполагать, что укр. *степ* заимствовано из русского языка, очень сомнительно, учитывая географические обстоятельства).

Как ни спорна этимология слова *собака*, все же следует отдать предпочтение его иранскому происхождению (ср.-иран, **sabāka*, перс. *sabah* и др. соответствия). *Собака* восходит к тем же временам славяно-иранских контактов, оказавшись восточнославянским локализмом (из восточнославянской языковой области оно частично проникает к западным славянам и совсем не попадает к южным). В письменности оно тоже появляется сравнительно поздно (не раньше XIII—XIV вв.; в Никоновской летописи оно стоит под 1135 г., но это поздняя вставка). Обычным словом было *пьсъ* «пес» и «собака вообще» с рядом производных (*сука* употреблялось редко). В конечном счете *собака* стало обобщающим словом, а *пес* названием собачьего самца. Старая «собачья» терминология на этом не кончается. Промелькнуло в древнерусской письменности и исчезло слово неясной этимологии *гричь* «пес», которое уже в XVI в. нуждалось в пояснении («*гричь*, . . . рекъше песъ», Хронограф, 1512 г.). Может быть, оно сохранилось в каких-нибудь говорах или других источниках?

Из района Среднего Поднепровья в VII—VIII вв. восточные славяне продвигаются к Чудскому и Ладожскому озерам, вступают в тесные контакты с финно-угорскими племенами. Как следствие этого в древнерусский язык проникают финно-угорские слова. В письменность их попадает немного, но в говорах (прежде всего северновеликорусских) они представлены довольно широко. В диалектной лексике предстоит выделить древнейшие финноугризмы, что сделано только отчасти. Ср. *соломя* «морской пролив, пролив вообще», появившееся в северновеликорусской письменности в XIV в., а позже оставшееся только в диалектной речи (из финск. *salmi*), *сорога* «плотва» с производными (финск. *särki* и др.), попавшие на север Древней Руси еще во время, когда полногласие было живой фонетической закономерностью, т. е. до появления у восточных славян письменности. Относительно последнего слова Фасмер замечает, что затруднения вызывает вокализм: из **serga* должно было бы получиться **серега*, а не *сорога*. Однако следует учесть, что многие финно-угорские племена были ассимилированы и от их языка ничего не осталось, за исключением некоторых следов в русском языке. *Сорога* получилось из **sorga*, сохранившееся во вторично заимствованном беломорском *сорга* «плотва», как и *салма*, *салми*. Северновеликорусский диалектный материал представляет собой богатый источник для реконструкции (пусть частичной) исчезнувших финно-угорских языков. Некоторые финноугризмы проникают в древнерусскую письменность, причем и на юг. Ср. *керста* < **кърста* «ящик, гроб, рака» (финск. *kirsta* «ящик, тюрьма», эст. *kirst* «ящик, гроб»), которое имеется не только в оригинальной, но и в переводной письменности (кроме летописей, в Жит. Андрея Юрод., в Прологе XIII в.; *керстица* «ящик, ящичек, ларец» у Флавия, в Библии Геннадия, 1499 г.). *Керста* явно связано с *корста* в тех же значениях (Лавр. лет., 1015 г.), производные *корстица* (также у Флавия), *користица* (XIV в., сближение

с *кора*, *корыто* по народной этимологии?), которое перекликается с литов. *kaŕstas* «могила, гроб». Вероятно, мы тут имеем дело с культурным термином, распространявшимся с севера на юг, причем исходными формами были *върста* и **корста* (последнее проявилось в *короста* у Даниила Заточника). В наше время слово сохранилось только в северновеликорусских говорах: *кёрста*, *кёрста*, *керстá* «могила, яма» (олон., арх., онеж.). Ср. еще в топонимических названиях: д. *Кёрстово* Кингисеп. р-на Ленинград. обл., ручей *Корстица* на западном берегу Онежского залива (возле него располагалось заброшенное кладбище) и др. Чередование **върст-* и **korst-* на крайнем севере, вдали от балтийских поселений, похоже, указывает на финно-угорский, а не на балтийский источник (ср. **serg-* и **sorg-*, о чем см. выше).

Значительно больше в восточнославянских языках тюркизмов (особенно в народных говорах — см., например, [27, 28]), часть которых восходит к древнерусской эпохе. Предстоит также реконструировать древние скандинавизмы, балтизмы, заимствования (прямые и косвенные) из других языков, которые, наряду с исконными словами, составляли специфические особенности древнерусской лексики.

Встает и другой важный вопрос: о воздействии древнерусской лексики на другие языки, в частности, на южнославянские. Исследования в этой области уже имеются, хотя их еще мало. Например, Н. Гошич, рассматривая слово *изокъ* «кузнечик», «месяц июнь», приходит к выводу, что в праславянское время слово это было диалектным, распространенным в речи предков восточных славян. В южнославянский извод старославянского языка оно попало в конце XII — начале XIII в. из древнерусской письменности, когда древнерусская литература стала оказывать значительное влияние на южнославянские литературы.

Очень нужными остаются проблемы изучения тематических (здесь кое-что уже сделано в этом отношении), лексико-семантических групп слов, стилистических их отличий в зависимости от жанров письменности, истории отдельных слов, словарного состава разных жанров произведений или отдельных памятников, способов словообразования вообще и по отдельным частям речи в частности, частотности употребления слов (см. опыт учета частотности древнерусских слов на лексикографическом уровне [29]) и т. д. и т. п.

Словарный состав — океан лексем и их значений и употреблений, следовательно, и аспекты их исследования неограниченны.

ЛИТЕРАТУРА

20. *Белозерцев Г. И.* Соотношение глагольных образований с приставками *вы-* и *из-* выделительного значения в древнерусских памятниках XI—XIV вв.— В кн.: Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964.
21. *Белозерцев Г. И.* Префиксы *вы-* и *из-* как различительные признаки ранних славянских переводов.— В кн.: Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания. М., 1974.
22. *Георгиев Вл., Гълъбов Ив., Заимов И., Илчев Ст.* Български етимологичен речник. Св. II. София, 1963.
23. *Ленин В. И.* Конспект книги Гегеля «Наука логики».— Полн. собр. соч., т. 29, с. 194.
24. *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 603—604.
25. *Жуковская Л. П., Филин Ф. П.* «Влесова книга»... Почему же не Велесова? Об одной подделке.— Русская речь, 1980, № 4.
26. *Михайловская Н. Г.* Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI—XIV вв. (Нормативный аспект). М., 1980.
27. *Кононов А. Н.* Заметки тюрколога на полях «Словаря русских народных говоров».— ИАН ОЛЯ, 1966, № 3.
28. *Кононов А. Н.* Заметки (II) тюрколога на полях «Словаря русских народных говоров».— ИАН ОЛЯ, 1969, № 6.
29. *Санников В. З.* Алфавитный, частотный и обратный словари восточнославянских юридических текстов XI—XVI вв. Предварительные публикации Ин-та русского языка АН СССР. Вып. 1 и 2. М., 1974.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1982

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ОТКУПЩИКОВ Ю. В.

ИЗ ИСТОРИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

(К выходу в свет книги В. И. Георгиева)

Вот уже около полувека выдающийся болгарский лингвист акад. В. И. Георгиев является главным «возмутителем спокойствия» в индоевропейском языкознании. Его далеко не всегда бесспорные, но всегда яркие, неожиданные и оригинальные идеи постоянно вызывают ожесточенные споры, вливая живую струю во многие как старые — традиционные, так и новые проблемы индоевропеистики. Вышедшая недавно книга В. И. Георгиева [1] представляет собой третье издание значительно расширенного варианта лекций, прочитанных осенью 1956 г. в Московском университете (см. первое [2] и второе [8] издания этой книги, а также рецензии на них [3—7; 9—15]). В работе В. И. Георгиева как бы суммируются итоги исследований автора в различных областях и.-е. языкознания, причем от издания к изданию можно проследить эволюцию взглядов В. И. Георгиева по отдельным вопросам и найти отражение новых его исследований, проведенных со времени публикации предыдущего издания. Название книги «Введение в историю индоевропейских языков» совсем не отражает ее содержания. Это — не «Введение» типа А. Мейе или О. Семереньи, ибо само собой подразумевается, что читатель книги В. И. Георгиева уже «введен» в и.-е. компаративистику. Это — и не введение в новейшее и.-е. языкознание. Последнее сам В. И. Георгиев характеризует двумя наиболее важными областями исследования: а) «ларингальная теория» и б) «пеласгская теория» (с. 20 и 96). В книге же о ларингальной гипотезе говорится лишь вскользь, в теоретической и практической частях своих исследований автор к данным этой гипотезы, по существу, не прибегает, а в его таблицах фонетических соответствий ларингалы вообще отсутствуют [1]. Нет в книге и разделов, посвященных таким важным проблемам и.-е. языкознания, как структура и.-е. корня, функции суффиксов и детерминативов, происхождение категории рода, соотношение глагольных и именных основ, гетероклиза и происхождение разных типов склонения, а также мн. др. Вот почему название первого издания книги [2] гораздо лучше соответствует ее содержанию. Вместе с тем, именно то обстоятельство, что книга является «введением», по сути дела, в работы самого В. И. Георгиева по и.-е. языкознанию, делает ее особенно ценной, ибо позволяет детально ознакомиться с методами работы, аргументацией и выводами одного из наиболее интересных, творчески мыслящих современных индоевропеистов.

На первый взгляд может показаться, что в книге В. И. Георгиева отсутствует четкая структура, создается впечатление некоторой тематической «пестроты». Однако, несмотря на ряд композиционных неувязок, при внимательном чтении вырисовывается четкое внутреннее единство, отражающее единство общей концепции автора.

[1] Один из рецензентов второго издания в связи с этим спрашивает: «Warum legt G. seinen Laryngalismus nicht genau dar?» [10, с. 109]. Однако здесь все вполне логично: введение ларингалов в дешифровку и этимологию уменьшило бы правдоподобность и без того во многом спорных положений ровно во столько раз, во сколько допущение ларингалов увеличивает количество возможных решений в и.-е. реконструкциях. Именно поэтому авторы и.-е. этимологических словарей, как правило, игнорируют ларингальную гипотезу.

Во вводной части книги (с. 19—26) В. И. Георгиев останавливается на фонетических законах, придерживаясь здесь ультра-младограмматической точки зрения: фонетические законы ничем не отличаются от законов физических и химических, они не знают исключений (с. 20—22), самый термин «исключение» должен быть устранен из сравнительно-исторического языкознания (с. 24). Даже в «катехизисе младограмматизма» Г. Пауля подчеркивалось различие между звуковыми законами и законами в физике и химии [16, с. 87], о чем одновременно с Г. Паулем писал также другой видный представитель младограмматической школы Б. Дельбрюк [17, с. 128]. Не пытаясь преуменьшить значения звуковых законов, замечу все же, что положения В. И. Георгиева по этому вопросу представляются мне несколько упрощенными и излишне прямолинейными.

Первая глава (с. 27—40) посвящена характеристике трех основных периодов в истории и.-е. сравнительно-исторического языкознания: домладограмматического, младограмматического и современного. В конце этой главы автор делает вывод о необходимости подготовки нового Grundriss'а и нового и.-е. этимологического словаря. Оба эти пожелания, на мой взгляд, в настоящее время, к сожалению, невыполнимы. В. И. Георгиев сам отмечает, что характерной чертой новейшего и.-е. языкознания является углубление реконструкций, которые имеют теперь дело с формами, удаленными на 10—20 тысячелетий от наших дней (с. 31). И если реконструкции младограмматиков опирались на древнейшие памятники письменности конкретных и.-е. языков, то большинство современных «углубленных» реконструкций базируется в значительной мере или даже исключительно на воображении исследователя. Свести эти реконструкции воедино не сможет ни современный Бругман, ни современный Покорный.

Во второй главе (с. 41—62) рассматривается проблема и.-е. заднеязычных. Как и А. Мейе [18, с. 117—120], В. И. Георгиев принимает за исходное противопоставление $*k$ — k^u, считая, что ряд $*k'$ возник вторично в результате палатализации. В качестве основного аргумента в пользу этого автор приводит многочисленные случаи колебаний между $*k$ и $*k'$ в языках satəm. Его списки примеров типа русск. *клонить* — *(при)слонить* значительно шире подобных же списков К. Буги, В. Махека, Я. Отрембского, Ф. Шпехта, Э. Френкеля, А. Вайяна и др. Однако не все примеры В. И. Георгиева достаточно убедительны. Так, др.-инд. *rokaḥ* «свет» он сопоставляет с русск. *лысый* (с. 46), возводя соответствующий корень к и.-е. **lūk-(is)* (с. 60), Но греч. λευκός, др.-прусск. *lauxnos* (мн. ч.), авест. *raoxšna-* и другие и.-е. соответствия говорят о том, что в корне здесь был не долгий *ū*, а дифтонг, отраженный посредством *o* в др.-инд. *rokaḥ* и посредством *oy* в ст.-слав. *лоучь* (<**louk-is*, ср. лат. *lūx*, *lūcis*). Слово же *лысый* восходит к **luk-s-os* (нулевая ступень огласовки корня, как и в др.-инд. *rukṣaḥ* «блестящий»). В целом, однако, примеры из списка В. И. Георгиева весьма показательны.

Очень интересное объяснение дает автор случаям, когда палатализация казалось бы, позиционно неоправданна. Он объясняет целый ряд подобных случаев выравниванием парадигмы. Например, переход и.-е. **pekus*> др.-инд. *paśuḥ* выглядит незакономерным. Но форма дат. пад. ед. ч. **pekeu̯-ei* дает закономерное *paśave*, а форма им. пад. мн. ч. **pekeu̯-es* —*paśavaḥ* (с. 54). Вместе с тем, др.-инд. *ahâm* «я» и его соответствия в других и.-е. языках, литов. *gérvė*, *aštuonì* и ряд других примеров вызывают серьезные затруднения при их истолковании, и здесь позиция В. И. Георгиева мне представляется излишне оптимистичной.

Глава об и.-е. заднеязычных заканчивается выводом о несостоятельности теории centum—satəm и о необходимости полностью исключить соответствующие термины из лингвистической терминологии (с. 61). Поскольку идея об исконности двух рядов заднеязычных и критика теории centum — satəm включены в книгу из-за их значения для диалектного членения и.-е. языков (с. 11), не лишены интереса табл. 1—2 (с. 62), где языки группируются в плане отражения заднеязычных в соответствии с гипотезой об исконности не трех, а двух рядов: $*k^u$ и $*k$. Таблицы эти

полностью повторяют членение и.-е. языков на группы centum и satəm. Значит, не столь уж плохим было деление по этому старому принципу. И самым важным здесь является не то, были ли исходными ряды $*k$ — $*k^{u}$ — $*k'$ (младограмматики), $*k$ — $*k'$ (Е. Курилович [19, с. 108]) или $*k$ — $*k^{u}$ (А. Мейе, В. И. Георгиев), а признание некорректным класть во главу угла при определении древнейшего членения и.-е. языков только один — пусть и существенный — фонетический признак. Вот в этом принципиальном вопросе автор книги, безусловно, прав.

Третья глава (с. 63—107) содержит анализ языков южной части Балкан и Крита. Здесь автор пишет о значении дешифровки М. Вентриса, разбирает характерные особенности языка линейного письма Б, излагает идеи о смешанном ионийско-эолийском его характере, о микенском койне как основе гомеровского диалекта. В. И. Георгиев продолжает придерживаться весьма спорной точки зрения о том, что микенское письмо отражает реальное произношение (с. 80, 87). Но наибольший интерес в 3-й главе, несомненно, представляет раздел, посвященный расшифровке линейного письма А. Еще в первом издании книги [2, с. 77 и сл.] В. И. Георгиев считал, что ему удалось расшировать это письмо как греческое, что «письменная документация греческого языка более архаична, чем хеттская», что «греческий является самым древним, засвидетельствованным в письменной форме индоевропейским языком» [2, с. 87]. От всех этих утверждений автору пришлось отказаться. Если раньше на основании свидетельств Геродота и Страбона о переселении термилов с Крита в Малую Азию В. И. Георгиев делал вывод о принадлежности термильского (как части ликийского) языка к эгейской, а не анатолийской сфере [2, с. 281], то теперь — не без влияния гипотезы Л. Палмера и А. Хойбека о хетто-лувийском субстрате в Греции и на Крите [20—21] — он пытается, вслед за Л. Палмером и С. Девисом, читать древнейшие надписи линейного письма А по-лувийски, а поскольку лувийский мы недостаточно хорошо знаем — использует при дешифровке хеттский (с. 91). Как известно, гипотеза Л. Палмера-А. Хойбека была отвергнута большинством историков и лингвистов [см. 22, с. 272, примеч. 5—6], а единственный приведенный В. И. Георгиевым в ее пользу аргумент Л. Палмера (сопоставление лин. А *a-sa-sa-ra* с хет. *išḫaššara-* «госпожа») признан некорректным [2]. О результатах своей дешифровки лучше всего сказал сам автор книги: «Thus Linear A is deciphered; what remains is the interpretation of the texts» (с. 91) [3]. Интерпретация двух кратких текстов, содержащих слово (*j*)*a-sa-sa-ra-* (с. 92—93), наглядно говорит о том, что дешифровка линейного письма А пока — дело будущего. То же самое следует сказать и о более поздних надписях, сделанных этим письмом (Айя — Триада). Эти надписи В. И. Георгиев — в отличие от более ранних — считает греческими. Но если в первом издании книги для доказательства греческого характера линейного письма А приводились довольно обширные тексты с интерпретацией и переводами [2, с. 80—87], то теперь примеры с текстами сняты, осталась лишь интерпретация отдельных слов (с. 93—95).

Величайшей заслугой В. И. Георгиева перед и.-е. языкознанием является то, что ему удалось убедительно доказать наличие догреческих и.-е. элементов в составе самого греческого языка [4]. «Пеласгская теория»

---

[2] Ср., например: «The argument whether the Linear A phrase *Jasasara(me)* on cult objects is a Luvian goddess or a Semitic gentleman still provides a certain gaiety in archaeological circles» [23, с. 334]. А. Камменхубер отметила, что оба элемента хеттского слова *išḫa-* и *-šara* — неиндоевропейские [24, с. 19 и сл.; 25, с. 45 и сл.], а М. Поуп написал в связи с этим заметку с выразительным названием «Минойская богиня *Asasara*. Некролог» [26, с. 29—31].

[3] Видимо, В. И. Георгиев дешифровкой называет здесь простое прочтение текста, допускающее ту или иную интерпретацию. Но многие слова линейного письма А уже давно читаются с помощью линейного Б. При таком понимании дешифровки мы должны признать, что этрусский язык, например, давно «дешифрован».

[4] Попытки Д. Хестера полностью отвергнуть «пеласгскую теорию» В. И. Георгиева [27] и стремление Э. Фюрне все догреческое свести к доиндоевропейскому [28] в целом неубедительны.

В. И. Георгиева возникла сначала под влиянием «паниллиризма» Г. Краэ[5], причем его предшественником, также выделявшим в языке догреческого субстрата иллирийские элементы, в известной мере был А. Блюменталь [31, с. 1 и сл.]. В дальнейшем В. И. Георгиев отказался от иллирийской гипотезы и стал называть язык догреческого субстрата то «догреческим», то «пеласгским». Последователи В. И. Георгиева (А. Ван Виндекенс, А. Карнуа, В. Мерлинген и др.) называли этот язык также «ахейским», «фрако-пеласгским» и даже «георгиевским» («die georgievsche Sprache»). Ни одно из этих названий нельзя считать удовлетворительным, поскольку термин «догреческий» (Vorgriechisch, Pre-Greek) употребляется разными исследователями в разных значениях (индоевропейский догреческий — В. И. Георгиев, неиндоевропейский догреческий — Э. Фюрне [28, с. 30]), о пеласгском языке, как отметил сам В. И. Георгиев, мы ничего не знаем [32, с. 60], остальные названия еще менее удачны. Тем не менее, с помощью ряда остроумных, порой блестящих этимологий В. И. Георгиеву удалось обнаружить целый ряд фонетических закономерностей явно и.-е. характера, которые, однако, не отвечают нормам греческого языка. Начало было весьма обнадеживающим. Но одновременно начались и затруднения. Одна из наиболее ярких «ключевых» этимологий В. И. Георгиева — догреч. τύμβος = греч. τάφος — не объясняет диалектной формы τυμβος[6], подкрепленной латинским *tumulus*. Аналогичное по фонетической структуре догреческому τύμβος слово πύργος (<*bhr̥ghos) не имеет греч. соответствия *παρχος (ср. τάφος), но зато имеет параллельную форму φύρκος «стена», где φ < *bh — как в греческом, υρ < *r̥ — как в догреческом, а κ < *gh свидетельствует об утрате аспирации (с последующим оглушением) не первым, как у πύργος, а вторым звонким придыхательным, что не соответствует ни греческому, ни «пеласгскому». Таких примеров можно привести немало и, они, видимо, говорят о гетерогенном характере и.-е. догреческого субстрата. Ср., в частности, разные отражения слогообразующего *r̥ в догреческой топонимике: Λαρνησσός—*Λυρνησσός, Ἀλίκαρνα—Ἀλίκυρνα, Μαρμισσός—Μυρμισσός, Παρνασσός—Πρνασσός (лин. Б *pu-na-so*) и др. Теоретически В. И. Георгиев, видимо, признает возможность наличия более чем одного догреческого языка, но делает он это в виде оговорок[7], а все исследование ведет так, будто догреческий и.-е. субстрат был совершенно однородным.

В списке «пеласгских» топонимов с суф.-νθ- (с. 97) не все примеры удачны: в 5 случаях из 17 -νθ- не является суффиксом (Ἐρύμανθος, Κύνθος, образования на -κυνθος), если принять этимологии, данные самим автором на с. 179. В целом «пеласгская теория» изложена в 3-й главе очень сжато; ничего нового по сравнению с прежними работами В. И. Георгиева этот раздел не содержит.

Четвертая глава «Древние языки центральной и северной части Балканского п-ва» (с. 108—145) открывается параграфом о принципах этимологизации собственных имен, поскольку от языков этого региона сохранились, в первую очередь, имена собственные. Особенно интересными являются здесь два момента. Во-первых, учет возможных калек-переводов при смене населения[8]. Этот принцип иллюстрируется рядом интересных этимологий: Ἄξιος, Σαλδουισηνος, Σουιτουληνος, Γέρμανός (в последнем случае — добротная старая этимология). Во-вторых, интересны примеры имен тотемного происхождения (Δᾶοι — к фриг. δάος «волк», Βέβρυκες — к литов. *bebrùs* «бобр», Βύξαντες — к авест. *būza* — «козел» и др.; видимо, сюда же можно отнести малоазийский этноним Γάνδροι — к литов. *gañdras* «аист»).

---

[5] Если Г. Краэ писал, что без иллирийцев не было бы ни Рима, ни Спарты [29, с. 14], то В. И. Георгиев в ранних своих работах считал иллирийцев создателями крито-микенской культуры и отождествлял догреческий и.-е. язык с (древне)иллирийским [30].

[6] Возражение Э. Швицера [33, с. 496].

[7] Ср. на с. 99: «the pre-Greek language (or languages)».

[8] Основательность этого принципа косвенно подкрепляется, например, многочисленными и совершенно бесспорными случаями такого калькирования в гидронимии русского Севера [34, с. 254—255].

Далее В. И. Георгиев анализирует глоссы, апеллятивы, восстановленные на базе этимологизации собственных имен, и надписи фракийского и дако-мисийского языков. Из обширного списка фракийских собственных имен, приведенного в первом издании книги [2, с. 118—123], В. И. Георгиев значительную часть относит теперь к дако-мисийскому, а некоторые примеры вообще исключает. Это объясняется более резким разграничением фракийского и дако-мисийского, которое проводит автор в новом издании своей книги. Основанием для такого разграничения служат фонетические различия (см. табл. 9 на с. 133) и дистрибуция топонимов на *-dava* (Дакия), *-para* и *-bria* (Фракия). Аргументы эти, однако, не во всем убеждают. Можно ли, например, на основании распределения по русским говорам слов *петух*, *певун* и *кочет* [9] говорить о принадлежности соответствующих ареалов к разным «не очень близко родственным языкам», даже если эта дистрибуция в общих чертах будет совпадать с распределением северного оканья и южного аканья? Явно недостаточный языковой материал, которым мы располагаем, видимо, должен предостеречь нас от слишком категорических выводов. Колебания самого автора, обнаруживаемые при сопоставлении разных изданий книги,— лучшее тому доказательство.

После анализа данных фригийского языка В. И. Георгиев приходит к выводу, что фракийский, дако-мисийский и фригийский — это три совершенно различных и.-е. языка (с. 133), и в дальнейшем он помещает их в три различные группы (с. 363). Сравнительно с первым изданием автор снимает слова о том, что у нас «нет никаких серьезных оснований оспаривать свидетельства древних» [2, с. 142], сказанные в связи с античной традицией, утверждающей, что армяне — это Φρυγῶν ἄποικοι «фригийские переселенцы». Но те же древние писали, что сами фригийцы — Θρᾳκῶν ἄποικοι «фракийские переселенцы» (Strab. X, 471), что они — Θρᾳκιόν τι ἔθνος «некое фракийское племя» (Strab. VII, 295), ἔθνος Θρᾴκης «племя Фракии» (St. B.) и т. д. Почему в одном случае мы можем опираться на свидетельства древних, а в другом (причем, с более надежной традицией) — нет? Таблицы фонетических соответствий, на которые опирается в своих выводах В. И. Георгиев, составлены недостаточно объективно, в них даются только выборочные соответствия. Отчасти, это объясняется плохой сохранностью материала. Но только отчасти. Например, наиболее яркой особенностью «пеласгского» языка в области консонантизма является передвижение согласных. Давая сводную таблицу типичных черт дакийского, фракийского и фригийского языков (с. 133), автор опускает и.-е. звонкие придыхательные, переходящие в о в с е х т р е х я з ы к а х в простые звонкие — в отличие от греческого. Этот пропуск существенно искажет общую картину [10]. Но даже из табл. В. И. Георгиева (см. с. 133 и 169) видно, что фракийский и фригийский различаются в фонетической области не более, чем греческий и македонский. Тем не менее, фракийский и фригийский автор считает совершенно разными и.-е. языками, а греческий и македонский — диалектами одного языка. Думается, что традиционное, восходящее к античности, сближение фракийского с фригийским [36, с. 149—150; 37] надежнее, чем предлагаемое В. И. Георгиевым резкое их разграничение. То же следует сказать о положении мисийского, который В. И. Георгиев объединяет с дакийским, отрывая от фригийского, диалектом которого он являлся,— как по мнению античных авторов, так и современных исследователей [38, с. 27 и сл.; 39, с. 193]. Ряд разделов этой же четвертой главы посвящен вопросам этногенеза и происхождения албанского и румынского языков, а также связям фригийского языка с армянским.

Г л а в а п я т а я (с. 146—193) отсутствовала в первом издании книги. Здесь автор рассматривает ономастику различных языковых

[9] Ср. также дистрибуцию топонимических элементов *Ручей*, *Ключ*, *Родник* и т. д. на территории русских говоров [35].

[10] Кстати, в отличие от этой таблицы, при сопоставлении этрусского с хеттским (с. 235) автор считает нужным включить в свою таблицу даже соответствия *l*, *m*, *n*, *r* (совпадающие практически всюду).

регионов Балканского п-ва и Эгеиды, этимологизирует значительное число топонимов (в первую очередь — с суффиксами -νθ- и -σσ-) и заканчивает главу вопросами этногенеза балканских племен в свете ономастики. Приведенные В. И. Георгиевым этимологии топонимов отнюдь не всегда можно назвать удачными. Недаром, когда автор выступал с аналогичным докладом на Международном коллоквиуме по микенологии в Шеффилде, Дж. Чэдвик в прениях по докладу В. И. Георгиева крайне отрицательно отозвался об этих этимологиях [11]. Мне кажется, однако, что этот отзыв Дж. Чэдвика несправедлив, ибо этимологии таких имен собственных, как Κηττοί (с. 181), Σφηττός, Ἑρματτός, Ὑηττός (с. 182), можно отнести к числу почти бесспорных или, во всяком случае, весьма правдоподобных. Но, к сожалению, таких примеров — меньшинство. Кроме того, В. И. Георгиев неправ, считая перечисленные выше образования греческими (с. 181). Например, σφῆκες «осы» дает в греч. *σφηκ-i̯i̯-ος > > σφηκιός → σφηκιά «осиное гнездо» (но не *σφηττά!). И хотя в других словообразовательных моделях *k(h)-i̯- или *t(h)-i̯- и в греч. дает -σσ-/-ττ- (например; в глаголах на -σσω/-ττω), у прилагательных на -i̯-(ος) подобное фонетическое изменение указывает на догреческий источник. Ср. греч. Κιλικία и догреч. Κίλισσα; греч. Παρνήθιος — догреч. Παρνησσός и т. д. Если бы Ἀπόλλων Παρνήθιος можно было бы по-гречески заменить на Ἀπόλλων Παρνησσός, тогда приведенная словообразовательная модель на -σσός оказалась бы греческой. Вообще словообразовательная сторона ономастических этимологий В. И. Георгиева во многих случаях оказывается неубедительной. Например, сопоставление (причем, правильное) топонима Πρινασσός с πρῖνος «каменный дуб» (с. 182) не показывает, как именно из апеллятива возник топоним. Тем более, что в греческом языке (а автор считает этот топоним греческим) нет соответствующей словообразовательной модели. Нет и модели образования производных на -σσός от формы дат. пад. мн. ч. на -ασι (с. 183).

В шестой главе (с. 194—220) дается краткий очерк древних и.-е. языков Малой Азии. Здесь я остановлюсь лишь на вопросе о принадлежности лидийского и карийского языков к хетто-лувийской группе. В. И. Георгиев считает, что О. Карруба окончательно доказал принадлежность лидийского языка к анатолийским (с. 208). Но сопоставление флексий лидийского языка с неситским, лувийским и палайским [41, с. 389] говорит лишь о том, что перед нами или общеиндоевропейские особенности, или же лидийский расходится с хетто-лувийским, совпадая с другими и.-е. языками. Нисколько не убедительнее и другие примеры О. Каррубы. В. И. Георгиев приводит довольно большой список лидийских слов и форм (с. 208—209), который убедительно иллюстрирует и.-е. характер лидийского языка, что́, впрочем, уже давно доказал П. Мериджи. Что же касается хеттских параллелей, то едва ли, например, окончания им. пад. ед. ч. -*ś*, вин. пад. ед. ч. -*v*, им., вин. пад. мн. ч. ср. рода -*a* или 3-го л. наст. вр.-*d*/*t* (ед. ч.), -(*n*)*t*/*d* (мн. ч.) и т. п. говорят об особо тесных связях лидийского именно с хеттским. Не убеждают в этом и такие сопоставления, как лид. -*a* (дат. п. мн. ч.) = (?) хетт. -*an* (род. п. мн. ч.) или лид. -λ (дат. местн. п. ед. ч.) — хетт. -*el* (местоим. род. п. ед. ч.). Почему автор лид. *qis* и *qisk* сопоставляет с хеттскими соответствиями, а не с лат. *quis* и *quisque*? Тем более, что и другие лидийские местоимения и служебные слова находят наиболее близкие параллели именно в латинском, а не в хеттском (лид. *aλaś* = лат. *alius*, *est* = *iste*, *iś* = = *is*, *kot* = *quod*, *ẽnt* = *ind*(*u*)-, -*k* = -*que*). Учитывая, что многое в лидийских надписях нам все еще неясно, следовало бы, видимо, воздержаться от слишком категорического вывода о хеттской принадлежности лидийского языка. Но если этот вопрос остается еще, в общем, спорным, то принадлежность карийского языка к языкам хетто-лувийским вообще никем не была доказана. Скупой перечень фонетических особенностей карийского языка (с. 210—211) почти целиком основан лишь на спорных

[11] «I am not willing to accept a single one of Professor Georgiev's Indo-European etymologies of place-names» [40, с. 254].

этимологиях глосс и собственных имен. Автор совершенно не принимает во внимание дошедшие до нас карийские тексты. Между тем после работ Х. Боссерта трудно сомневаться в алфавитном характере карийского письма, а значения карийских букв, обозначающих *a*, *e*, *o*, *d*, *u̯* и др., уже давно почти ни у кого не вызывают сомнений. Расхождения в интерпретации ряда важных знаков карийского письма очень существенны для будущей дешифровки надписей, но они не мешают, например, проследить судьбу дигаммы в позиции перед согласным. Как бы мы ни читали карийские слова, содержащие сочетания *aw* или *ew* перед согласным (*Sawnaõ* или *Mavnaλ*, *Thawteõ* или *Thavseλ* и др.), дигамма всюду сохраняется и является одним из самых частотных знаков в карийских надписях [12]. Поэтому предположение В. И. Георгиева о том, что кар. *aw* > *u* («как в хеттском» — с. 210) не соответствует действительности, несмотря на все остроумие его «хеттской» этимологии карийской глоссы κῶς «овца» (с. 212), из которой он и вывел предполагаемое изменение *aw* > *u* (а отсюда — и *ew* > *u*). По той же причине не выдерживает критики и предположение автора о том, что карийское *w* перешло в β (с. 210). Скорее можно допустить обратное, ибо — при очень высокой частотности *w* — β почти совсем не встречается в карийских текстах [13]. Изменение и.-е. **o* > *a*, постулируемое В. И. Георгиевым для карийского, также не говорит о его особых связях с хеттским, поскольку это изменение характерно для всех палеобалканских языков, кроме фригийского. Видимо, разумнее всего согласиться с античной традицией и с теми современными археологами, которые считают, что карийцы принадлежат к эгейскому, а не к анатолийскому миру.

Глава седьмая (с. 221—262) распадается на две части. В первой из них автор выдвигает аргументы против гипотез о родстве баскского с кавказскими языками и о наличии баскского или кавказского субстрата в Эгеиде. Думается, что эта глава значительно выиграла бы, если бы В. И. Георгиев как-то прореагировал здесь на книгу Э. Фюрне [28], выводы которого — как по этим вопросам, так и о догреческом субстрате в целом,— являются почти во всем полярно противоположными выводам В. И. Георгиева [14].

Одной из наиболее интересных (и как обычно — спорных) является изложенная в этой главе попытка дешифровки этрусского языка, а также предложенное автором решение проблемы происхождения этрусков (с. 229—251). В. И. Георгиев считает окончательно установленным, что лидийский язык — анатолийский, а поскольку одна из античных традиций говорит о переселении этрусков из Лидии, то он делает вполне, казалось бы, логичный вывод о том, что этрусский язык можно дешифровать на базе хеттского. Автор и здесь приводит сопоставительные таблицы этрусского и хеттского склонения, местоимений, фонетических соответствий (с. 233—235). Вывод: этрусский — это диалект хеттского языка (с. 234), «просто поздняя алфавитная форма силлабического клинописного хеттского» (с. 241), этрусские тексты могут быть переведены с помощью хеттского так же легко, как поздние латинские тексты — с помощью классической латыни (с. 248). Но при переходе к анализу текстов оказалось, что все это — не так просто. Выяснилось, что из этрусских надписей VII—I вв. до н. э. понятны только самые ранние. Самый обширный связный текст хорошей сохранности и со знаками словораздела — Загребская книга — не интерпретируется автором даже выборочно. Странно, что с помощью хеттских текстов, которые на 500—1000 лет старше древ-

---

[12] Ср. также карийские имена в греческой передаче Ουωκευς, Ουασσος, Ουασσασσις, не оставляющие сомнения в том, что начальное *u̯*- также сохранилось в карийском.

[13] «... La lettre B ne fait pas partie du répertoire du carien» [42, с. 89]. Предположение о том, что в карийских текстах есть небольшое количество наклонных *N* = *b*, не получило признания (кроме указанной работы О. Массона, см., например, [43, с. 87, примеч. 17]).

[14] Другая работа Э. Фюрне [44], как и близкое по общей направленности исследование Р. В. Гордезиани [45], видимо, вышли в свет, когда рецензируемая книга уже находилась в печати.

нейших этрусских, последние понимаются «без труда», а между ранними и поздними этрусскими текстами находится пропасть.

В. И. Георгиев рассматривает и интерпретирует несколько кратких надписей VII—VI вв. Хорошо известно, что очень большое количество кратких этрусских надписей читается и понимается без особых затруднений [46, с. 384]. И, например, значение этрусск. *mi* «я» определяется, конечно, не на основании сопоставления с хет. *ammuk*, а путем сравнения этрусск. *mi qutum Lemausnas* и фалисской надписи *eco quto...euotenosio*. Обе надписи сделаны на вазах (*qutum* = *quto*), фалисск. *eco* (*ego*) означает «я», *-osio* — известное и.-е. окончание род. пад. (ср. др.-инд. *-asya*, гомер. *-οιο*). Следовательно, этрусск. *-as* — тоже окончание род. пад., *mi* — это «я», а обе надписи идентичны по смыслу: «Я — сосуд такого-то» [46, с. 372].

Одну из кратких надписей *mi larθa teθunas* В. И. Георгиев переводит: «Ego (sum) Larti (dat.) Tethuni (gen.)», опираясь на формы хет. дат. пад. ед. ч. на *-a* и род. пад. ед. ч. на *-as* (с. 238). Допустим, что смысл надписи передан В. И. Георгиевым правильно. Но причем здесь хеттский язык, если, например, в архаическом латинском языке у основ на *-a-* мы находим и род. пад. на *-as*, и дат. на *-a*? В целом хетто-лувийские интерпретации этрусского языка, предложенные В. И. Георгиевым, известный специалист по анатолийским языкам Г. Кронассер сопоставлял с греческими интерпретациями У. Коли, опубликованными в книге, вышедшей примерно в одно время со вторым изданием «Введения» В. И. Георгиева [15].

Проблема происхождения этрусков трактуется автором на основе очень сложных, но интересных и, в известной мере, убедительных этимологических сопоставлений ряда топонимов и этнонимов: Τρῶες, *Etrusci*, *Tusci*, Τυρσηνοί (с. 245—251). Этот остроумный этимологический этюд был выдвинут В. И. Георгиевым еще до его хеттской дешифровки этрусского языка. Автор считает, что легенда о прибытии Энея в Италию после падения Трои была заимствована римскими родами этрусского происхождения у этрусков и что на самом деле потомками троянцев были не римляне, а этруски (с. 247). Но здесь оказались сведенными воедино две взаимоисключающие версии: этруски — лидийцы или этруски — троянцы? Хетто-лувийская дешифровка В. И. Георгиева допускает только первый вариант. Троянцы определенно были фрако-фригийского происхождения, археологически на протяжении всего бронзового века прослеживаются их тесные связи с Балканами и Эгеидой — при полном отсутствии таковых с центральной Анатолией [47, с. 37, 38, 58 и др.]. О многочисленных совпадениях в топонимии Троады и Фракии писали уже в античности, для современной науки — это совершенно очевидный факт. В то же время последователь В. И. Георгиева в плане сближения фракийского языка с анатолийскими — Л. А. Гиндин — вынужден был прийти к выводу о полном отсутствии топонимии хетто-лувийского происхождения в Троаде (см. [48, с. 36] и др. его работы). Но если бы даже небольшая [16] группа троянцев, допустим даже носителей одного из анатолийских языков, мигрировала в Италию и дала свое имя Этрурии и этрускам, это говорило бы в пользу анатолийского происхождения этрусского языка ничуть не более, чем такие названия, как Болгария, Франция, Нормандия или Германия, говорят о тюркской, германской, скандинавской и фракийской принадлежности [17] соответствующих языков. Таким образом, аргументы В. И. Георгиева не опровергают возможности неиндоевропейского происхождения этрусского языка. Характерно, что автор совершенно не затрагивает труднейшего вопроса об этрусских числительных, о морфологической редетерминации, обходит молчанием этрусские глоссы и все более или менее пространные тексты, кроме надписи на пластинке, найденной в Пиргах. Предложенная автором интерпретация этой

[15] Принятая В. И. Георгиевым методика дешифровки «alles und nichts beweisen kann (dasselbe gilt von Coli)» [10, с. 107].

[16] Их малочисленность признает и В. И. Георгиев (с. 247 и 251).

[17] Фракийская этимология этнонима Γερμανοί, принимаемая и В. И. Георгиевым (с. 109, 113), является наиболее убедительной.

надписи (с. 240—241) при сравнении с интерпретациями других исследователей отнюдь не говорит о каком-либо прогрессе в ее понимании.

Главы восьмая и девятая (с. 263—297) посвящены анализу балто-славянских языковых отношений, а также генетических связей балто-славянского с германским, индо-иранским и тохарским. Автор признает существование единого балто-славянского «прото-языка», который он датирует III тыс. до н. э. (с. 269). Балто-славянский, в свою очередь, выделился из «северного» ареала, в который входил также германский. Мысль о существовании единой «северной» германо-балто-славянской группы языков была высказана еще Ф. Боппом и с тех пор принималась многими индоевропеистами. Новое здесь у В. И. Георгиева заключается в том, что к этой же «северной» группе он присоединяет еще тохарский, который, по его мнению, в IV тыс. от нее отделился (с. 297). Наличие особо близких связей между балто-славянским и индо-иранским В. И. Георгиев отрицает (с. 270 и сл.). Жаль, что полемизирует он при этом с точками зрения, высказанными 30 и более лет тому назад, т. е. до выхода в свет первого издания рецензируемой книги. В новом издании автор никак не реагирует, например, на получившую довольно широкое распространение гипотезу о том, что праславянский оформился как окраинный балтский диалект (ср. соответствующую литературу [49, с. 8, примеч. 5—9]) — гипотезу, перекликающуюся с утверждением В. Пизани о том, что славянский — это «иранизированный балтийский» [50, с. 14]. Целый ряд других новых работ, связанных с балто-славянской проблемой, также оказался, к сожалению, вне поля зрения автора.

В главе десятой (с. 298—317) В. И. Георгиев продолжает рассматривать вопросы древнейшего членения и.-е. языков, критически оценивает гипотезу об италийско-кельтском единстве, дает краткую характеристику «малым» языкам Италии, касается отношений греческого языка с армянским и индо-иранским. В этой главе В. И. Георгиев продолжает отыскивать хетто-лувийские следы на западе. На сей раз он их находит в языке элимов (Сицилия). Заметив, что обнаруженные после 1957 г. многочисленные (около 200) надписи на керамике открывают новые возможности для установления генетических связей элимского языка (с. 309), автор ведет свою полемику с М. Лежёном (с. 310) вокруг одной краткой монетной легенды (Σεγεσταζιβεμι), утверждая, что -αζι- нужно связывать с хетто-лувийским *-assi-*, а не с лат. *ari*(*us*). В заключение приводится надпись на лекифе: *αται τυκαι εμι* (с. 311), «хеттский» характер которой доказывается путем сопоставления с хеттским личным именем *Attai* (а почему бы не с римским *cognomen Atta*?). Первый из предложенных В. И. Георгиевым латинских переводов этой надписи вообще невозможен («Atiae Tuchiae sum», правильно «Atae Tuchae sum») и никаких «новых возможностей» для связей элимского языка с анатолийскими эта надпись не дает. Тезис М. Лежёна о принадлежности элимского к южной подгруппе италийских языков выглядит гораздо правдоподобнее.

В одиннадцатой (последней) главе (с. 318—364) читатель найдет целый ряд интересных и убедительных и.-е. этимологий В. И. Георгиева (с. 337—340): *οἶνος, ἄμπελος, ἔλαιον, κυπάρισσος, ὄνος*. Оригинальна, хотя и не бесспорна, этимология лат. *asinus* (с. 340). В этих этимологиях подкупает то, что автор не просто сопоставляет одинаково или близко звучащие слова со сходной или совпадающей семантикой, а вскрывает их многосторонние словообразовательные связи в языке, подкрепляет свои этимологии удачными сравнениями из области семасиологических универсалий («груз» ~ «осел», «лить» ~ «масло», «виться» ~ ~ «виноград» ~ «вино» и др.). Однако несколько удачных этимологических толкований, наряду с которыми есть и малоправдоподобные, не дают, как мне кажется, достаточных оснований для целого ряда далеко идущих выводов В. И. Георгиева. И здесь в первую очередь следует отметить упорное его нежелание признать наличие доиндоевропейского субстрата на Балканах и в Эгеиде. В этом вопросе с автором расходятся не только его противники, но и немногочисленные его последователи (в частности, у нас в стране — Л. А. Гиндин). Основной метод В. И. Георгиева сводит-

ся к тому, чтобы дать и.-е. этимологию всей догреческой апеллятивной и ономастической лексике. Однако при этом легко впасть в ошибку и дать и.-е. этимологию словам явно неиндоевропейского происхождения.

Все четыре предложенных В. И. Георгиевым критерия надежности при этимологизации гидронимов [18] уязвимы в одном важнейшем пункте: почти каждому этимологическому сопоставлению всегда можно противопоставить другое — не менее правдоподобное. Например, приток Дуная Μάργος (совр. Морава) в книге сопоставляется с лат. *margo*, *marginis* «край, граница» и интерпретируется как «пограничная река» (с. 352). А почему бы не сопоставить этот гидроним с литов. *márgas* «пестрый, многоцветный, красивый» (к *mirgëti* «мерцать, сверкать»)? Сюда, безусловно, относятся литов. р. *Márgupis*, оз. *Márgis* и др. Наличие бесспорных тесных ономастических связей между фрако-дакийским и балтийским языковым ареалом (см., в первую очередь, работы И. Дуриданова) делает вторую этимологию даже более правдоподобной. Однако и этим не исчерпываются все возможности. Засвидетельствованное у ряда авторов слово μάργος «неистовый» дает, в соответствии с первым критерием В. И. Георгиева, вполне надежную этимологическую интерпретацию гидронима Μάργος. По третьему критерию, этот гидроним можно сопоставить с названием о-ва *Маргит* на Дунае (Будапешт) или с г. *Маргет* в юго-восточной Англии. Если же учесть передвижение согласных и изменение *o* > *a* во фракийском, то возможности этимологических толкований еще более возрастут. В. И. Георгиев пишет о том, что отсутствие и.-е. этимологии слова не говорит еще о неиндоевропейском его происхождении (с. 217). Верно. Но ведь еще меньше это говорит об и н д о е в р о п е й с к о м происхождении данного слова. Во всяком случае, выступая против «Pan-Mediterranean thesis», автор разделяет «Pan-Luvianism» Л. Палмера — А. Хойбека (термин Я. Пухвела) и сам отстаивает «Panindogermanismus» (термин Г. Кронассера).

Очень спорными представляются хронологические расчеты В. И. Георгиева. Справедливо отмечая, что до дешифровок Б. Грозного и М. Вентриса начало распада и.-е. языковой общности обычно относили к слишком позднему времени (конец III тыс. до н. э.), автор книги пишет о передвижениях «индоевропейцев» в эпоху палеолита (sic!) и мезолита, т. е. за 10—20 тыс. до н. э. (с. 234). Думается, что в столь древнюю эпоху (за 100—200 в е к о в до нашего времени!) еще не сложились те характерные признаки, по которым мы отличаем и.-е. языки от неиндоевропейских. Согласно же В. И. Георгиеву, распад и.-е. языков начался еще д о н е о л и т а, т. е. до VII тыс. (с. 327), а в эпоху раннего неолита (видимо, где-то в районе VII тыс.) он говорит уже о ф р а к и й ц а х, живущих на территории, которой они дали свое имя (с. 153). Примерно то же самое говорит автор о хетто-лувийцах в Малой Азии (с. 362). Нужно полагать, однако, что та картина, которую отражает общеиндоевропейская лексика, не соответствует столь древней эпохе, а упоминание носителей отдельных и.-е. языков в эпоху раннего неолита является очевидным анахронизмом.

С В. И. Георгиевым порой трудно полемизировать. Автор с разными требованиями подходит к своим гипотезам и к гипотезам других ученых. Так, в самом начале книги (с. 19) он пишет, что гипотеза, объясняющая 51% фактов, должна быть признана хорошей, а далее признает неубедительной одну из гипотез А. Мейе, т. к. она объясняет только 60% фактов (с. 47). В книге очень много повторов, встречаются и противоречия. Вызвано это тем, что книга составлена из работ В. И. Георгиева, написанных в разное время, а автор склонен довольно часто и существенно менять свои взгляды по ряду важных вопросов. Но это, очевидно,— естественный результат творческой работы. Хотя мне во многом пришлось разойтись с автором рецензируемой книги, я вслед за ним могу повторить, что мои

[18] Имеются в виду: «1) наличие апеллятива, который можно обнаружить в названии реки; 2) действительный или мнимый перевод этимологически ясного названия; 3) точные соответствия в гидронимии иных областей и.-е. ареала; 4) этимология, установленная на основе черты, наиболее типичной для реки» (с. 348—349).

положения, высказанные в данной статье, в чем-то гипотетичны, автор может против них выдвинуть новые аргументы, а в спорах, как известно, рождается истина.

Во всяком случае, несмотря на спорность ряда положений, книга В. И. Георгиева, безусловно, заметное событие в индоевропеистике, она содержит целую серию оригинальных гипотез, поднимает множество важных вопросов и, несомненно, будет успешно содействовать дальнейшему развитию индоевропейского языкознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Georgiev V. I.* Introduction to the history of the Indo-European languages. Sofia, 1981.
2. *Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
3. *Zgusta L.*— Archiv Orientální, 1960, t. 28, s. 329—330.— Rec.: *Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
4. *Tovar A.*— Kratylos, 1960, Jg. 5. Hf. 1, S. 34—41.— Rec.: *Георгиев В.*— Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
5. *Horálek K.*— Slavia, 1960, ročnik XXIX, sešit 3, S. 469—473.— Rec.: *Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
6. *Erhart A.*— Sborník prací filoligické, 1961, t. 10, s. 271—276.— Rec.: *Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
7. *Knobloch J.*— Anzeiger für die Altertumswissenschaft, 1962, Bd. 15, S. 214—216.— Rec.: *Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
8. *Georgiev Vl. I.* Introduzione alla storia delle lingue indeuropee. Roma, 1966.
9. *Ernout A.*— Revue philologique, 1967, v. 41, p. 165—167.— Rec.: *Georgiev Vl. I.* Introduzione alla storia delle lingue indeuropee. Roma, 1966.
10. *Kronasser H.* Die Sprache, 1967, Bd. XIII, Hf. 1, S. 97—110.— Rec.: *Georgiev Vl. I.* Introduzione alla storia delle lingue indeuropee. Roma, 1966.
11. *Bader F.*— BSLP, 1969, t. 63, fasc. 2, p. 35—41.— Rec.: *Georgiev Vl. I.* Introduzione alla storia delle lingue indeuropee. Roma, 1966.
12. *Solta G.*— Deutsche Literaturzeitung für Kritik der internationalen Wissenschaft, 1968, Bd. 89, S. 876—878.— Rec.: *Georgiev Vl. I.* Introduzione alla storia delle lingue indeuropee. Roma, 1966.
13. *Untermann J.*— Gnomon, 1968, Bd. 40, Hf. 3, S. 312—313.— Rec.: *Georgiev Vl. I.* Introduzione alla storia delle lingue indeuropee. Roma, 1966.
14. *Jones D. M.*— The journal of Hellenic studies, 1968, v. 88, p. 183—186.— Rec.: *Georgiev Vl. I.* Introduzione alla storia delle lingue indeuropee. Roma, 1966.
15. *Poultney J. W.*— Language, 1968, v. 44, № 2, pt. 1, p. 334—343. — Rec.: *Georgiev Vl. I.* Introduzione della storia delle lingue indeuropee. Roma, 1966.
16. *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960.
17. *Delbrück B.* Einleitung in das Sprachstudium. Leipzig, 1880.
18. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938.
19. *Kuryłowicz J.* Probleme der indogermanischen Lautlehre.— In: II Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Innsbruck, 1962, c. 107—115.
20. *Palmer L. R.* Luvian and Linear A.— In: Transactions of the Philological Society, Oxford, 1958.
21. *Heubeck A.* Praegraeca. Erlangen, 1961.
22. *Откупщиков Ю. В.* О происхождении древнегреческих топонимов на -(ό)εσσα/-ασσα.— В кн.: Проблемы античной культуры. Тбилиси, 1975.
23. *Vermeule E.* Greece in the Bronze age. Chicago, 1964.
24. *Kammenhuber A.* Zur hethitisch-luvischen Sprachgruppe.— KZ, 1959—1960, Bd. 76.
25. *Kammenhuber A.* Zur Stellung des Hethitisch-luvischen innerhalb der indogermanischen Gemeinsprache.— KZ, 1961, Bd. 77.
26. *Pope M.* The Minoan goddess Asasara. An Obituary.— Bulletin of the Institute of classical studies», 1961, v. 8.
27. *Hester D. A.* «Pelasgian» — A new Indo-European language? — Lingua, 1965, v. 13, № 4.
28. *Furnée E. J.* Die wichtigsten konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen. The Hague — Paris, 1972.
29. *Krahe H.* Die Indogermanisierung Griechenlands und Italien. Heidelberg, 1949.
30. *Georgiev V.* Die Träger der kretisch-mykenischen Kultur, ihre Herkunft und ihre Sprache. I Tl. Sofia, 1937.
31. *Blumenthal A. V.* Hesychstudien. Stuttgart, 1930.
32. *Георгиев В.* Вопросы родства средиземноморских языков.— ВЯ, 1954, № 4.
33. *Schwyzer E.* Griechische Grammatik. Bd. I. München, 1939.
34. *Откупщиков Ю. В.* Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967.
35. *Никонов В. А.* *Ручей — Ключ — Колодезь — Криница — Родник.*— В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. II. М., 1961.
36. *Jokl M.* Phryger.— In: Reallexikon der Vorgeschichte. Hrsg. von M. Ebert. Bd. 10. Berlin, 1927—1928.

37. *Дьяконов И. М.* Место фригийского среди индоевропейских языков.— В кн.: Античная балканистика. М., 1972.
38. *Tomaschek W.* Die alten Thraker. T. I.— Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften, Wien, 1893, Bd. 128, Tl. IV.
39. *Дьяконов И. М.* Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.
40. Bronze Age migrations in the Aegean. London, 1974.
41. *Carruba O.* Lydisch und Lyder.— Mitteilungen des Instituts für Orientforschung, 1963, Bd. 8.
42. *Masson O.* Notes d'épigraphie carienne. III—IV.— Kadmos, 1977, v. 16, № 1.
43. *Meriggi P.* Zur neuen «para-karischen» Schrift.— Kadmos, 1966, v. 5, № 1.
44. *Furnée E. J.* Vorgriechisch-Kartvelisches. Studien zum ostmediterranen Substrat nebst einem Versuch zu einer neuen pelasgischen Theorie. Louvain, 1979.
45. *Гордезиани Р. В.* Этрусский и картвельский. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.; резюме на русск. и нем. яз.).
46. *Pallottino M.* Etruscologia. 5 ed. Milano, 1963.
47. *Blegen C. W.* Troy and the Troyans. New York, 1963.
48. *Гиндин Л. А.* Древнейшая ономастика восточных Балкан: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1974.
49. *Откупщиков Ю. В.* Литовский язык и праславянские реконструкции.— Baltistica, 1974, t. 10, № 1.
50. *Pisani V.* Rom und die Balten.— Baltistica, 1968, t. 4, № 1.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1982

БОГАТОВА Г. А., ДЕРЯГИН В. Я., РОМАНОВА Г. Я.

СЛАВЯНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЛОВА

Решение проблем этнической истории славянского мира связывается непосредственно с локализацией лексики. Практическая задача географической проекции слова стоит перед создателями Общеславянского лингвистического атласа, лингвистических атласов отдельных славянских языков, лингвогеографическими исследованиями. Но ареальное изучение словарного состава славянских языков в значительной мере зависит сейчас от диахронических описаний и исследований, соединяющих временной и географический аспекты этой проекции [1, 2]. Возрастание интереса к диахронии связано не только с преодолением противопоставления синхронии и диахронии, с осознанием «*большей объяснительной силы последней*» [3], но и с теми новыми данными, которые были введены в научный оборот славянской этимологической, диалектной и исторической лексикографией последних сорока лет.

50—60-е годы положили начало созданию многих славянских исторических картотек и лексикографических предприятий. Начали выходить старопольские словари: Słownik staropolski, tt. 1—8, zesz. 1—52 (A — Stać). Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1953—1980; Słownik polszczyzny XVI wieku, tt. 1—12 (A — Łżywy). Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966—1979. Было продолжено издание Старочешского словаря: Staročeský slovník, 1—11 (Na — Ortel). Praha, 1968—1980, начатое в 1903 г. Я. Гебауэром [т. I—II (A — N) переизданы в 1970 г.]; накоплен материал для исторического словаря словацкого языка: Slovenský historický slovník z predspisovného obdobia. Ukážkový zošit. Bratislava, 1973. В Болгарии за эти годы созданы картотеки для исторических словарей разных периодов, близок к изданию I том Древнеболгарского словаря. Завершена работа над Загребским историческим словарем, публикация которого заняла 96 лет (Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I—XXIII. Zagreb, 1880—1976).

В Институте русского языка АН СССР хранится и продолжает пополняться старейшая из исторических картотек — Картотека ДРС, на базе которой с 1975 г. издается Словарь русского языка XI—XVII вв. [вып. 1—9 (А — М), 1975—1982]. В Москве и Ленинграде в 1970 г. начали работу над созданием картотек для исторических словарей по отдельным периодам истории русского языка: для Древнерусского словаря XI — XIV вв. (словарь готовит к изданию издательство «Русский язык») и для Словаря русского языка XVIII в. (первый выпуск Словаря XVIII в. мы надеемся увидеть в 1983 году).

Во Львове успешно завершено издание двухтомного Словника староукраїнської мови XIV—XV ст. (1977—1978). Идет накопление словарных материалов по XVI—XVII вв. во Львове и Киеве.

В Минске создана картотека по памятникам XV—XVIII вв., на ее базе началось издание Старобелорусского словаря. Создание картотек, к которым имеют доступ историки языка, явилось событием огромной важности. Введение в научный оборот новых материалов уже началось и через выпуски словарей, и через многочисленные исследования — монографии, статьи, подготовленные на базе картотек.

Ф. П. Филин предлагает, опираясь на новые данные словарей, уже теперь начинать обобщающую работу. «Сравнительный анализ ука-

занных источников (пусть даже незавершенных),— пишет он,— позволит очертить круг прарусской лексики, далеко не тождественной с праславянским лексическим фондом» [4]. В результате, по его мнению, «выявятся новообразования и заимствования (общевосточнославянские и диалектные), древние диалектные связи с другими славянскими языками, по своему распространению не совпадающие с исторически известными этноязыковыми границами, реликтовые локализмы и диалектизмы прарусской и раннедревнерусской эпох» [4]. Сравнительный анализ позволит также сопоставить лексику складывающегося литературного языка и лексику местных письменных источников, проследить за усилением роли отдельных русских регионов («земель») удельного периода и влиянием этого процесса на сложение и изменение границ диалектных зон, на формирование и состав русского народно-разговорного языка.

В каких же направлениях в связи с намеченной программой лексикологических работ надо совершенствовать лексикографическую практику?

Полнота словника и отражение в словарной статье региональных моментов в истории слова представляются сейчас наиболее важными аспектами лексикографической работы. Это и определило основную тему данной статьи.

Выявление новых слов, засвидетельствованных письменно, идет, во-первых, за счет привлечения новых источников: рукописей, публикаций, документов, особенно из местных архивов, лексикологических и лексикографических работ на местных лексических материалах. В частности, расширение круга источников Словаря русского языка XI—XVII вв. (далее: СлРЯ XI—XVII вв.) коснулось в основном регионов, слабее других представленных в Картотеке ДРС (далее: КДРС). В первую очередь это источники южновеликорусской зоны в публикациях Сектора лингвистического источниковедения и издания памятников Института русского языка АН СССР: Отказные книги XVII в. (Белгородская, Брянская, Воронежская, Елецкая, Карачевская, Курская, Мценская, Новосильская, Орловская, Рыльская), по изданию, подготовленному С. И. Котковым и Н. С. Котковой в 1977 г.; рязанский актовый материал по Разрядным спискам поместных казаков Рязани (Археографический ежегодник, М., 1964) и по изданию, подготовленному С. И. Котковым и И. С. Филипповой «Памятники русской письменности XV—XVI вв. (Рязанский край)», М., 1978; смоленские материалы по книге Е. Н. Борисовой «Лексика Смоленского края по памятникам письменности», Смоленск, 1974, по Смоленской крестоприводной книге 1598 г., публикации 1976 г. С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславского. Авторами многих новых словарных статей в СлРЯ XI—XVII вв. стали исследователи, работавшие с рукописями в архивах Воронежской (В. И. Хитрова), Владимирской (Л. Ю. Астахина), Архангельский (В. Я. Дерягин), Пермской (Е. Н. Полякова) и других областей [5, 6].

Традиционно в сокращенных обозначениях новых источников по возможности сохраняются указания, локализующие памятник: *Пам. Ряз.*, *Пам. Смол.*, *Южновеликорус. нар.*, *Южновеликорус. письм.* В тех случаях, когда названия публикаций или исследований, из которых делаются выборки цитат, не содержат таких указаний, они могут вводиться в сокращенные обозначения источников: *Отп. моск. посла* — Белоброва О. А. Черты жанра хождений в некоторых древнерусских памятниках XVII в.— Тр. ОДРЛ, XXVII. Л., 1972. *Док. о холмог. домовлад.*— Дерягин В. Я. Лексико-семантический анализ группы деловых текстов.— В кн.: Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания. М., 1974. Акцентирование внимания в сокращенном обозначении на жанре, месте создания памятника, авторе произведения обеспечивает информативность сокращения и возможность его прочтения без обращения к Указателю источников. В словаре принята также форма уточнения характера документа, а иногда и его локализации в скобках перед сокращением: (*Кн. прих.-расх. мон. казн.*) *Арх. Он.*, (*Кн. расх. Болд. м.*) *РИБ II*. Как показала практика, этим приемом необходимо пользоваться шире для локализации памятников в таких сводных публикациях, как АЮБ, АИ, ДАИ, объеди-

няющих разнородные в жанровом и региональном отношении документы, *Берест. гр. I—VI*, где издаются не только новгородские грамоты, но и находки из Смоленска и Старой Руссы, публикации типа АРГ, содержащие тверские, московские, дмитровские и другие документы и т. п. (Сокращенные обозначения источников и сокращения при цитатах см. по изд. Словарь русского языка XI—XVII вв. Указатель источников. М., 1975, а также по Дополнениям к Указателю источников в вып. 5 СлРЯ XI—XVII вв.).

Выявление новых слов идет, во-первых, за счет расширения состава источников, способных дать информацию о наличии слова. Резервом являются: эпиграфика [1], славянские слова в иноязычных памятниках письменности [2], реконструкция апеллятивов по данным древнейших топонимов и антропонимов. Совершенствование СлРЯ XI—XVII вв. в процессе издания предполагает все более широкое использование всех этих резервов, в частности, ономастического материала не только для семантической интерпретации, но и локализации нарицательных слов или отдельных их значений. ***Найденъ***, м. *Найденыш.* У него найденъ Илейка. Яросл. п. кн., 108. XVII в.— *В сост. имени собств.* (*как прозвище*). (1509): Князь великии Василеи Ивановичь... прислал во Псков князя Ивана Михаиловича Наидена, а потому назвали Наиденомъ... нашли его псковичи на Загорьском дворѣ. Псков. лет., I, 92. ***Кундумы***, мн. ***Кундумъ***, м. *Название мучного кушанья.* «Кундюмы съ яицы во ухи», «Ставець кундумовъ, а въ нихъ... 2 чюмича кислицы крошеные» с необозначенной локализацией из собраний ДАИ I, 1590 г. и АИ II, 1613 г. Введение локализованного материала из «Ономастикона» С. Б. Веселовского удревняет также фиксацию:— *В сост. личного имени вотчинников Волока Ламского*: Степан Пирог, 1518 г. ... Андрей Каравай Оладьин, 1527 г., Матвей Кундум Пирогов 1541 г.

СлРЯ XI—XVII вв. все шире включает образованные от топонимов и помогающие локализовать основное слово группы терминологических сочетаний. Такие сочетания показывают культурно-исторический фон сложения денежной системы средневековой Руси (*московская*, *новгородская деньга*, а также *московка*, *новгородка*), системы мер сыпучих тел (*боровицкая*, *валдайская*, *елецкая*, *костромская*, *любимская*, *московская*, *смоленская мѣра*; *можайская*, *ростовская кадь*) и т. п. Производные от топонимов сочетания в известной мере отражают и существовавшие культурные и торговые контакты: *кафинский*, *венецкий*, *итальянский аршинъ* «меры длины для ввозимых тканей (до середины XVI в.)», *московский аршинъ* «мера длины для всех тканей (с середины XVI в. и для ввозимых, и для отечественных)»; *Мешецкий шелкъ* «шелк из г. Мешхеда в Персии»; *Лундское сукно* (также *лундышъ*) «сорт английского сукна».

---

[1] В практике составления СлРЯ XI—XVII вв. используются различные надписи на предметах: на сосуде — *горуша* (*горуща*), на мече — *коваль*, на камне (Тьмутараканский камень) — *ледъ*, *мѣрити*, надписи в рукописях при инициальных буквах (*курвинъ*) и т. п.

[2] Таких находок, относящихся к разным периодам, сделано на сегодняшний день уже довольно много. О. Н. Трубачев отмечает, что «личное имя короля антов *rex Boz* у Иордана... отражает ранневосточнославянское *vožь* или *vožь*, русск. нар. *вож* (калька *rex* — *вож*), книжное *вождь*, уже в IV веке» [7]. Л. П. Жуковская указывает на восточнославянскую форму имени наместника Юстиниана на Боспоре — *Гордъ*. Имя фиксируется в византийских источниках VI в. [8]. СлРЯ XI—XVII вв. в отдельных случаях для показа более ранней фиксации или редких сочетаний слов в соответствии с принципами, разработанными еще Б. А. Лариным, прибегает к иноязычным текстам, в которых имеется транслитерированное русское слово или словосочетание. Так, ранняя фиксация слова *кистень* дается в Словаре по С. Герберштейну, два сочетания *Mattotovoi kost* и *Adatovoi kost* в словарной статье *кость* подтверждены текстом из Русской грамматики Лудольфа 1696 г. Большими информативными возможностями располагают двуязычные лексиконы XV—XVII вв. с левой или правой «словенской (русскоцерковнославянской) частью» (например, содержащие богатые материалы по средневековой лексике исследования и публикации средневековых лексиконов Л. С. Ковтун) и разговорники (типа Псковского разговорника Т. Фенне 1607 г.). В последнее десятилетие интенсивная работа по обследованию тематических групп лексики в русско-немецких, русско-шведских словарях-разговорниках XVII в. ведется проф. Сири Свердруп Люнден [9].

Использование топонимов и антропонимов дало новый материал для семантической и региональной характеристик лексики и значительно обогатило Словник української мови XIV—XV вв. Ономастика, по мнению украинских лексикологов, является «цінным джерелом вивчення лексичного богатства мови, її історії, адже в її скарбниці законсервована глибока старовина, назви різних понять і предметів, що давно вже перестали вживатися» [10].

Итак, все более широкое привлечение местных памятников письменности, использование вспомогательных резервов информации о слове (эпиграфики, славянских вкраплений, территориально маркированной ономастической лексики) актуализируют вопрос о региональной характеристике слова в исторической лексикографии.

Усилия исторической лексикографии в решении проблемы региональной характеристики лексики облегчат и усилят аргументацию в этимологической лексикографии. Г. Бирнбаум признает: «Для реконструкции даже относительно поздних периодов того или иного праязыка... данные, предоставляемые нам современными диалектами и говорами, должны быть, на наш взгляд, использованы с возможно большей осторожностью... Часто маловероятной является архаичность явлений, засвидетельствованных лишь немногочисленными примерами» [11].

Следует заметить, что до недавних пор лишь диалектная лексикография давала надежно локализованный массовый материал, чем в значительной степени объясняется то предпочтение, которое этимологи отдавали диалектным данным. Глагол **gojiti/sę*) (ЭССЯ, вып. 6) реконструируется на основании многочисленных сведений из русских диалектов, болгарских, польских, чешских, сербских и других материалов, что само по себе уже говорит об архаичности глагола. Возможно, однако, нужна была бы и некоторая опора на письменные данные, в частности, на сочетание *гой еси* в СлРЯ XI—XVII вв. В целом же, в совпадающих частях алфавита ЭССЯ уже учитывает новую по сравнению со Словарем И. И. Срезневского лексику, уточнения в датировках, новые значения.

Крайне важны регионально-диахронические характеристики слова и для решения многих вопросов диалектологии. Создание исторической диалектологии едва ли возможно без хронологической корректировки лексических данных, накопленных к настоящему времени диалектной лексикографией. Создаваемый на основе дифференциального принципа сводный Словарь русских народных говоров (далее СРНГ) включает огромное количество чисто региональных слов и значений слов, не свойственных всему русскому языку в целом.

СлРЯ XI—XVII вв., будучи общефилологическим словарем, построенным на материале памятников письменности, разнообразных в жанровом и территориальном отношении, регистрирует не только книжно-письменную лексику и народно-разговорные, просторечные (общерусские) слова и значения, но и местную (периферийную, областную, диалектную) лексику.

Примечательно, что Словарь русского языка XVIII века также «включает всю особую местную лексику, встретившуюся в его источниках, независимо от степени ее употребительности в них и от ее позднейшей судьбы по отношению к литературно-языковой норме» [12].

В целом в отношении местных особенностей речи ситуация в Русском государстве складывалась весьма демократично: Гдѣ кто родился и по обыкностямъ своимъ говорить и писать извыкъ, того въ безчестье не ставить и судовъ въ томъ не давать. (Указ ц. Алекс. Мих.) ПСЗ I, 1000. 1675 г. В письменных источниках в пределах одного текста можно было встретить *идти* и *идтить*: Будет имъ берегомъ идтить нельзя, имъ идти распрося, куда пригоже. Баг. Мат., 6. 1600 г.; в псковских памятниках наряду с общерусским *засада* дается местное *подсада* [13]; в документах Ярославского девичьего монастыря одно и то же строение регулярно именуют то *баней* (московские писцы), то *мыльней* (местные), наряду с *конопля* в памятниках письменности (и в СлРЯ XI—XVII вв.) регистрируется *конопель*, *конопи*, *конопли* и т. д.

По наблюдениям исследователей, «наибольшее число местных слов приходится, естественно, на время большей изолированности, большей самостоятельности русских феодальных областей, т. е. на XIV — первую половину XVI в.» [13].

Значительные расхождения на разных территориях распространения русского языка обнаруживают, например, наименования мер сыпучих тел. Появление большого количества местных мер с их разнообразной номенклатурой связано с известной территориальной разобщенностью русских земель периода феодализма. Наряду с самым распространенным и древним термином для обозначения меры сыпучих тел (преимущественно зерна) *кадь*, местные документы XIV—XVI вв. отмечают *коробью* в Новгороде, *зобницу* в Пскове, *пузъ* на Двине, *куницу* на Вятке, *сапцу* в Соли Камской. В Устюге Великом зерно и мука измерялись *мѣрами*. В новгородской берестяной грамоте упомянута как мера зерна *дежа*, лексема в других документах в этом значении не зафиксированная: У Милъслава со Милонего 9 деже, овса десятая. Берест. гр. VI, № 320. XII—XIV вв.

Примером выразительных местных лексических различий может служить также вырабатываемая в течение длительного времени терминология фискального учета, очень часто опосредованно отражающая характер ведения хозяйства в каждом конкретном регионе. Так, например, в земледельческих районах Новгородской земли в XV—XVI вв. единица налогового обложения называлась *обжа* (название фискальной единицы связано с метрологическим значением слова *обжа* «мера пахотной земли»). Фискальный термин *обжа* был неизвестен на других русских территориях. По летописному преданию, Иван III после присоединения Новгорода к Москве пожелал узнать размер новгородской сохи: Князь велики ... велѣлъ въспросити, что ихъ [новгородцев] соха. И они сказали: три обжи соха, а обжа — одинъ человѣкъ на одной лошади оретъ, а кто на трехъ лошадехъ и сам третей оретъ, ино то и соха. Соф. II лет., 217.

Местная окладная единица в промысловых северных районах Новгородской земли носила название *лукъ*. На севере Новгородской, Водской пятины (см. Кн. пер. Водск. пят. II) *луками* облагаются уже земледельческие хозяйства. Название окладной единицы *лукъ* восходит к значительной древности, когда хозяйство на этой территории было охотничьим и промысловым. Хозяйство эволюционировало, стало земледельческим, но название окладной единицы осталось прежним.

Безусловно, территориальная разобщенность русских земель была одной из причин появления некоторого числа местных лексических расхождений, прежде всего в области терминологий, отражающих социально-экономические условия жизни в том или ином регионе. Памятники письменности отмечают их поразительную живучесть вплоть до XVII и даже XVIII в. Увеличение количества лексических диалектизмов отмечается исследователями русской диалектной лексики для всего периода XIV—XVII вв. [14, с. 615], несмотря на возрастание центростремительных тенденций в русском языке начиная с середины XVI в.

Материалы СлРЯ XI—XVII вв. подтверждают архаичность многих слов и их семантических сближений, а в некоторых случаях проясняют то, что из-за отсутствия семантических связей с опорным словом дано в СРНГ или в Словаре В. И. Даля со знаком вопроса. Так, слова *кудель* и *кужель* с их производными семантически слились: «кудель, пучок вычесанного льна, конопли, приготовленный для прядения». Так было уже в XVI в., о чем свидетельствуют данные СлРЯ XI—XVII вв. Но первоначально это разные слова: *кудель* из **kǫdelь* «пучок волокна на прялке», *кужель* из **krǫželь* (так могло быть названо что-л., имеющее отношение к вращению, имеющее вращающуюся деталь, например, колесная прялка) [15]. Реально же зафиксировано у Даля и в СРНГ *кужульня* «ось, на которой вращаются жернова?» с пометой *тул.* СлРЯ XI—XVII вв. имеет *кужельня* 1680 г.: У мел⟨ь⟩ницы кужел⟨ь⟩ни розбилис⟨ь⟩ и жерновы не кованы, а... мел⟨ь⟩ник кужел⟨ь⟩ней не дѣлает (Чел. приказчика) Р., № 43, 4. Производные же образования *кужевненый* и *кужевинный* (*кужев-*

ня вторично при *кужельня*) в СлРЯ XI—XVII вв. указывают в качестве территории распространения также и на Соликамск.

В СлРЯ XI—XVII вв. подтверждаются единичные фиксации диалектных слов: *лаз* «лесная тропа» — в недавней записи в вологодских говорах (СРНГ) и в двинском документе 1535 г. (СлРЯ XI—XVII вв.); *лесна* «стенка солеваренного котла высотой до полуметра» в записи 1930 г. на Урале (СРНГ) и *лесни* (*лясни*) «стенки црена — большого плоского котла, металлического ящика для выварки соли» — в Якутских актах, 1646 г. (СлРЯ XI—XVII вв.); расширяется круг известных диалектных образований: *кадиль* «кадка» — в воронежском документе 1677 г., *корья* «тара и мера объема зерна, корнеплодов и мера площади, на которой высеивается корья зерна» — в переписных книгах Шелонской и Водской пятин 1498—1500 гг.; *лешнягъ* «заросли орешника» по Воронежским межевым книгам, 1629 г.; (в СРНГ эти слова отсутствуют). Более сложный случай: *лаксирь* «название рыбы, предположительно густера (ср. диал. *ласкирь*)» — в рязанском памятнике 1687 г.

В СлРЯ XI—XVII вв. представлены как собственно лексические диалектизмы (лексемы), так и семантические (значения). Примеры последних у слов, имеющих повсеместное распространение: ***Каменъ***, м... 4... ‖ «горный хребет» — в уральских и сибирских памятниках XVII в.; ***Кошель***, м... 7. «особая форма двускатной крыши (на русском Севере), в которой оба ската скошены под разным углом и имеют разную длину» — в сийской рукописи 1584 г.

Таким образом, для диалектных слов и значений региональная характеристика может быть включена в состав дефиниции разными способами, вплоть до использования ссылки на СРНГ.

Диалектизмы, фиксируемые в СлРЯ XI—XVII вв., принадлежат к различным тематическим группам лексики. Так, среди географических терминов выделяется группа местных северновеликорусских заимствований из финно-угорских языков: *каренька* «мелкий, нестроевой лес» — в соловецком документе 1635 г., в архангельских, уральских и сибирских говорах, по СРНГ; *курья* «речной залив, заводь...», *курейка*, *курейный* — в северных, уральских и сибирских памятниках XV—XVII вв., в северо-западных, северных, уральских и сибирских говорах; *ламба* «зарастающее мохом небольшое озеро в лесу с топкими берегами» — в обонежской грамоте XVI в., в олонецких и архангельских говорах; *лахта* «залив, бухта», «низменное место, прилегающее к заливу (лахте)», *лахтица*, *лахотный* — в двинских памятниках XV—XVII вв., в олонецких, архангельских, усть-цилемских говорах и др. На юге и юго-востоке СлРЯ XI—XVII вв. отмечает среди географических терминов некоторые заимствования из тюркских языков: *бояракъ*, *баяракъ* «буерак, овраг, рытвина» в южновеликорусских документах XVI—XVII вв., *буеракъ*, *буяракъ* «буерак, овраг» в юго-восточных документах XVII в. *ерикъ*, *ерекъ* «небольшой речной или озерный рукав», в воронежских актах XVII в. Географический термин *левада*, фиксируемый СлРЯ XI—XVII вв. в воронежских документах XVII в. и широко представленный в курских, орловских, тульских, ивановских, пензенских, донских, ростовских, кубанских, новороссийских говорах (по СРНГ), М. Фасмер сопоставляет с *ливада* (из греч. λιβάδι, λιβάδιον), а этот последний отмечен И. И. Срезневским в одном из прологов; также по И. И. Срезневскому в СлРЯ XI—XVII вв. дано прилагательное *ливадный* из Георгия Амартола, 1389 г.

Только в памятниках XVI—XVII вв. с южновеликорусских территорий зарегистрированы такие слова, как *колокъ* «небольшая роща, перелесок», *колча* «низкое заболоченное место (?)», *котлубань* (*катлубань*, *кутлубань*) «яма, котловина с водой», *котлубанинка*, *котлубашина* (*кутлубашина*); кроме первого термина, во всех случаях обнаруживается совпадение географического распространения лексем в прошлом и в современных говорах. Несовпадение географических характеристик, содержащихся в СлРЯ XI—XVII вв., с современной географией слова во многих случаях может быть объяснено изменением границ распространения слова, вхождением слова в наддиалектные разновидности языка.

При сопоставлении данных СлРЯ XI—XVII вв. и СРНГ необходимо с осторожностью относиться к термину «диалектизм» применительно к лексике донационального периода развития языка. Как диалектизмы здесь были указаны в основном слова и значения, имевшие предположительную зону распространения и не вошедшие позднее в нормализованный русский литературный язык, что вполне согласуется с известным определением этого понятия для современного языка [16]. Но уже в исторической диалектологии такое определение по двум признакам (наличию изоглоссы и отсутствию в литературном языке), по мнению О. С. Мжельской, может быть принято лишь «с некоторыми поправками» в связи с тем, что диалектизм в эпоху нашего средневековья «входил не только в систему местного говора, но и в систему местной разновидности письменного языка» [17].

В общей истории языка едва ли достаточно одного понятия — диалектизм. По справедливому замечанию Г. В. Степанова, «традиционная диалектология зачисляет в категорию диалектов неравнозначные социолингвистические объекты» [18].

Для обобщающих историко-лексикологических и историко-географических изысканий, основанных на сопоставлении данных исторической и диалектной лексикографии, значительные трудности представляет не только практическое выделение круга регионализмов в общефилологическом словаре. Очень важно и теоретическое определение самого понятия регионального явления в лексике применительно к истории словарного состава языка. (Отметим особую заинтересованность в решении этого вопроса, проявляемую в зарождающейся региональной исторической лексикографии).

Материалы СлРЯ XI—XVII вв. содержат многочисленные примеры изменения не только географического распространения, но и социального статуса слов: перемещения их из диалектов в наддиалектные разновидности языка и наоборот — «затухания», перехода на положение диалектизмов слов, имевших в какие-то периоды своей жизни в языке повсеместное распространение.

Сосуществование унаследованных от общеславянского состояния лексем *лѣха* и *гряда* объяснялось их первоначальной отнесенностью к разному виду полосы земли (после обработки): *лѣха* «полоса земли, пашни (при ручном севе)», *гряда* «узкая в виде невысокой насыпи полоса земли, подготовленная для посадки овощей, цветов и т. п.» (*грѧда*|*гряжда* были близкими понятиями). Противопоставленность слов по наличию или отсутствию возвышения на полосе обрабатываемой земли постепенно стиралась. *Лѣха* в ранних памятниках письменности уже обозначает и борозду (Усп. сб. XII—XIII вв.), и грядку: Споды (греч.) — лехи или гряды, иже во огороде. Алф. [1], 215. XVII в. *Гряда* же и *грядка*, как видно и по многочисленным производным, занимает более активные позиции. *Лѣха*, по данным СлРЯ XI—XVII вв., уже не имеет производных и переходит на положение диалектизма.

Сравнительно простым примером изменения географического распространения и социального статуса слов может служить история некоторых названий одежды. В СлРЯ XI—XVII вв. слово *кабатъ* фиксируется в двух значениях «род верхней одежды у иностранцев („немцев") (ср. греч. *καβάδης*)» — с XV в. и «царская одежда рубашечного покроя с разрезами по бокам и с широкими рукавами» — в московских документах XVII в. По данным СРНГ, *ка́бат*, *кабо́т*, *коббо́т*, *кабо́та*, *кабате́йка*, *кабо́тик*, *кабату́ха* и *кобату́ха*, *кабату́шка* и *кобату́шка* — названия разнообразных видов крестьянской одежды, преимущественно рабочей, в западных, северных и сибирских говорах. В разряд диалектизмов переходит лексема *азямъ*, *озямъ* (< *Adžam* «Персия»), приводимая СлРЯ XI—XVII вв. со значением «мужская верхняя одежда типа длинного кафтана» из московских документов XVI—XVII вв. СРНГ фиксирует слово *азям* в значении «верхняя одежда крестьян, мужская или женская, разного покроя и сшитая из разного материала в зависимости от местности и обстоятельств» на самых разных территориях России.

Зоны распространения части слов, меняющих на протяжении истории свой языковой статус, могут не ограничиваться пределами одного языка. Так, памятники русской письменности сохранили три названия для обозначения части суши, острым углом или резко выдающейся в море, озеро, реку — *носъ*, *рогъ*, *мысъ*, первые два из которых регионально противопоставлены. Ранние севернорусские памятники используют для обозначения этого географического объекта слово *носъ* [3], сначала в свободном употреблении (XIV—XV вв.), а позднее в составе географических названий: За рѣкою на носу... полоса земли. АЮ, 433, ок. 1350 г. Купи полоску земли на носу. Гр. Дв., 36. XV в. Деревня за Белымъ носомъ у Ладожского озера. Кн. пер. Водск. пят. III, 50. 1500 г. Ѣхати на Канинъ носъ. СГГД IV, 72. 1661 г. Взято... денегъ... з жеребья деревни Орлеца на Орлецкомъ носу. Гр. Дв. II, 261. 1691 г. Сибирские документы и для XVII в. обнаруживают этот термин вне состава топонима: Межъ рѣкъ Нонаборы и Ковычи протянулся въ море носъ каменной. Чертеж Сиб. з., 8. 1672 г.

Южные деловые документы фиксируют в значении «мыс, изгиб, колено (реки)» термин *рогъ*: Сторожемъ на ней [реке Воргле] стояти из Дѣдилова... а беречи имъ на право до Робушкина лѣсу до верхнего рогу 10 верстъ. Д. сторож. службы, 9. 1571 г. Более поздние местные южные памятники отмечают термин *рогъ* уже в составе географического наименования: Как де он ѣхалъ на Терекъ ... на рѣкѣ Кизларе... ево де не допущая до Терского рога на дороге взял астраханский Сююн мурза Янаев. Астрах. а. № 2310. 1651 г. Отъ того лѣсу до Ольхового рогу по обѣ стороны той реки степь. Баг. Мат., 136. 1686 г.

Северные документы знают термин *рогъ* исключительно как название парного мыса — *Унские рога* «два возвышенных, значительно выдающихся в Белое море мыса (Яренгский и Красноярский), образующих узкий проход из моря в Унскую губу». Ср.: На лѣтней стороне у моря на Унских рогах монастырь Пертоминской. Гр. Дв. II, 142. 1684 г. Отъ Двинскаго устья до Унскаго рога 80 верстъ. Косм. Арс., 16, к. XVII в.

Пережиточно сохраняющиеся в составе географических наименований термин *носъ* «мыс» поздних памятников для северного региона и *рогъ* «мыс, колено (реки)» для южного региона [4] перекрывается употреблением термина *мысъ* на всей территории распространения русского языка.

Первую фиксацию термина *мысъ* находим в летописном сообщении под 1434 г., относящемся к волжскому региону: [Кн. Василий] прииде на Кострому съ Вятчаны. Князь же великы то слышавъ, и собравъ воя, поиде на него и, пришедъ, ста у Елпатия святаго на мысѣ. Ерм. лет., 149, сп. XV — н. XVI в. Географический термин *мысъ* широко фиксируется в деловых документах центра, севера, северо-запада, юго-востока, Сибири: Придали есмя, господине, доры къ тѣмъ деревнямъ, къ Борку да къ Мысу. Арх. Стр. I, 87. 1490 г. [Межа] по гранемъ и по рубежемъ на осиновой мызъ. Арх. Стр. I, 183. 1526 г. Деревня Зады Гайновские съ мыса Гайновского да прямо к Бурдуковскому ручью. А. Юж., 119. 1511 г. На мысу. Псков. п. кн., 427. 1587 г. [Межа] болотомъ на мысу на виловатой дубъ. Ряз. п. кн., 754. 1629 г. У лѣсного Воронежа подъ Лежайскимъ мысомъ деревня. АЮБ II, 321. 1637 г. Отъ того столба черезъ рѣчку... на сосновый острый мысъ. Кн. стр. Синб., 53. 1654 г.

Русское *мыс* имеет параллели в украинском (*мис*) и белорусском (*мыс*) языках. Однако, если слово *мис* на украинской почве представляется изолированным и его можно рассматривать как русизм нового времени, то белорусское *мыс* выглядит словом весьма старым: оно приобрело целую серию вторичных значений и даже претерпело контаминацию с другими словами [21]. Чешское и словацкое *mys* считаются заимствованием из русского языка [22].

---

[3] На эту особенность метафоричного употребления слова *нос* в значении «мыс» обратил внимание С. Герберштейн [19].

[4] Словарь староукраинского языка XIV—XV вв. не отмечает у слова *нісъ* значения «мыс», слово же *рогъ* фиксируется там в значении «край (леса)» и в географическом названии *Лычный рогъ*, во второй части которого можно видеть указание на значение «мыс»: За Пруто(м) на деренико(х)... где Танко селить на Лычномъ рогу [20].

Существительное *мыс* не имеет убедительной этимологии на индоевропейской почве (см. Фасмер II, с. 24). Первоначальная фиксация лексемы *мысъ* в Поволжье, отмечаемая СлРЯ XI—XVII вв., может свидетельствовать в пользу ее заимствования у юго-восточных соседей. Русско-белорусский географический термин *мыс* может быть возведен к лексеме типа древнетюркского *tüjüz* «рог» [23], половецкого *tüz* [24]. В пользу тюркской этимологии говорят также вариант *мызъ* с финальным звонким согласным, фиксируемый СлРЯ XI—XVII вв., и диалектные формы типа *мызье* «мысы», *мызокъ* «небольшой мыс, выступ берега», *мыз* «косой затес от топора на конце бревна».

Обращение к текстам XI—XVII вв. позволяет считать, что размежевание метафорических по происхождению географических терминов *носъ* и *рогъ* (*нос* для северного, *рог* для южного региона) отражает сравнительно древнее состояние языка. Устранение этих метафорических по происхождению терминов, одинаково восходящих к полисемантичным анатомическим названиям, на этом участке географической терминологии происходило за счет вытеснения их новым заимствованным термином с его утраченной в момент заимствования внутренней формой, которая, впрочем, была в данном случае идентичной с внутренней формой географического термина *рог*. Исторический словарь для этого случая не только подтверждает современное распределение географических ареалов терминов *нос*, *рог*, пережиточно сохранившихся в современной топонимике в составе географических названий, но и достаточно подробно показывает процесс взаимодействия географических терминов *мыс*, *нос*, *рог*, в результате чего два последних термина из актуальных лексем регионального характера превратились в архаизмы, отойдя на периферию русского словаря.

Особенно много регионализмов, изначально не относящихся к диалектной лексике (в традиционном смысле этого слова), в терминологии общественно-политической, социально-экономической, в некоторых других тематических группах лексики. Задача региональной их характеристики также стоит перед общефилологическим историческим словарем. Часть этой терминологии никогда не входила в общерусское употребление, но была характерной для официально-деловой, административной сферы общения на той или иной территории распространения русского языка.

В СлРЯ XI—XVII вв. представлены такие термины, как *лавничество* «судебно-административный округ в составе уезда, волости (в юго-западной Руси)», *лавникъ* «должностное лицо в округе (лавничестве)» — в смоленских актах XVII в.; полонизированная форма *лавнитство* «то же, что лавничество» — в оброчных книгах Поречской волости 1669 г.; *курень* «казачье военное поселение, станица» — в донских памятниках XVII в. и др. термины административного устройства казачества. Само слово *казакъ* «легковооруженный воин, представитель низшего разряда татарского войска», «представитель вольной военной общины с особым самоуправлением», «служилый человек, несущий пограничную службу по найму, на определенных условиях» в широком круге московских, южновеликорусских памятников XV—XVII вв.; но «вольный человек, свободный от тягла и работающий по найму, батрак» — преимущественно в документах Северо-Восточной Руси и Севера того же периода.

Особенности социально-экономической жизни русского Севера с его системой монастырского землевладения и арендного землепользования отражены в соответствующей терминологии, широко представленной в СлРЯ XI—XVII вв.: исконные термины *порядити*, *порядъ*, *зарядъ*, *вырядъ*, *вырядити*, *выряжати*, *прирядъ*, *прирядити* и др. Термины с корнем *-ряд-* были продуктивны в древнерусском праве, что подтверждают материалы Русской Правды и новгородские рядные — одна из древнейших разновидностей частных актов. Словарь фиксирует значительное число новообразований с этим корнем в северновеликорусских памятниках XVI—XVII вв. Вся эта терминология генерирована не народно-разговорной, а письменно-деловой местной речью. Ср. здесь же, в северновеликорусских памятниках *кортомъ* и *кортома* «откуп, наем, аренда», *кортомити*, *кортомленый*, *кортомный*, *кортомщикъ*.

Для южновеликорусских деловых документов XVI—XVII вв. можно указать терминологию отказа, вырабатывавшуюся в отказных книгах, для областей распространения поместного землевладения — соответствующую терминологию, лишь часть которой сохранилась в литературном языке национального периода. Ср. в вышедших выпусках СлРЯ XI—XVII вв. и в КДРС: *помѣстити* «наделять землей с поселениями на ней, поместьями», *испомѣстити*, *беспомѣстный*, *помѣстье*, *помѣстьице*, *помѣстейце*, *помѣстьишко*, *помѣстничество*, *помѣстный*, *помѣщикъ*, *помѣщица*, *помѣщиковъ помѣщиковский*, *помѣщицкий*, *помѣщицынъ*, *помѣщичий* [25].

Выявление и региональная характеристика этих разрядов лексики в СлРЯ XI—XVII вв. поможет «определить диалектно-областные вклады в развитие русского литературного языка» [26].

В истории восточнославянской лексики наибольшую сложность представляет описание процессов, результатом которых было образование словарного состава трех самостоятельных восточнославянских языков — русского, украинского, белорусского. Описать эти процессы — значит не только выявить новообразованные и заимствованные после XIII—XIV веков лексемы и значения, но, что самое трудное, представить во всей конкретности, как на генетически общей основе постепенно нарастали локальные различия в лексической семантике [14, с. 635]. При сопоставлении материалов из памятников XV—XVII вв. с территорий великорусской, украинской и белорусской эти различия, безусловно, выявятся, однако, сводками таких материалов мы пока не располагаем — дело за завершением исторических словарей и обобщающими исследованиями по исторической лексикологии всех трех восточнославянских языков.

Составители СлРЯ XI—XVII вв. как словаря наиболее широкого по охвату памятников и хронологии стремятся показать локальные восточнославянские семантические инновации лексикографическими способами, внутри отдельных словарных статей.

Следует учитывать, что словарное определение всегда обобщает (а это таит в себе опасность нивелирования местных различий); но там, где это возможно, СлРЯ XI—XVII вв. кроме прямого указания на регион в дефиниции использует такие приемы, как детализация семантических рубрик, подбор цитат определенной территориальной приуроченности. Примером может служить 3-е значение слова *мѣсто*. Основное определение «населенное место, поселение вообще; поселение городского типа» иллюстрируется такими цитатами, отнесенность которых к среднерусскому региону ясна: (1237): И нѣс⟨ть⟩ мѣста ни вси, ни сѣлъ тацѣх рѣдко, идеже не воеваша на Суждальскои земли. Лавр. лет., 464. Сей же Батый злѣйши и губительнѣиши бысть оного Навуходоносора, грады испровергаа, села *же и мѣста пожигаа*. Пов. убиен. Батыя, 111. XVI в. ~ XV в. Историко-культурные условия и традиции формирования городов, их правовой статус были разными для северо-восточных и юго-западных земель, поэтому далее в словарной статье под этим значением выделены оттенки значения, в которых выявляется постепенное накопление семантических различий. Показательны хронология и география цитируемых памятников — южнорусской Ипатьевской летописи, «Истории» Курбского и др.: ‖ *Собственно город, по западнорусской и европейской средневековой традиции, формировавшийся вокруг торга, торговой площади, а иногда вблизи замка, крепости (города, града).* (1287): Бывшу же ему в Луцки, Мьстиславу же не сущу ту, но близъ города нѣкоемь мѣстѣ именемь в Гаи: мѣсто же то красно вѣдѣниемь и устроено различными хоромы, цркви же бяше в немь предивна красотою сияющи. Ипат. лет., 908. И абие внезапу прииде буря великая и загорѣлося мѣсто такъ скоро, же за малыи часъ все мѣсто обьяло. Людие же немецкие всѣ отъ мѣста избѣгоша во градъ отъ огня великого. Курб. Ист., 231. XVII в. ~ XVI в. На лѣвомъ берегу рѣки Дуная... Измаилъ мѣсто велико, сказываютъ 8 тысячь домовъ, а города нѣтъ, посадъ токмо. Арс. Сух. Проскинитарий, 7. 1653 г. Въ Каменецъ войскъ къ бою 6000. Боятца, чтобъ на нихъ наши не напали и моста междъ замкомъ и мѣстомъ не разорили. ДАИ XI, 11. 1684 г. ‖ *Территория, область, тя-*

готевшая к такому поселению, городу. Приходилъ на наши на Сѣверские мѣста къ Новугородку Сѣверскому ротмистръ твои князь Михаило Вишневетдкой съ литовскими людми. Польск. д. III, 152. 1563 г. А какъ шатцкие и темниковские мѣста от вороских людей очиститца, и ты б... шол х Керенску. Разин. восст., 36. 1670 г. [27, 14, с. 623—624].

Небезынтересно также сопоставление семантических рубрик слов, общих для языков восточных славян, таких, как *листъ*, *половица*. Они могут в исторических словарях отличаться набором значений, доминирующими значениями, набором устойчивых и просто типических сочетаний.

Слово *листъ* есть и в старорусских и в староукраинских памятниках. Однако значение «письменный документ юридического характера, грамота» для семантической схемы русского слова периферийно (в СлРЯ XI—XVII вв. слово *листъ* включает лишь три сочетания: верющий листъ, проѣзжий и прохожий листъ; *грамота* с этим же значением — около 150). В семантической схеме украинского слова *листъ*, *листо* значение «письменный документ юридического характера, грамота» будет доминирующим (в Сл. укр. мови только по периоду XIV—XV вв. дано 14 сочетаний: верны листъ, листъ глеитовныи, граничныи, дозволеныи, еднальныи, уздавалныи, судныи и т. п.) [5].

Слово *половица*, по данным картотеки Старобелорусского словаря, имеет в старобелорусских памятниках те же значения, что и слово *половина*, употребляется наряду с ним: И присудили половицу земли Чабутовичю Ясуду, а половину Данилу. КСД, 1377, 1480 г.; Половицю тот члвкъ... имать платити готовыми грошми, а половину — статки домовыи. КСД, 39. 1510 г. В КДРС наиболее ранний случай употребления слова *половица* приходится на новгородскую территорию (Берест. гр. XIII в.). Остальные цитаты — из памятников переводных (литература жидовствующих, Космография, Назиратель и др.) или Алфавитов иностранных речей. В этих памятниках есть употребления слова, тяготеющие к белорусской и польской семантической специфике слова, например, выражение *половица души моей* (Рим. д., 344. 1688 г.) — «о любимом, близком человеке», и употребления, перспективные для русского слова *половица* «доска, изготовляемая из наиболее широкой, срединной части дерева (используемая преимущественно для пола)» [6]. Древо... было бы до половицы расколотое так, чтобы и середка надкололася. Назиратель, 209. XVI в. (Ср. более позднее: К сему срубу прилаживаютъ... дверь изъ половицъ, то есть половинчатых бревенъ. Лепехин. Днев. зап. I, 32. 1768 г.). Языковую принадлежность и статус таких слов, как *половица*, определить однозначно нельзя (полонизм? освоенное заимствование? русский регионализм?), как нельзя отрицать факта фиксации слова в русской письменности: новгородские берестяные грамоты, Назиратель «в котором богато представлена лексика русского языка XVI века и нашли яркое отражение межславянские лексические отношения» [29].

Так исторический словарь общефилологического типа, отмечая региональные моменты в истории словарного состава языка, дает материал для этимологических изысканий, исследований в таких областях, как теория языковых контактов, историческая диалектология, историческая лексикология и история литературных языков. Перед составителями исторических словарей стоит задача совершенствования лексикографических приемов региональной характеристики слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Филин Ф. П.* Проблема локализации древнерусской лексики и историческая лексикография.— В кн.: Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы конференции. Вып. 3. М., 1975.

[5] Показательна и частотность употребления слов *листъ* и *грамота* в старорусских и западнорусских юридических документах (на ≈100 тысяч словоупотреблений) *листъ* в ст.-русск.— 5, в зап.-русск.— 667, грамота в ст.-русск. 567, в зап.-русск.— 27[28].

[6] В XVIII в., видимо, «наименование доски по способу распила дерева на две половины» окончательно заменилось «наименованием такой доски по способу преимущественного использования (для пола)».

2. *Котков С. И.* Памятники русской письменности и историческая диалектография.— ВЯ, 1975, № 2.
3. *Гамкрелидзе Т. В.* Лингвистическая типология и индоевропейская реконструкция.— Изв. СЛЯ, 1977, № 3, с. 195.
4. *Филин Ф. П.* Проблемы исторической лексикологии русского языка (древний период).— В кн.: Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. (В печати).
5. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 5. М., 1978, с. 5—9; вып. 7. М., 1980, с. 3—4; Вып. 8. М., 1981, с. 3.
6. *Мордовина С. П., Романова Г. Я.* Картотека ДРС и перспективы ее пополнения.— В кн.: Вопросы практической лексикографии. Л., 1979.
7. *Трубачев О. Н.* Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики.— В кн.: Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. (В печати).
8. *Жуковская Л. П.* О начальном этапе древнерусского литературного языка.— В кн.: Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. М., 1973, с. 172.
9. *Lunden S. S.* The Trondheim Russian — German MS. Vocabulary. Oslo, 1972.
10. З історії української лексикології. Київ, 1980, с. 4.
11. *Бирнбаум Г.* О степени доказательности диалектизмов-«архаизмов».— В кн.: Русское и славянское языкознание (к 70-летию чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова). М., 1972, с. 43, 45.
12. Словарь русского языка XVIII века. Проект. Отв. редактор Сорокин Ю. С. Л., 1977, с. 20.
13. *Сороколетов Ф. П.* Местные слова в составе военной лексики древнерусского языка. В кн.: Диалектная лексика. 1969. Л., 1971, с. 235.
14. *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.
15. *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, с. 98—99.
16. *Филин Ф. П.* Проект «Словаря русских народных говоров». М.— Л., 1961, с. 13—38.
17. *Мжельская О. С.* Диалектизмы в языке памятников средневековой письменности.— В кн.: Из истории слов и словарей. Очерки по лексикологии и лексикографии. Л., 1963, с. 120—121.
18. *Степанов Г. В.* Вариативность языка как источник изучения его истории.— В кн.: Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. М., 1973, с. 38.
19. *Herberstain S.* De rerum Moscoviticarum commentarii. Basel, 1556, p. 83.
20. Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Т. II, Київ, 1978, с. 294.
21. *Веренич В. Л.* — В кн.: Беларуска-рускія изалексы. Минск, 1973, с. 27—29.
22. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971, s. 24.
23. Древнетюркский словарь. М., 1969, с. 352.
24. *Grønbeck K.* Komanisches Wörterbuch. Türkischer Wörtindex zu «Codex Cumanicus». Kopenhagen, 1942, S. 151.
25. *Дерягин В. Я.* О местных вариантах русской деловой речи XV—XVII вв.— Изв. СЛЯ, 1980, № 5.
26. *Виноградов В. В.* Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978, с. 114.
27. *Гринчишин Д. Г.* Іменникова синоніміка в українських пам'ятках XIV—XV ст.— В кн.: Дослідження і матеріали з української мови. Т. VI. Київ, 1964, с. 73—74.
28. *Санников В. З.* Очерк восточнославянской сравнительно-исторической лексикологии (лингвостатистический аспект).— В кн.: Институт русского языка АН СССР. Предварительные публикации. Вып. 69. М., 1975, с. 8.
29. Назиратель. М., 1973, с. 4.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1982

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ПАНФИЛОВ В. З., ВАХТИН Н. Б.

ИЗУЧЕНИЕ ЭСКИМОССКО-АЛЕУТСКИХ ЯЗЫКОВ В СССР

Эскимосско-алеутская семья языков не имеет родства ни с одной языковой группой мира. Эскимосско-алеутские языки распространены в зоне Арктики и Субарктики (Чукотский п-ов, Аляска, Канадский Арктический архипелаг и о. Гренландия). Всего эскимосов около 97 тыс. чел. (по данным С. И. Брука).

Отнесение эскимосских и алеутского языков к одной языковой семье основывается на сравнительно незначительной общности их фонетических и грамматических структур. Что же касается лексического состава, то в алеутском на каждую тысячу слов обнаруживается лишь несколько десятков общекорневых с эскимосскими языками [1].

После выхода в свет работ Г. А. Меновщикова можно с уверенностью утверждать, что употребление термина «эскимосский язык» как применительно ко всему эскимосскому этносу, так и применительно к азиатским эскимосам нельзя считать оправданным. Единого эскимосского языка, на котором могли бы общаться все (или хотя бы большинство) членов этого этноса, не существует [2, с. 10; 3, с. 8]. На самом деле есть эскимосская языковая семья, состоящая из двух главных языковых групп — йупик и инупик (или йугыт и инуит). На языках йупик говорят большинство эскимосского населения Аляски и эскимосы Чукотки; на языках инуит — эскимосы Гренландии, Канады и частично Аляски. Обе эти группы включают около 30 обособленных территориально языков и диалектов, в той или иной мере взаимно понятных для их носителей [4; 13, с. 3—4].

Так, например, до недавнего времени считалось, что азиатские эскимосы, относящиеся к группе йупик (йугыт), говорят на трех обособленных диалектах: чаплинском (уԉазиԉмит), науканском (нывукаԉмит) и сиреникском (сиԉгыԉмит). В. Г. Богораз полагал, что азиатско-эскимосские диалекты, подобно инуитским, очень близки друг другу, и носители их свободно понимают друг друга [5, с. 106], что в совокупности всех эскимосских наречий азиатская ветвь должна рассматриваться как особое целое [6]. Однако с появлением исследований Г. А. Меновщикова, особенно после выхода книги «Язык сиреникских эскимосов» [7], стало совершенно ясно, что в так называемый язык азиатских эскимосов в действительности включались два далеко разошедшихся диалекта (возможно, языка) — чаплинский и науканский (взаимопонятность — до 60%), и совершенно непонятный для их носителей самостоятельный сиреникский язык. Кроме того, Г. А. Меновщиков впервые выделил и описал четвертый «диалект» на территории Чукотки — язык эскимосов Берингова пролива или, как его еще называют, имакликский диалект [2, 8], который занимает промежуточное положение между инуитскими языками Аляски и науканским диалектом на Чукотке и в течение долгого времени оказывал сильное влияние на строй последнего. Как пишет Г. А. Меновщиков, «об особой целостности азиатских эскимосских диалектов можно говорить только в отношении общности и устойчивости основных черт их грамматического строя, что же относится к области фонетики и особенно лексики, то в этих разделах между ними обнаружились такие изменения, которые затрудняли или делали невозможным между их носителями взаимное понимание» [3, с. 11].

Систематическое научное изучение «языка азиатских эскимосов» началось в 30-х годах. Некоторые предварительные (и довольно приблизи-

тельные) сведения по языку азиатских эскимосов даны в кратком очерке В. Г. Богораза [5], изданном в 1934 г. Богораз выделял, повторяя выводы В. Ф. Миллера и Н. Л. Гондатти [9, 10], три диалекта азиатско-эскимосского языка и охарактеризовал основные черты грамматического строя центрального — чаплинского — диалекта.

После Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. центром изучения эскимосско-алеутских языков стал сектор языков народов Севера Института языка и мышления им. Н. Я. Марра, а затем выделившийся из него сектор палеоазиатских и самодийских языков ЛО Института языкознания АН СССР.

Значительный вклад в изучение эскимосских языков внесла Е. С. Рубцова, многие годы проработавшая среди его носителей как учитель. Ее работы [11, 12] имели и имеют большое значение для исследователей грамматического строя и словарного состава эскимосских языков. В комментариях Е. С. Рубцовой к фольклорным текстам [11] представлен богатый материал, необходимый для дальнейшего изучения морфологии и синтаксиса этих языков. Особенно ценными в теоретическом отношении представляются наблюдения и выводы Е. С. Рубцовой в области морфологической структуры слова, в установлении статуса многих основообразующих и словоизменительных формантов именных и глагольных частей речи. Ее «Эскимосско-русский словарь» является ценнейшим справочным пособием для специалистов по эскимосским диалектам и для этнографов, изучающих историю культуры азиатских эскимосов.

Грамматическому строю чаплинского диалекта эскимосского языка посвящена двухтомная монография Г. А. Меновщикова [13, 14]. В фонетическом разделе [13, с. 16—48] дано описание фонем чаплинского диалекта и основных закономерностей их изменения в потоке речи. Исследование фонем было проведено автором в лаборатории экспериментальной фонетики ЛГУ в 1947 г. под руководством Л. Р. Зиндера. Существенно уточняя положение В. Г. Богораза, выделявшего 11 гласных фонем [5, с. 108—109], большинство которых, в действительности, являются вариантами фонем, Г. А. Меновщиков устанавливает, что в этом диалекте есть 4 гласных и 22 согласные фонемы; в сиреникском, имакликском и науканском встречаются еще 6 согласных фонем, которых нет в чаплинском [13, с. 19—37]. В этом же разделе рассмотрены фонетические закономерности эскимосского языка — слияние гласных, ассимиляция согласных, выпадение согласных, метатеза и др. Специально освещаются звуковые соответствия языков и диалектов азиатских эскимосов [13, с. 41—43].

Большое место в монографии [13, 14] занимает описание морфологического строя этого диалекта эскимосского языка. Практически образование новых слов и форм слов в эскимосских языках происходит только посредством суффиксов агглютинативного типа. В эскимосских языках к одной основе агглютинативным способом может быть присоединено очень большое количество суффиксов, каждый из которых имеет четко определенное значение. Особенности агглютинации подробно проанализированы Г. А. Меновщиковым [13, с. 65—67; см. также 15]. Эскимосские языки принадлежат к языкам полисинтетическо-агглютинативного типа; в форме их слова сосредотачиваются показатели различных грамматических значений, и в том числе показатели синтаксических отношений, наличных в структуре предложения. Поэтому исследование морфологического строя эскимосских языков вносит существенный вклад и в изучение их синтаксического строя.

При описании чаплинского диалекта [13] Г. А. Меновщиков четко формулирует критерии выделения частей речи в эскимосских языках. Эта проблема для эскимосского языка осложнялась тем, что, во-первых, имена в нем имеют личные притяжательные формы, образуемые теми же суффиксами, что формы спряжения глагола, и, во-вторых, имена и глаголы легко «переходят друг в друга»: многие основы являются общими для нескольких частей речи. С. Шульц-Лоренцен в этой связи писал об очень слабом различии имен и глаголов в эскимосском языке [16]; эту же точку зрения еще ранее высказал Л. Л. Хаммерих [17]. Эта формальная близость имен

и глаголов явилась причиной многих ошибок при изучении эскимосских частей речи. В противовес подобным утверждениям Г. А. Меновщиков последовательно проводит тезис о том, что выделение частей речи (или любой другой грамматической категории) возможно только при комплексном учете всех семантических, функциональных и формальных признаков. Несмотря на наличие формального совпадения личных показателей у имен и глаголов и (иногда) их общей функции, между именами и глаголами в эскимосском языке существует четкая грань: глаголы не могут иметь падежей, а имена не изменяются по временам, наклонениям, не имеют вида и залога [13, с. 74—76].

Каждый из главных грамматических классов слов (имя, глагол, наречие) не является однородным и на основании дополнительных формальных и функциональных признаков подразделяется на ряд более частных разрядов [13, с. 72]. Наиболее интересным с теоретической точки зрения является выделение разряда имен и причастий в лично-предикативной форме, занимающего промежуточное положение между классом имен и классом глаголов [13, с. 75], отыменных глаголов-констант, или бытийных глаголов [13, с. 73—75; 14, с. 16—20, 23—27], разряда имен качественных и относительных (не равных функционально русским прилагательным) [13, с. 225—239]; наконец, выделение особого разряда модальных слов [14, с. 218—226].

В разделе «Морфология» [13] рассмотрены именные части речи и их грамматические категории (число, падеж, притяжательность), а также именное словообразование, очень широко развитое в языке; во второй части монографии [14] дан анализ глагольных, наречных и служебных частей речи; уделено большое внимание глагольному словообразованию. Описание чаплинского диалекта завершается разделом о влиянии заимствованной лексики на строй языка [14, с. 169—272].

Исследованию строя сиреникского языка посвящена специальная монография [7]. Сиреникский язык в настоящее время практически исчез. Когда в начале 30-х годов Г. А. Меновщиков приехал на Чукотку, сиреникский язык устойчиво сохранялся, хотя к тому времени на нем уже говорило не более 60—70 человек. Оказавшись в окружении чаплинского диалекта, а также чукотского и русского языков, сиреникский язык затем стал очень быстро выходить из употребления: эскимосы-сиреникцы перешли на чаплинский диалект. Таким образом, в книге Г. А. Меновщикова [7] зафиксирован уникальный материал. «Я счел своим долгом,— пишет автор во введении,— сохранить для науки то, что мне удалось записать по этому, почти исчезнувшему, языку в период моей полевой работы... в 1954 и 1960 гг.» [7, с. 8]. Г. А. Меновщиков установил, что этот язык, видимо, является наиболее архаичным из всех известных эскимосских языков. В языке сиреникцев обнаруживается множество таких фонетических, грамматических и лексических элементов, которых нет ни в одном эскимосском диалекте от Чукотки до Гренландии. В нем присутствуют лексические и структурные черты, сходные с языком эскимосов о. Нуниваак, а также пласт лексики, который не находит соответствий ни в эскимосско-алеутских, ни в соседних чукотско-камчатских языках. Собранный материал по языку сиреникских эскимосов может способствовать установлению не только степени родства между эскимосско-алеутскими языками, путей их миграции, скрещений и повторных расхождений, но и взаимосвязей носителей этих родственных языков с носителями языков других этнических групп Евразии и Северной Америки, как сохранившихся, так и исчезнувших [7, с. 8—9].

Исследование науканского диалекта проводилось на фоне сопоставления его с чаплинским и сиреникским материалом, что позволило значительно углубить анализ, выявить ряд новых фактов, уточнить рубрикацию глагольных категорий [3]. Хотя все монографии по языкам азиатских эскимосов написаны Г. А. Меновщиковым по единому плану, тем не менее между ними нет полного сходства — как из-за различий в структуре самих языков, так и по причине разной степени полноты собранного языкового материала. Так, по сиреникскому и имаклик скому языкам исследо-

ватель не располагал такими же широкими возможностями работы с информантами, как по чаплинскому или науканскому. При характеристике науканского диалекта [3] впервые выделяются транзитив и каузатив глагола, дается отдельное описание так называемого инфинитива, уделяется значительно больше места, чем в предыдущих работах, безличным глаголам, окончательно определяется статус так называемого деепричастия как особой глагольной формы. Исследование науканского диалекта показало, что диалектом он может быть назван лишь условно: пограничное положение науканцев между чукчами и инуитами Аляски, а также отсутствие постоянных контактов с чаплинцами способствовало расхождению языков и образованию фактически отдельного науканского языка [3, с. 10].

Последняя из опубликованных крупных работ Г. А. Меновщикова — «Язык эскимосов Берингова пролива» [2], являясь описанием языка, пограничного с группой инуит, ставит перед собой задачу на ограниченном фактическом материале имакликского диалекта показать степень общности и различий между эскимосскими языками йупик и инуит, а также результаты взаимодействия и взаимовлияния различных эскимосских диалектов и языков. Ряд работ Г. А. Меновщикова посвящен алеутскому языку [18, 19]. Алеутский язык Командорских островов был зафиксирован им во время экспедиции 1963 г. Материал алеутского языка вошел в указанные выше работы как сравнительный [1, 4, 13 и др.].

Проводились также углубленные исследования отдельных сторон морфологического строя эскимосских языков, в частности, семантики классов исходных и производных основ глаголов, категории переходности-непереходности, валентности различных разрядов глаголов и др. [20].

Таким образом, в результате многолетних исследований Г. А. Меновщикова, Е. С. Рубцовой и других ученых достаточно полное описание получил фонетический и морфологический строй всех существующих на территории СССР эскимосских языков и диалектов. Введен в научный оборот громадный уникальный материал.

Значительные результаты получены также в исследовании словарного состава языков и диалектов азиатских эскимосов. Помимо фундаментального словаря Е. С. Рубцовой [12] был издан учебный словарь [21]; значительные словарные материалы содержатся также в словарных и фольклорных приложениях к грамматическим описаниям отдельных диалектов и языков азиатских эскимосов [2, 3, 7] и в специальных изданиях эскимосского фольклора [22, 23]. Следует особо отметить изданный в Томске словарь языка командорских алеутов [24]. Были проведены также и серьезные топонимические исследования, необходимые для установления исторического ареала обитания эскимосов, путей их миграции и их исторических контактов с иноязычными этносами [25, 26].

В исследовании языков и диалектов азиатских эскимосов и, в меньшей степени, алеутов достигнуты значительные результаты, особенно в том, что касается описания их фонетики, морфологического строя и словарного состава. Наименее изученным остается их синтаксический строй. Ему посвящены пока еще только отдельные специальные работы [27—30]. В основном силами сектора палеоазиатских и самодийских языков ЛО ИЯ АН СССР подготовлена к печати двухтомная коллективная монография «Структура предложения в языках различных типов», первый том которой должен выйти в свет в 1983 году. Положено начало сопоставительному и сравнительно-историческому исследованию этих языков и диалектов. Исследования в данной области должны быть продолжены. Они имеют существенное значение не только в целях установления исторических путей развития этих языков и диалектов, контактов их носителей с иноязычными этносами, но и для решения более широкой проблемы этнического прошлого северо-востока Азии и происхождения населения и языков Северной Америки. Эскимосско-алеутские языки представляют значительный интерес в типологическом отношении: они близки по своему строю к «чистому» агглютинативному типу, им свойственна сравнительно слабая дифференциация имени и глагола и т. д. Материалы эскимосско-алеутских языков широко использовались в типологических исследованиях

И. И. Мещанинова. В них большое место занимала проблема исторического становления и соотношения членов предложения и частей речи, грамматических категорий последних. Наличие общих по происхождению морфологических показателей у имени и глагола, у глагольного и именного сказуемого в эскимосско-алеутских языках давало возможность постулировать такой этап в развитии имени и глагола, а также сказуемого как члена предложения и глагола как части речи, когда дифференциация в каждом из этих случаев была еще относительно слабой [31, 32].

Для эскимосско-алеутских языков характерна посессивная конструкция предложения, представляющая собой особую разновидность эргативного строя предложения. В синтаксической типологической классификации языков, разработанной И. И. Мещаниновым, анализу этого строя предложения эскимосско-алеутских языков также уделялось большое внимание [33]. Продолжение систематических типологических исследований этих языков имело бы существенное значение для развития типологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Меновщиков Г. А.* Эскимосско-алеутские языки.— В кн.: Языки Азии и Африки. Т. III. М., 1979.
2. *Меновщиков Г. А.* Язык эскимосов Берингова пролива. Л., 1980.
3. *Меновщиков Г. А.* Язык науканских эскимосов. Л., 1975.
4. *Меновщиков Г. А.* Эскимосско-алеутские языки и их отношение к другим языковым семьям.— ВЯ, 1974, № 1.
5. *Богораз В. Г.* Юитский (азиатско-эскимосский) язык.— В кн.: Языки и письменность народов Севера. Т. III. Под общ. ред. Алькора Я. П. М.— Л., 1934.
6. *Богораз В. Г.* Материалы для изучения языка азиатских эскимосов.— Живая старина. Вып. II—III. СПб., 1909.
7. *Меновщиков Г. А.* Язык сиреникских эскимосов. Л., 1964.
8. *Меновщиков Г. А.* Язык эскимосов Берингова пролива.— В кн.: Языки и фольклор народов Сибирского Севера. М.— Л., 1966.
9. *Миллер В. Ф.* Об эскимосских наречиях Анадырского округа.— Живая старина. Вып. II. СПб., 1897.
10. *Миллер В. Ф.* Материалы по наречиям инородцев Анадырского округа, собранные Н. Л. Гондатти.— Живая старина. Вып. II. СПб., 1897.
11. *Рубцова Е. С.* Материалы по языку и фольклору эскимосов. М.— Л., 1954.
12. *Рубцова Е. С.* Эскимосско-русский словарь. М., 1971.
13. *Меновщиков Г. А.* Грамматика языка азиатских эскимосов. Ч. I. М.— Л., 1962.
14. *Меновщиков Г. А.* Грамматика языка азиатских эскимосов. Ч. II. М.— Л., 1967.
15. *Меновщиков Г. А.* Моносемия суффиксов в эскимосском языке.— В кн.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.— Л., 1965.
16. *Schultz-Lorentzen C.* A Grammar of the West Greenland Language.— Meddelelser om Grønland, 1945, Bd. 129, № 3.
17. *Hammerich L. L.* Personaledungen und Verbalsystem im Eskimoischen.— Det Kgl. Videnskabernes Selskab, Hist.— filol. Meddelelser 23.2. København, 1936.
18. *Меновщиков Г. А.* Эскимосско-алеутские языки.— В кн.: Языки народов СССР. Т. V. Л., 1968.
19. *Меновщиков Г. А.* Алеутский язык.— В кн.: Языки народов СССР. Т. V.
20. *Емельянова Н. М.* Классы глаголов в эскимосском языке. Л., 1982.
21. *Меновщиков Г. А.* Эскимосско-русский словарь. Л., 1954.
22. *Меновщиков Г. А.* Унипагатыт. Л., 1939: Изд. Главсевморпути.
23. *Меновщиков Г. А.* Унипагатыпут. Л., 1947: Учпедгиз.
24. *Меновщиков Г. А.* Алеутско-русский словарь.— В кн.: Языки и топонимия. Томск, 1977.
25. *Меновщиков Г. А.* Палеоэскимосские топонимы Северо-Восточной Сибири.— ВЯ, 1963, № 6.
26. *Меновщиков Г. А.* Местные названия на карте Чукотки. Краткий топонимический словарь. Магадан, 1972.
27. *Меновщиков Г. А.* О категории переходности и залога в эскимосском языке.— В кн.: Вопросы грамматики. М.— Л., 1960.
28. *Меновщиков Г. А.* Об основных конструкциях простого предложения в эскимосско-алеутских языках.— В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
29. *Емельянова Н. М.* О соотношении номинативной и эргативной конструкций в эскимосском языке.— В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
30. *Вахтин Н. Б.* Структура предложения со сказуемым — субъектно-объектным глаголом в эскимосском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1976.
31. *Мещанинов И. И.* Члены предложения и части речи. М.— Л., 1945.
32. *Мещанинов И. И.* Глагол. М.— Л., 1948.
33. *Мещанинов И. И.* Эргативная конструкция в языках различных типов. Л., 1967.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1982

КРИВОНОСОВ А. Т.

МОДАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ КАК СРЕДСТВО ЛОГИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО ЧЛЕНЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

I. В современном языкознании на материале различных языков выявлено уже довольно много формальных средств «логико-грамматического» [1] членения предложения. Универсальным средством такого членения для всех языков в их устной форме считается интонация, в письменной форме — так называемый «порядок слов» [2], тесно взаимодействующий с интонацией, которая представлена в письменном языке как бы в потенциальном виде [3, 4] и в значительной степени поддерживается и определяется текстом [5; 6, с. 11]. Но каждый язык обладает, кроме того, своими специфическими средствами, часть из которых может быть присуща в той или иной степени нескольким языкам.

В наибольшей степени средства логико-грамматического членения предложения применительно к европейским языкам оказались разработанными в таких языках, как чешский, русский, английский, французский, немецкий. Например, в русском языке существуют лексические средства для выражения членов логико-грамматического членения — «данного» и «нового» («предицируемого члена»), которые четко дифференцированы. Для выражения «предицируемого» члена служат слова *и, да и, так и, и так, вот и, даже, еще, уже, хоть, только, именно, тоже, также, едва ли, вряд ли*. Приведем здесь лишь некоторые примеры из русского языка, заимствованные из работы В. С. Юрченко: «К вечеру на делёж пришел *и* дед Щукарь» (М. Шолохов); «*Вот и* ходит весь день, как пуганая наседка» (Б. Лавренев); «Я *даже* рубль ей дал» (М. Горький) [7]. Место «актуального» членения иногда обозначается графически — при помощи тире, паузы («актуальная пауза») [8—10]. В качестве дополнительных средств (к интонации и порядку слов) называются такие специальные синтаксические конструкции, как *что касается... то, что до ...то, что... так это, чего... так это, вот где... так это в* (*на, под, у*), *когда... так это*, и др. [11], личные местоимения в функции подлежащего, слово *есть*, общее и частное отрицания, употребление других местоимений [12].

К средствам логико-грамматического членения предложения в английском языке относят некоторые семантико-контекстуальные средства [13—15], *морфологические формы глагола* (*залог*), *указательные и притяжательные* местоимения [16], лексико-грамматические средства вы-

---

[1] Термин этот принадлежит В. З. Панфилову [1]. Здесь не рассматривается сущность самого понятия «логико-грамматического» членения предложения и закрепленных за этим понятием различных терминов, таких, как «актуальное», «коммуникативное», «смысловое» членение, «функциональная перспектива предложения» (ФПП), «коммуникативная перспектива», «коммуникативное задание», «актуальное суждение», «информационная структура», «логическая структура мысли», «выражение субъекта и предиката суждения» и др. Для обозначения двух противопоставленных членов «логико-грамматического» уровня предложения — «логико-грамматических» субъекта и предиката — здесь для краткости употребляются термины «данное» и «новое».

[2] Теоретические вопросы, возникающие при изучении порядка слов в разных языках, до сих пор, по нашему мнению, еще недостаточно привлекли внимание лингвистов (см. также [2]). Хотя интонация и порядок слов являются универсальными средствами логико-грамматического членения предложения в различных языках, однако их удельный вес в формировании синтаксической структуры предложения и в его логико-грамматическом членении до конца не выяснен не только для различных языков но и внутри одного и того же языка.

ражения отрицания [17]. На материале английского языка А. Л. Пумпянским подробно описано одно из главных средств логико-грамматического членения предложения — порядок слов [18]. Остальные средства логико-грамматического членения предложения в английском языке наиболее полно описаны В. Е. Шевяковой, к которым она относит: 1) инверсию с вводным *there* + *be* (или непереходный глагол типа *lie, sit, stand, hang, come, emerge, exist*) + подлежащее как носитель предиката-нового + + обстоятельство места или предложное дополнение как носитель субъекта-данного; 2) инверсию без вводного *there*: обстоятельство места как субъект-данное + сказуемое (непереходный глагол *be, lie, sit* и др.) или переходный глагол в форме страдательного залога + подлежащее как предикат-новое; 3) двойную инверсию, с помощью которой выделяется подлежащее; 4) оборот *it is... that*, с помощью которого выделяется любой член, кроме сказуемого; 5) предложное дополнение с *by* при пассивной конструкции, с помощью которого выделяется дополнение, указывающее на производителя действия; 6) лексические показатели предиката-нового, к которым относятся слова с выделительно-ограничительным значением: *only, merely, just, namely, such as, rather than, at least, solely, even, exactly, presisely* [19].

Во французском языке выделены такие синтаксические средства логико-грамматического членения предложения, как 1) усилительные обороты *c'est... qui, c'est...que, ce qui... c'est, ce que ... c'est, il n'y a que... qui* и др.; 2) презентативы: *c'est que..., voici, voilà, il y a* и др.; 3) лексические средства: *seul, même, rien*, глаголы в формах *allons, allez, va, tiens* и др. [20].

В немецком языке, кроме интонации и порядка слов, к средствам логико-грамматического членения предложения причисляют определенный и неопределенный артикли, пассив, некоторые особые синтаксические конструкции [21, 22], «разрыхление» («Lockerung») и полную отмену рамочной конструкции, использование глагольно-именных сочетаний [23], обособленные приложения, адъективные группы, предикативные атрибуты, причастия, причастные обороты, которые в предложении занимают относительно самостоятельное место [24], повтор как вторичную актуализацию из предшествующего контекста [25], лексические средства для выражения «ремы» (*um so mehr*) [26], а также такие лексические средства для выражения «данного», как личные местоимения, наречия, местоименные наречия [27].

Однако среди лексических средств немецкого языка, служащих целям логико-грамматического членения предложения, как наиболее типичные, многочисленные и частотные надо в первую очередь отметить так называемые «логические частицы» (их в немецком языке, по нашим данным, 39: *nur, noch, schon, auch, nicht, bloß, eben, erst, allein, selber, sogar, lediglich, bereits, ebenso, ebenfalls, besonders* и др.) [28, 29], которые, структурно подчиняясь какому-либо члену предложения, всегда выделяют его в качестве «нового». В функции ядра (ведущего члена) может выступать любое знаменательное слово: *Er "schweigt nur. Nur "deises Buch habe ich noch nicht gelesen*; *Sogar die "Kinder dürfen es tun*. При наличии в предложении логической частицы роль порядка слов в распределении «данного — нового» значительно снижается, так как «новым» в сообщении выступает всегда ядро, которому подчинена логическая частица, даже если это ядро стоит не в конце предложения: *Nur "sie kann diese Frage beantworten*; *Ausgerechnet "ich muß dieses Pech haben*; *Auch der "Geduldigste kann das nicht aushalten*; *Sogar mein "Vater hat seine Zweifel gehabt* [3].

Проблема логических частиц — этого универсального лексического средства логико-грамматического членения предложения в различных языках (в том числе и в немецком, несмотря на наличие специальных работ о логических частицах немецкого языка) остается почти не изученной. Правда,

[3] Здесь и далее «фонетическое слово» (ср. ниже примеч. 13) выделяется разрядкой, (") — логическое ударение, (') — второстепенное ударение.

на «логико-выделительную» или «усилительную» функцию отдельных слов в различных языках указывали уже некоторые авторы, не выделяя, однако, среди них логических частиц как особого класса слов [30, с. 84; 31, 32]. Слова, которые В. Е. Шевякова выделяет в английском языке как лексические средства выражения предиката и называет словами с выделительно-ограничительным значением, суть не что иное, как «логические частицы»: *just*, *even*, *only*, *merely*, *selely* и др. [19]. Среди лексических средств русского языка, участвующих в логико-грамматическом членении предложения, отмеченных В. С. Юрченко, такие слова, как *и*, *да и*, *так и*, *даже*, *еще*, *уже*, *только*, *также*, *тоже*, *лишь*, *именно* [7], суть не что иное, как те же «логические частицы», которые в русском языке, как и в других языках, до сих пор еще не выделены в самостоятельный функциональный класс, а входят по-прежнему в союзы и наречия [4].

II. На материале немецкого языка было обнаружено еще одно средство логико-грамматического членения предложения — модальные частицы, роль которых в логико-грамматическом членении предложения оказалась необычной и неожиданной, так как не находит аналогии ни в одном другом европейском языке, в котором есть класс модальных частиц. Модальные частицы немецкого языка (закрытый класс, насчитывающий, по нашим данным, 24 слова: *denn*, *doch*, *mal*, *ja*, *nur*, *schon*, *auch*, *bloß*, *eben*, *nun*, *noch* и др.) [5], обладая (главными для них) синтаксическими функциями формирования субъективно-модального значения предложения (степени достоверности высказываемой мысли с точки зрения говорящего) или эмоционально-оценочного отношения говорящего к содержанию сообщения, наделены факультативно, в качестве второй их функции, также способностью участвовать в логико-грамматическом членении предложения. Эта новая функция модальных частиц еще не привлекла внимания лингвистов и остается совершенно не исследованной. Такая ситуация, по-видимому, не случайна, так как, во-первых, — и это, пожалуй, главное,— модальные частицы до сих пор более или менее систематически не обследованы ни в одном языке [6], кроме немецкого [35—38].

---

[4] Неизученность класса логических частиц в русском языке приводит к неверным утверждениям, будто позиция слов этого класса (эти слова не имеют термина и именуются как лексические средства «актуального» членения) в предложении свободна, и вследствие этого такие предложения, приводимые О. Б. Сиротининой [33, с. 174], как *Мне д а ж е понравилось* и *Д а ж е мне понравилось*, совершенно идентичны с точки зрения «актуального» членения предложения. Однако идентичными (хотя и не полностью) эти предложения могут быть лишь в устной форме русского языка, т. к. интонация, подчиняясь двум синтаксическим правилам расположения русской логической частицы *даже* относительно своего ядра (она может стоять как перед своим ядром, так и после него: *"мне даже*, *даже "мне*) и будучи единственным сигналом "актуального" членения предложения, выявляет оба варианта:(1) *"М н е д а ж е понравилось*, (2) *Д а ж е "м н е понравилось*. В письменной же форме русского языка эти изолированные предложения в связи с отсутствием дополнительных сигналов (ситуации, контекста и как следствие этого — соответствующей интонации), а также в связи с тем, что член, стоящий после русской логической частицы *даже*, по правилам его функционирования может нести логическое ударение, не совпадают по «актуальному» членению. Это свидетельствует уже не о свободной, а о связанной позиции русской логической частицы *даже*: *Мне д а ж е "п о н р а в и л о с ь* ; *Д а ж е "м н е понравилось*.

[5] Необходимо отметить, что многие неизменяемые лексемы немецкого языка (например, *nur*, *noch*, *schon*, *auch*, *eben*, *bloß* и др.) в реальном предложении могут выступать и как логические частицы (см. выше), и как модальные частицы, т. е. могут совпадать материально, но различаться функционально, в связи с чем они и представлены в двух различных классах слов. Если искомые лексемы *nur*, *noch*, *schon*, *auch*, *eben*, *bloß*, *ja* и др. соотносят член, в состав которого входят, с другим, смежным членом (часто этот смежный член не находит в языке эксплицитного выражения), то эти лексемы — логические частицы: *N u r "i h n hatte man vergessen*. Если же искомые лексемы, входя в состав сказуемого и являясь его структурными формантами, участвуют в создании субъективно-модального и эмоционально-оценочного значения предложения (в этом случае они никогда не соотносят двух смежных логических понятий), то они выступают уже как модальные частицы: *Wozu habe ich n u r gelebt?* В связи с тем, что модальные частицы участвуют в формировании как субъективно-модального, так и эмоционально-оценочного значений, которые по своей природе различны, термин «модальные частицы» надо признать условным, каковыми, между прочим, являются и многие другие термины современной лингвистики.

[6] Даже в таком языке, как русский, в котором, по нашим данным, представлена одна из самых богатых систем модальных частиц, они не каталогизированы (например,

Во-вторых, функция логико-грамматического членения предложения является для модальных частиц производной от других их функций, являющихся главными, ради которых, собственно, и существует данный класс слов. Поэтому, чтобы разобраться в вопросе, какой своей стороной модальные частицы участвуют в логико-грамматическом членении предложения, надо прежде указать на их главные функции и показать, как они взаимодействуют с синтаксической структурой и интонацией предложения.

Некоторые исследователи считали, что модальные частицы — автосемантические слова, наделенные самостоятельным лексическим значением (например, *doch* выражает нетерпение, усиление, *denn* — возмущение, недовольство), которое, однако, выводилось только из предложений, приводившихся в качестве примеров. Эти же модальные частицы в других контекстах приобретают уже иные значения, а взятые вне контекста перестают вообще «иметь» приписываемые им значения и не выражают никаких реальных понятий или отношений между ними. Модальное значение было найдено не в самой частице, а в других компонентах предложения: лексический состав, грамматические формы, интонация и взаимодействующие с ними модальные частицы создают структурные типы предложений именно с тем значением, которое обычно приписывают частице. Семантическому «значению» частиц, таким образом, приписывалось субъективно-модальное или эмоционально-оценочное значения всей лексико-синтаксической конструкции. Модальная частица в немецком предложении (*Wir haben ja den gleichen Weg*; *Was soll denn das?*; *Das geht doch nicht.*), позиционно примыкая к verbum finitum, структурно входит только в состав сказуемого (в отличие от русского языка, в котором модальная частица может входить в состав любого члена предложения) [7] в качестве его структурного форманта. Она образует, по-видимому, особого рода аналитическую форму сказуемого с новым, присущим всей конструкции эмоционально-оценочным значением, которое «наслаивается» на объективную модальность как ее «второй слой» [39]. Возникает синтаксическая конструкция, в которой модальная частица, играя роль структурного элемента сказуемого и тем самым всего предложения, выполняет определенные синтаксические функции формирования предложения с субъективно-модальным и эмоционально-оценочным значением [8]. Не обладая номинативной функцией, модальная частица становится частью грамматической формы с присущим этой форме особым субъективно-модальным и эмоционально-оценочным значением. В предложении происходит не количественное преобразование (в виде частицы в предложение вводится новое слово с присущим ему якобы лексическим значением), а качественное изменение. Это новое качество состоит в том, что все предложение целиком выражает определенную мысль и отношение говорящего к этой мысли, т. е. объективное и субъективное, рациональное и эмоциональное.

Но модальная частица выполняет функцию формирования субъективно-модального и эмоционального значения не только в тесном взаимодействии с синтаксической структурой предложения и его лексическим наполнением, но и в тесном взаимодействии с интонацией предложения. Чтобы понять сущность этого взаимодействия, необходимо: (1) сравнить интонационный контур предложения с модальной частицей и того же предложения без модальной частицы, (2) раскрыть, как взаимодействуют модальная частица и интонация внутри предложения.

Н. Ю. Шведова выявила более сотни частиц в русском языке, большинство из которых должно входить в класс модальных частиц) [34, с. 97—249], не говоря уже о том, что почти не описаны их структурно-семантические признаки.

[7] См. многочисленные примеры подобного рода в книге Н. Ю. Шведовой [34, с. 97—249].

[8] Как правильно отмечает Н. Ю. Шведова, частицы *и* или *же*, выступающие часто во взаимодействии, сами по себе ничего не значат. В то же время предложение *И нахал же*! имеет модально-экспрессивное значение акцентированного усиления, которого нет в предложении *Нахал*!, если оно не произносится с особой интонацией, способной внести такое значение [34, с. 19].

(1) Сравнение интонационных контуров перечисленных ниже предложений с модальными частицами и тех же предложений без модальных частиц (с использованием широкого контекста) [9] показало, что интонационная схема этих предложений тесно связана с наличием в них модальных частиц. Различие между интонационной схемой предложений без модальных частиц, произнесенных нейтрально (*"Was ist das für eine 'Frau?*; *"Wer läutet 'draußen?*; *"Woher kam die 'Dogge?*), и тех же предложений с модальной частицей, произнесенных эмоционально (*Was "i s t d e n n das für eine 'Frau?*; *Wer "l ä u t e t d e n n draußen?*; *Woher "k a m d e n n die 'Dogge?*), состоит в следующем: а) предложения без модальной частицы (нейтральная интонация) имеют две возможности для реализации логического ударения: оно падает или на вопросительное слово, или на verbum finitum, причем первая возможность — наиболее вероятная (*"Was ist das für eine 'Frau?*; *"Wer läutet 'draußen?*; *"Woher kam die 'Dogge?*). Те же предложения с модальной частицей *denn* (эмоциональная интонация) могут иметь только одну, наиболее типичную интонационную схему (а именно: логическое ударение и мелодическая вершина — на verbum finitum): *Was "i s t d e n n das für eine 'Frau?*; *Wer "l ä u t e t d e n n 'draußen?*; *Woher "k a m d e n n die 'Dogge?* [10]; б) мелодическая вершина, лежащая в предложениях с модальными частицами на глаголе, выше, чем в предложениях без модальных частиц, приходящаяся на вопросительные слова *was*, *wer*, *woher*; в) так как зависимость между высотой тона и динамическим ударением (интенсивностью) — прямая, то ударение в предложениях с модальными частицами — сильнее [41—44]; г) мелодический интервал (т. е. разница между наинизшей и наивысшей высотой тона) в предложениях с модальными частицами больше [40]. Эти три просодических дифференциальных признака предложения с модальной частицей (разумеется, при полном экспериментальном анализе эти признаки можно было бы выявить более точно) в тесном взаимодействии с лексико-грамматическими признаками предложения отражают субъективное или эмоционально-оценочное отношение говорящего к высказываемому в предложении.

Правда, ситуация, контекст нередко подсказывают, что и предложение без модальной частицы имеет эмоциональный «заряд». Хотя предложение без модальной частицы может быть произнесено с сильной эмоцией, как и предложение с модальной частицей, однако их интонационные схемы и, следовательно, эмоционально-оценочные значения не равны. Во-первых, обычно считается, что субъективно-модальное значение предложения может быть передано одной интонацией. Следует отметить, что субъективно-модальное значение как оценка со стороны говорящего степени достоверности мысли нельзя, по-видимому, передать одной интонацией. Что же касается эмоционально-оценочных значений, то они в какой-то степени передаются одной интонацией. Однако интонация проявляет в полной мере свое действие лишь в живой, звучащей речи, в которой

---

[9] Разумеется, полный экспериментальный анализ интонации предложений с модальными частицами мог бы дать исследователю модальных частиц более убедительный материал в отношении взаимодействия интонации предложения и модальных частиц (частично такой анализ был проведен в работе [40]). Однако даже анализ на слух с помощью немцев-информантов, студентов и аспирантов филологического факультета Берлинского университета им. Гумбольдта (анализ был проведен нами в 1961—1963 гг. и в 1976 г.), представил весьма убедительные доказательства зависимости интонации предложения от того, наличествует или отсутствует в нем модальная частица.

[10] На основе экспериментального анализа магнитофонных записей радиопьес, озвученных артистами радио ГДР, с использованием дикторов и информантов, для которых немецкий язык является родным, И. Д. Кощев в работе, выполненной в фонетической лаборатории ЛГУ под руководством проф. Л. Р. Зиндера, убедительно показал, что «фразы с модальными частицами противопоставлены фразам без частиц как восходяще-нисходящие интонационные контуры контурам нисходящим или как фразы с бо́льшим мелодическим и динамическим интервалом фразам с меньшими данными интервалами... С присутствием модальной частицы в той или иной конструкции в сознании носителей языка связывается, как правило, более эмоциональная интонационная структура» [40].

она служит эффективным средством создания эмоционально-оценочного значения. В зафиксированных в письменной форме диалогах разговорной речи, где нет модальных частиц, нет и формальных признаков (если, конечно, не считать ситуацию, которая, как правило, далеко не всегда бывает однозначной и не всегда сигнализирует о присутствии эмоций), которые свидетельствовали бы однозначно о наличии в предложении эмоционально-оценочного значения. Во-вторых, предложение без модальной частицы, произнесенное с эмоциональной интонацией, в общем и целом не является сильным вариантом эмоционально-оценочного значения в соответствующей ситуации. Более ярко указанное значение выражается в предложении тогда, когда в нем употребляется модальная частица. Одна интонация не всегда в состоянии покрыть объем эмоционально-оценочного значения того же предложения с модальной частицей. Чтобы компенсировать эту потерю (а в конечном итоге — потерю того значения, которое создается сочетанием модальной частицы со всем составом предложения), в предложениях без модальных частиц главноударенный член должен произноситься с более сильным логическим ударением и с более высокой мелодической вершиной. Знаменательно, что попытки передать полное, адекватное эмоционально-оценочное значение без употребления модальных частиц приводит к тому, что говорящий прибегает к использованию заменяющих интонацию комплексов жестов или употребляет необычные интонационные типы.

Таким образом, вопросительное предложение без модальной частицы *Was ist das*?, в зависимости от ситуации, может произноситься двояко: и как нейтральный вопрос (*"Was ist 'das*?), и как эмоциональный вопрос (*Was "ist 'das*?), причем в качестве эмоционального вопроса оно может выступать лишь в устной форме, ибо в зафиксированном в письменной форме предложении разговорной речи *Was ist das*? нет формальных признаков, свидетельствующих о том, что интонация должна быть эмоциональной [45] [11]. Если же в вопросительное предложение ввести модальную частицу *denn*, выступающую как сигнал и соответствующей интонации, и соответствующего значения, то эта альтернатива снимается: предложение имеет только одну интонационную схему и предполагает лишь однозначную ситуацию: *Weißt du, Christine, was Sozialismus ist*? — *Um Gotteswillen, was "i s t d e n n 'das*? (J. R. Becher, Abschied). Это свидетельствует о том, что модальная частица р а з г р у ж а е т интонацию как средство выражения эмоционально-оценочного значения и берет на себя ее функции. Интонация предложений с модальными частицами уже не нуждается в особой эмоциональной выразительности. Употребление модальной частицы освобождает говорящего от необходимости прибегать к жестам или использовать необычные интонационные типы. Поэтому роль эмоционально окрашенной интонации как средства выражения субъективно-модального и эмоционально-оценочного значения в устной речи значительно снижается благодаря введению в предложение модальных частиц, которые успешно конкурируют с эмоциональной интонацией, вытесняя ее. В зафиксированных в художественных произведениях диалогах разговорной речи на долю модальных частиц как средства выражения субъективно-модального или эмоционально-оценочного значения

---

[11] Небезынтересно отметить, что письменная форма в различных языках обладает неодинаковой степенью информативности относительно «логико-грамматического» членения предложения. Например, английский перевод с чешского языка — многофункциональный по отношению к «функциональной перспективе предложения» (ФПП), допускает более чем одну интерпретацию, т. е. некоторые английские переводы с чешского языка показывают невосприимчивость к ФПП. Чешские переводы, напротив, более однозначны. Английский язык теряет свой многофункциональный характер только в устном («говоримом») языке благодаря такому важному средству, как интонация [46]. Например, К. Г. Крушельницкая отмечает, что языковые средства, выражающие смысл предложения, не всегда стабильны и четки, вследствие чего предложение не всегда оформлено с точки зрения коммуникативного смысла. Как показала О. Б. Сиротинина, в письменной речи всегда остается некоторая поливалентность предложения с точки зрения «актуального» членения, что доказывается вариантностью членения текста мастерами художественного слова, актерами и т. д. [33, с. 172].

приходится особая роль. Они являются единственным однозначным средством, сигнализирующим о наличии в предложении субъективно-модального или эмоционально-оценочного значения [12].

(2) Анализ взаимодействия между интонацией и модальной частицей внутри предложения показал следующее. На просодическом уровне verbum finitum вместе с модальной частицей, позиционно примыкающей непосредственно к verbum finitum, образуют так называемое «фонетическое слово», в котором verbum finitum является его левой границей, а модальная частица — правой границей [13]. При фонетическом анализе предложений *"Was ist 'das?* и *Was "ist denn 'das?* были установлены три различительных признака последнего предложения, которые, отражая определенное его эмоционально-оценочное значение, в то же время являются интонационными параметрами «фонетического слова»: более высокая мелодическая вершина, более сильное динамическое ударение на verbum finitum, больший мелодический интервал между наинизшим и наивысшим тоном. Однако для исследуемой здесь проблемы очень важно указать и на другие параметры «фонетического слова». «Фонетическое слово» характеризуется следующими просодическими параметрами: 1) логическое ударение (или второстепенное ударение, если логическое ударение стоит в конце предложения) падает на verbum finitum; 2) между verbum finitum и модальной частицей не допускается пауза; 3) verbum finitum и модальная частица произносятся на одном и том же мелодическом уровне; 4) модальная частица всегда безударна (*Das "geht doch 'nicht*) [14]. Если же модальная частица стоит в конце предложения или ближе к концу предложения, то, подчиняясь закону конечных слогов, она произносится на более низком мелодическом уровне, чем verbum finitum, и несет второстепенное ударение (*Was "ist 'denn?*; *"Warte*

---

[12] Некоторые исследователи русского языка считают, что интонация, выступая в качестве обязательного дифференцирующего признака «данного-нового», делает все остальные языковые средства избыточными [33, с. 174; 6, с. 22]. Может быть, для русского разговорного языка, имеющего богатый набор интонационных типов предложений, это, действительно, так, хотя мы и сомневаемся в этом. Что же касается немецкого разговорного языка, то он, как показал в экспериментальной работе Г. Ф. Майер, в интонационном отношении относительно беден [47]. Поэтому интонация предложения немецкой разговорной речи не делает избыточным применение *других*, в частности, *лексических* средств логико-грамматического членения предложения. Интересная работа в этом отношении была выполнена М. Шубигер, которая убедительно доказала, что между английской интонацией и немецкими модальными частицами существует функциональный параллелизм (не только в качестве средства выражения субъективно-модального значения, но и в качестве средства логико-грамматического членения предложения): то, что в английском языке выражается интонацией, в немецком языке выражается модальными частицами [48].

[13] Понятие «фонетического слова» впервые было введено как фонетический термин для русского языка [49, 50], но употребляется также и для немецкого языка [51], хотя в последнем употребляют и термин «ритмическая группа» [52]. Л. Р. Зиндер более склоняется к термину «акцентная группа», которым подчеркивается роль ударения в образовании подобных групп [53]. Для обозначения того же фонетического явления предлагается также термин «речевое звено» [54].

[14] Модальные частицы стоят в безударной позиции, поэтому они, как пишет Х. Вайдт, «sind in den Satz nahtlos integriert» [35, с. 66]. Великолепный образец анализа взаимодействия частиц и интонации на материале древнегреческого языка находим у французского лингвиста прошлого века А. Вейля, который показал, что сила ударения слова тем «сильнее», чем больше слов или слогов следуют друг за другом, составляют некоторую цепочку (это фонетическое явление в наше время названо «фонетическим словом»), среди которых оно доминирует. Древние писатели хорошо использовали этот принцип в целях ораторского искусства. Если хотят особо выделить слово, то ставят перед ним другое слово, на которое не падает никакого ударения. Эти слова выражают не идеи, но лишь отношения идей, это — «пустые слова» (mots vides). Приближая эти слова к слову полному (mot plein), мы ставим перед последним не только «отдых акцента» (un repos d'accent), но еще и «отдых идеи» (un repos d'idée), и тем самым добавляем энергию в наше ударение. А слово ударное получает выгодную позицию, так как акцент стоит на фоне «отдыха голоса» (un repos de voix) [55, с. 91]. Подобные пустые слова — энклитики, частицы,— именуемые «почти паразитами» (presque parasites), заполнителями фраз, А. Вейль считает «самыми спокойными элементами» (les éléments les plus légers) фразы и выражает свое восхищение тем, как древние авторы использовали их во фразах, чтобы производить такой эффект акцентуации [55, с. 95].

'n u r), не переставая входить в состав сказуемого и образовывать с ним единое «фонетическое слово».

III. Исследование синтаксической структуры предложений с модальной частицей показало, что между verbum finitum и модальной частицей, образующими единое «фонетическое слово», могут вклиниваться строго определенные слова, расширяя тем самым границы «фонетического слова», удлиняя его. Изменяется, таким образом, позиция модальной частицы в предложении. Поэтому к указанным признакам «фонетического слова» можно отнести еще один признак — его «проницаемость», т. е. возможность постановки между verbum finitum и модальной частицей таких членов, которые «вписываются» в ту же интонационную структуру «фонетического слова». Однако перестановка модальной частицы внутри предложения осуществляется говорящим не произвольно, а подчиняется определенным структурным закономерностям предложения: а) позиция модальной частицы в предложении определяется, прежде всего, позицией verbum finitum. Поскольку же позиция verbum finitum зависит от структурного типа предложения и, следовательно, заранее предсказуема, то предсказуема также позиция модальной частицы; б) позиция модальной частицы в предложении зависит также от наличия других членов и от того, словами каких классов они выражены. Позиция модальной частицы, таким образом, закреплена за определенным местом в предложении, с одной стороны, по отношению к verbum finitum и, с другой стороны, по отношению к членам, стоящим после verbum finitum. В предложениях, в которых модальная частица примыкает непосредственно к verbum finitum (назовем эти предложения условно коммуникативно-просодическим типом № 1), после модальной частицы стоят слова, несущие или логическое ударение, или второстепенное ударение (когда логическое ударение падает на изменяемую часть сказуемого, занимающую второе место в утвердительном предложении и являющуюся «новым» в сообщении): *Wer "l ä u t e t d e n n 'draußen*?; *Mein Mann 's c h r e i b t d o c h keine "Karten*; *Du 'h a s t j a keine"Ahnung*; *Es 'i s t s c h o n "gut*; *Du 's i e h s t a u c h "schlecht aus*; *Das 'f ü h l t d o c h "jeder*.

В приведенных выше предложениях члены, занимающие позицию после модальной частицы и несущие логическое (или второстепенное ударение, если логическое ударение падает на сказуемое), выражены существительным с предлогом и без предлога, наречиями (*da*, *dort*, *draußen*, *gut*), инфинитивом, причастием вторым, личным местоимением с предлогами (*mit Ihnen*, *mit dir*, *von dir*, *zu mir*, *bei euch*, *mit uns*), указательным местоимением *das*, отделяемыми глагольными префиксами. Отсюда следует: любой член (кроме verbum finitum), несущий главное ударение и являющийся «новым» в сообщении, занимает позицию после модальной частицы.

Но модальная частица может, «пропуская» перед собой некоторые другие члены, перемещаться ближе к концу (в конец) предложения (возникает коммуникативно-просодический тип № 2): *Was "t u s t d u 'd e n n, Otto*?; *Das "s e h e i c h 'd o c h*; *Den Schweinehund "k r i e g e n w i r 's c h o n!*; *Was "w i l l der 'n u r*?; *Was "f e h l t e i h m 'd e n n*?; *Frau Rosenthal, ich "h ö r e S i e 'd o c h*; *Ich "f i n d e s i e 's c h o n*; *Woher "k e n n e n S i e m i c h 'd e n n*?. Модальная частица и член, стоящий после нее, поменялись местами. Это привело к изменению их просодических характеристик. Члены, находившиеся в предложениях типа № 1 вне «фонетического слова», заняв позицию между verbum finitum и модальной частицей, оказались внутри «фонетического слова», попав в безударную позицию (стали энклитиками). Модальные частицы, напротив, передвинулись ближе к концу предложения (если в конец предложения,— то они остаются, тем не менее, в пределах «фонетического слова», являясь его правой границей), в силу закона конечных слогов попали в позицию второстепенного ударения и более низкого по сравнению с verbum finitum мелодического уровня («Lösungstiefe»). Коммуникативная значимость членов, занявших позицию перед модальной частицей, снизилась. Это привело к изменению логико-грамматического членения предложения: члены, поставленные перед модальной частицей, выражают «данное» в

сообщении. Возник новый коммуникативно-просодический тип предложений [15].

При наличии после verbum finitum двух и более членов модальная частица «выбирает» себе строго определенное место по отношению к ним (коммуникативно-просодический тип № 3): модальная частица ставится после членов, выраженных личными местоимениями (иногда указательным местоимением *es*, неопределенно-личным местоимением *man* и указательным местоимением *der*), и перед членами, выраженными существительными, наречиями, причастиями, инфинитивами, отделяемыми глагольными префиксами, модальными словами, личными местоимениями с предлогами: *Wer "hat Ihnen denn den "Unsinn eingeredet*?; *Wer 'wird es ihr nun "sagen, Veber*?; *Die Flöhe 'würden sich schon "retten*; *Du 'bist mir doch "bös*!; *Ich 'habe es ja "gleich gesagt*!; *Aber wer 'soll ihn denn "verhaften*?; *Wer 'soll dir denn "überhaupt schreiben*?; *Ich 'habe es ja "gleich gesagt*. Правда, в немецком языке существуют строгие ограничения для таких слов, как отделяемые глагольные префиксы, инфинитивы, причастия, которые никогда не могут стоять перед модальной частицей и занимать безударную позицию. Например, модальная частица *denn* не может стоять в конце предложения после членов, выраженных отделяемыми глагольными префиксами или адвербиальными словами типа *fort*, *weg*, *los* (*Was "ist denn 'los*, но нельзя: **Was "ist los 'denn*?), так как вряд ли можно себе представить ситуацию, в которой бы согласно логико-грамматическому членению предложения слова *los*, *fort*, *weg* входили бы в «фонетическое слово», т. е. были полностью безударными. То же самое можно сказать о членах, выраженных причастиями, инфинитивом, после которых не может стоять частица *denn*. Поэтому некоторые второстепенные члены или неизменяемые частиц сказуемого по закону логико-грамматического членения предложения никогда не могут стоять перед модальной частицей.

Так как в безударную позицию перед модальной частицей вклиниваются члены (личные местоимения), представляющие собой «данное» в сообщении, а в позицию после модальной частицы ставятся члены, выраженные словами всех остальных классов, перетягивающих на себя или второстепенное (если логическое ударение стоит на verbum finitum), или логическое ударение, являясь «новым» в сообщении, то отсюда следует, что позиция модальной частицы обусловлена логико-грамматическим членением предложения: модальная частица ставится после члена, не несущего ударения, и перед членом, несущим ударение.

Таким образом, в основе фиксированной позиции модальной частицы относительно всех прочих членов, стоящих после verbum finitum, лежат две закономерности — а) «коммуникативно-просодическая»: логическим ударением всегда выделяются члены, которые стоят в конце предложения и представляют собой «новое» в сообщении (если нет противопоставления или эмоционального выделения члена, стоящего на первом месте в предложении) [16]; б) «коммуникативно-мыслительная»: предложения с модальными частицами — область устной формы разговорной речи, непосредственного общения говорящих. Поэтому активное включение собеседников в ведение диалога как неотъемлемое условие диалогической речи проявляется в языковых фактах, а именно в преимущественном употреблении личных местоимений в функции подлежащего и дополнения.

---

[15] Поэтому, как правильно отмечает Е. Бенеш, структурные типы предложений (Satzpläne) — это не просто модели грамматических структур, но и средства реализации «коммуникативной перспективы» [23].

[16] Как пишет В. Флемиг, при построении предложения идут от известного к неизвестному, от начальной точки к цели, т. е. создают «напряжение в предложении» (Satzspannung»), которое в конце предложения достигает наибольшей значимости («Aussagewert»). Наименее акцентированное место — непосредственно после verbum finitum, куда попадают обычно бедные в смысловом и интонационном отношении местоимения («sinn-und tonschwachen Pronomen») [56]. Член предложения с наименьшей коммуникативной значимостью стоит сразу же после verbum funitum, а слово с наибольшим смысловым весом — в конце предложения [57].

Отсюда — основную массу среди всех предложений разговорной речи составляют такие предложения, в которых подлежащее и дополнение выражены личным местоимением как проявление взаимообмена репликами между собеседниками. Значит, подлежащее и дополнение в предложениях разговорной речи являются, как правило, «данным», известным для говорящего и слушающего, в силу чего они и ставятся в безударную позицию перед модальной частицей. Члены, стоящие после модальной частицы, несут логическое (или второстепенное) ударение и являются «новым» в сообщении (если им не является личная форма глагола, несущая логическое ударение). В результате сплошного анализа, например, модальной частицы *denn*, было установлено, что *denn* стоит после подлежащего, выраженного личными местоимениями, и перед подлежащим, выраженным всеми прочими частями речи (соответственно 86% и 12%, 2% случаев составляют «исключения» из общего правила, о которых будет сказано ниже), после второстепенных членов, выраженных личными местоимениями, и перед второстепенными членами, выраженными всеми прочими частями речи (соответственно 80% и 17, 3% случаев составляют также «исключения» из общего правила). С одной стороны, структурные законы немецкого предложения предопределяют связанную позицию модальной частицы (по отношению к verbum finitum), с другой стороны, закон логико-грамматического членения предложения предписывает место модальной частице перед определенными членами или после них, в зависимости от того, словами каких классов они выражены, позволяет модальной частице передвигаться внутри предложения только в определенных границах. Позиция модальной частицы в предложении, таким образом, строго фиксирована по отношению к личной форме глагола (она всегда стоит после нее) и по отношению к другим членам, стоящим после личной формы глагола, занимая между ними строго избирательную позицию.

Обычная позиция модальных частиц — после личных местоимений, всегда занимающих безударную позицию и являющихся «данным» в сообщении: *Wie "lange 'liegt sie denn schon 'hier?*; *Was 'will er denn schon "wieder?*. Обычная позиция модальных частиц — перед существительными, всегда занимающими ударную позицию (если логическое ударение не падает на verbum finitum) и являющимися «новым» в сообщении: *Wie? 'Sollen denn die "Kinder dafür büßen?*; *'Haben Sie denn "Mäuse in der Klasse?*. Если и имеются отклонения от обычного типа (5% от общего количества всех обследованных предложений с *denn*, в том числе 2% при постпозиции *denn* после подлежащего, выраженного существительным, и 3% при постпозиции *denn* после второстепенных членов), то это опять же не прихоть говорящего, ибо он ограничен в произвольном передвижении модальной частицы. Эти отклонения связаны с перераспределением логико-грамматического членения предложения. Если нужно логически выделить член, выраженный личным местоимением, и представить его, вопреки обычному логико-грамматическому членению, как «новое» в сообщении или, наоборот, представить подлежащее или второстепенный член, выраженные существительным, вопреки обычному логико-грамматическому членению, как «данное» в сообщении, то говорящий ставит эти члены в необычную для них позицию: личное и указательное местоимения — в ударную позицию (после модальной частицы): *Nanu, denkt er, was wollen denn "die in diesem Aufzug?* (W. Bredel, Die Prüfung); *Wie komm t denn "der daher*; «*... aber ich hab ja gar nicht "ihm geantwortet, Jupp, sondern dir* (F. Wolf, Bürgermeister Anna); *Wer fragt denn "dich, Du Eichhörnchen? Die Anne meint doch "mich* (F. Wolf, Bürgermeister Anna); «*Mir ist verschiedenes aufgefallen*», *erwiderte Kommissar Rusch. "Aber was ist denn "dir zum Beispiel aufgefallen, mein Junge?*» (H. Fallada, Jeder stirbt für sich allein); *Das ist doch "der, dem die Kommune das Bein abgeschnitten hat?* (W. Bredel, Die Prüfung) [17], а

[17] Перевод немецких предложений на русский язык показывает, что модальные частицы в русском языке не играют той роли в логико-грамматическом членении предложения, какую играют модальные частицы в немецком языке. Это связано с тем, что

существительное и слова других классов, в том числе и личные местоимения с предлогами,— в безударную позицию (перед модальной частицей): *Dann ist mein Bett doch "frei?* (H. Fallada, Jeder stirbt für sich allein); *Vielleicht fängt ihn der Amerikaner schon "ab...* (B. Apitz, Nackt unter Wölfen), *Soll ich die Schule denn "alleine bauen?* (F. Wolf, Bürgermeister Anna); *Aber er hat den Radio doch "geklaut...* (H. Fallada, Jeder stirbt für sich allein), *Aber ich habe das Geld doch noch "gar nicht* (H. Fallada, Jeder stirbt für sich allein).

Говорящий регулирует логико-грамматическое членение предложения путем интонационного выделения коммуникативно главного члена — логико-грамматического предиката («нового»). Предложение *Haben Sie Mäuse in der Klasse?*, в котором изъята модальная частица *denn*, может иметь четыре коммуникативно-просодических варианта по количеству членов, конституирующих предложение, каждый из которых интонационно можно выделить логическим ударением. Этим же целям служит и модальная частица *denn*. Указанное предложение может иметь три коммуникативно-просодических варианта (по количеству членов, стоящих после verbum finitum), в зависимости от позиции модальной частицы. В каждом из вариантов «фонетическое слово» удлиняется благодаря последовательному включению в него новых членов: *Haben denn "Sie Mäuse in der Klasse?*; *Haben Sie denn "*Mäuse in der *Klasse?* (этот вариант приводит И. Р. Бехер); *Haben Sie Mäuse denn in der "Klasse?*. Единое ударение, отсутствие пауз и один и тот же мелодический уровень удерживают четыре слова (*Haben Sie Mäuse denn in der "*Klasse?) в одном «фонетическом слове». Образуется некое фонетическое, пользуясь термином К. Боста, «поле напряжения» («Spannungsfeld») [30]. Однако «фонетическое слово» не может наполняться все новыми и новыми словами, ибо трудно удержать длинную цепочку членов в рамках одного и того же мелодического уровня, при отсутствии пауз и при одном единственном (главном или второстепенном) ударении. Поэтому модальные частицы стоят, как правило, в непосредственной близости к сказуемому, пропуская перед собой лишь члены, не несущие ударения, являющиеся просодическими энклитиками, «данным» в сообщении (это, в основном, личные местоимения)[18]. Различие в местоположении модальной частицы влечет за собой различие в интонационной схеме, а различие в распределении ударения влечет вообще различение коммуникативно-просодических типов предложений. Передвижение модальных частиц в определенных границах в предложении имеет следствием новое логико-грамматическое членение предложения. Говорящий регулирует логико-грамматическое членение предложения путем интонационного выделения коммуникативно, логически наиболее значимого члена. Модальная частица тоже принимает участие в соответствующем логико-грамматическом членении предложения, являясь при этом для устной формы немецкого языка дополнительным, а для письменной формы немецкого языка главным, лексическим или, точнее, синсемантическим средством логико-грамматического членения предложения.

в немецком предложении позиция verbum finitum строго фиксирована, местоположение модальных частиц, в свою очередь, также строго фиксировано: «*Wer 'fragt denn "dich, Du, Eichhörnchen? Die Anne meint doch "mich.* (F. Wolf, Bürgermeister Anna). «*Ну а* кто спрашивает "тебя, ты, попрыгуша? *Ведь* Анна имеет в виду "меня!». В связи с тем, что сочетание русских модальных частиц *ну а* не может передвигаться внутри предложения, строго закрепленно за начальной позицией в предложении, оно не участвует в логико-грамматическом членении предложения. Что касается модальной частицы *ведь*, которая может занимать любое место в предложении (*Анна ведь имеет в виду "меня!*, *Анна имеет ведь в виду "меня!*, *Анна имеет в виду ведь "меня!*, *Анна имеет в виду "меня ведь!*), то ее «свобода передвижения» не связана с логико-грамматическим членением предложения. «Новым» в сообщении в любом случае остается слово *меня*, стоящее в конце предложения (кроме последнего примера).

[18] Например, в чешском языке некоторые личные местоимения, кроме своих обычных форм, могут выступать также в специальных энклитических формах: *včera mi ju ukázal*, (*včera*) *ti ju ukázal*, (*včera*) *mu ju ukázal*, (*včera*) *jej ju ukázal*, (*včera*) *ná m ju ukázal* и т. д.; *ráno sme vám ho odovzdali*, (*ráno*) *sten ám ho odovzdali* и т. д. [58].

Модальная частица в немецком предложении — это своего рода «водораздел» между «данным» и «новым» (если главное ударение падает не на verbum finitum как главный, коммуникативно наиболее значимый член — логико-грамматический предикат): члены, стоящие слева от модальной частицы,— «данное», члены, стоящие справа от модальной частицы,— «новое». На логико-грамматическом уровне предложения модальные частицы служат, таким образом, границей между «данным» и «новым», участвуя в тесном взаимодействии с интонацией в логико-грамматическом членении предложения. При этом мы не должны упускать из виду то обстоятельство, что основная функция немецких модальных частиц — синтаксическая, ибо они, как было упомянуто выше, опять же в тесном взаимодействии с интонацией, служат целям выражения субъективно-модального и эмоционально-оценочного значений в предложении. Налицо, таким образом, интеграция в немецких модальных частицах их двойственной природы — синтаксической и логико-грамматической.

IV. Каждый язык обладает довольно многочисленными средствами логико-грамматического членения предложения, образующими в каждом из них свою особую систему. Часть этих средств является универсальной для многих языков. Средства логико-грамматического членения предложения в любом языке покрывают друг друга, хотя и разными своими частями. Однако ни в одном языке они еще не описаны исчерпывающе, а в большинстве языков даже не каталогизированы.

Разговорный язык, в котором средства логико-грамматического членения предложения более подвижны и разнообразны, чем в кодифицированном языке, и взаимодействуют друг с другом более сложным образом, может выработать новые средства, не свойственные письменной форме национального языка. По нашим данным, модальные частицы употребляются в целях логико-грамматического членения предложения лишь в немецком разговорном языке, функционируя в тесном взаимодействии с интонацией и порядком слов, постоянно сопровождая их. Модальные частицы снимают с интонации часть «ответственности» за участие в логико-грамматическом членении предложения, беря на себя их функции, и благодаря участию в построении соответствующего порядка слов маркируют члены по степени их коммуникативной, т. е. логико-грамматической, значимости.

В немецком предложении в силу довольно жесткого «порядка слов» и абсолютно жесткой позиции verbum finitum модальные частицы не могут, как, например, в русском языке, обладать большой свободой передвижения, подчиняясь при этом различным его членам, а играют специфическую роль структурных формантов только сказуемого. Это, естественно, наложило на местоположение модальных частиц в предложении определенные ограничения, «позволив» им передвигаться внутри предложения лишь в строго определенных границах, «заставив» их, тем самым, факультативно (их главная функция—синтаксическая или, учитывая их способность генерировать в предложении субъективно-модальное или эмоционально-оценочное значение,— структурно-семантическая) служить целям логико-грамматического членения предложения. Эта функция немецких модальных частиц, по-видимому, если и не уникальна [19], то сформулирована пока только на материале немецкого языка.

---

[19] Например, во французском языке различаются лишь «частицы в собственном смысле» («particules proprement dites») [59]. Однако многие примеры с «частицами в собственном смысле» из французской художественной литературы, заимствованные нами из «Грамматики» Е. А. Реферовской и А. К. Васильевой, позволяют судить о том, что эти частицы участвуют в создании субъективно-модального и эмоционально-оценочного значения предложения, хотя и не совсем ясно, участвуют ли они также в логико-грамматическом членении предложения, подобно немецким модальным частицам: *Qu' est-ce que c 'est e n c o r e que ceux-là?* (*Это еще* кто такие?); *Pensez d o n c*! (Подумайте-*ка*!, Подумайте-*же*); *Demande p l u t ô t à saint Joseph* (Спроси-*ка* у святого Иосифа); *Que comptais-tu d o n c faire?* (Что *же* ты намереваешься делать?); *Vous ne prétendez t o u t d e m ê m e pas courir les chemins en pareil équipage.* (*Ведь* не собираетесь *же* вы разъезжать по дорогам в этаком виде). Этот вопрос, как и проблема модальных частиц вообще, в том числе и в других языках, нуждается в специальном исследовании.

Так как в немецком языке насчитывается, по нашим данным, 24 модальных частицы, то систематическое и исчерпывающее исследование каждой из них с точки зрения их роли в логико-грамматическом членении предложения обогатило бы языкознание интересными сведениями, причем не только в плане их участия в логико-грамматическом членении предложения, но и с точки зрения более глубокого проникновения в сущность взаимодействия между субъективно-модальным (resp. эмоционально-оценочным) значением предложения (семантическая категория предложения) и его логико-грамматическим членением (логическая категория суждения).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Панфилов В. З.* Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971, с. 138—166.
2. *Будагов Р. А.* Две проблемы изучения порядка слов.— Studie şi cercetări linguistice, 1960, anue XI, № 3, с. 387.
3. *Крушельницкая К. Г.* О порядке слов в немецком языке.— Ин. яз. в шк., 1957, № 1, с. 13—14.
4. *Распопов И. П.* Две монографии о порядке слов в современном русском языке.— ВЯ, 1968, № 5, с. 122.
5. *Beneš E.* Die funktionale Satzperspektive (Thema-Rhema-Gliederung) im Deutschen.— Deutsch als Fremdsprache, 1967, № 1, S. 25.
6. *Власова З. С.* Коммуникативно-интонационное членение предложения: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1966.
7. *Юрченко В. С.* О некоторых вопросах актуального членения фразы в современном русском языке.— В кн.: Вопросы славянского языкознания. Саратов, 1968, с. 73—74.
8. *Юрченко В. С.* Функционально-структурные типы фразы. (На материале русской разговорной речи): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Саратов, 1963, с. 17—18.
9. *Бухарин В. И.* Об эффекте актуального членения.— ФН, 1980, № 4, с. 83.
10. *Николаева Т. М.* Актуальное членение предложения.— В кн.: Русский язык: Энциклопедия. М., 1979, с. 16.
11. *Белошапкова В. А.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977, с. 153.
12. *Адамец П.* Порядок слов в современном русском языке. Praha, 1976, с. 24—25.
13. *Firbas J.* K otázce nezákladnovych podmêtu v současné anglictiné.— Časopis pro moderní filologii, 1957, XXXIX, s. 1—3.
14. *Ившин В. Д.* Грамматические средства логического выделения главных членов предложения в простом повествовательном английском предложении: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1963, с. 10.
15. *Ильиш Б. А.* Развитие способов выражения смыслового предиката в английском языке.— В кн.: Вопросы германского языкознания. М.— Л., 1961, с. 197.
16. *Швейцер А. Д.* О взаимодействии разноуровневых средств выражения темы и ремы высказывания.— Zeitschr. für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 1980, Bd. 33, Hf. 3, S. 405.
17. *Мулинов К., Рахимов С. Р.* Отрицание и актуальное членение предложения.— Сб. научн. тр. [Ташкентского ун-та], 1979, № 578, с. 33—37.
18. *Пумпянский А. Л.* Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. М., 1974.
19. *Шевякова В. Е.* Актуальное членение предложения. М., 1976, с. 14 и сл.
20. *Бирман В. М.* Средства логического выделения в современном французском языке.— В кн.: Вопросы общего и романо-германского языкознания: Тезисы докладов. Вып. 2. Уфа, 1965, с. 97—100.
21. *Москальская О. И.* Артикль в немецком языке.— Ин. яз. в шк., 1956, № 5, с. 22.
22. *Крушельницкая К. Г.* Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1961, с. 196.
23. *Beneš E.* Die Verbstellung im Deutschen von der Mitteilungsperspektive her betrachtet.— Philologica Pragensia, 1962, 5, S. 18—19.
24. *Moskalskaja O.* Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. M., 1971, S. 293.
25. *Копцев И. Д.* К вопросу об актуальном членении в диалогической речи в немецком языке.— Сб. научн. тр. [Ташкентского ун-та], 1979, № 578, с. 49.
26. *Jung W.* Grammatik der deutschen Sprache. 2. Aufl. Leipzig, 1967, S. 105—107.
27. *Zemb J.-M.* Les structures logiques de la proposition allemande. Contribution à l'étude des rapports entre le langage et la pensée. Paris, 1968, p. 224.
28. *Кривоносов А. Т.* Система «взаимопроницаемости» неизменяемых классов слов (на материале немецкого языка).— ВЯ, 1975, № 5.
29. *Торопова Н. А.* Логические частицы как средство актуального членения предложения (на материале немецкого языка).— Zeitschr. für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 1981, Bd. 34, Hf. 2.
30. *Boost K.* Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. Der Satz als Spannungsfeld. Berlin, 1956.
31. *Крушельницкая К. Г.* К вопросу о смысловом членении предложения.— ВЯ, 1956, № 5, с. 61.

32. *Firbas J.* Some aspects of the Czechoslovak approach to problems of functional sentence perspective.— In: Papers of functional sentence perspective. Ed. by Daneš F. Prague, 1974, p. 20.
33. *Сиротинина О. Б.* Об актуальном членении в разговорной речи.— In: Papers of functional sentence per.pective. Ed. by Daneš F. Prague, 1974.
34. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
35. *Weydt H.* Antönungspartikel. Die deutschen Modalwörter und ihre französischen Entsprechungen. Berlin — Zürich, 1969.
36. Die Partikeln der deutschen Sprache. Hrsg. von Weydt H. Berlin — New York, 1979.
37. *Kriwonossov A.* Die modalen Partikeln in der deutschen Gegenwartssprache. Göppingen, 1977.
38. *Krivonosov A.* Deutsche Modalpartikeln im System der unflektierten Wortklassen.— In: Aspekte der Modalpartikeln: Studien zur deutschen Abtönung. Hrsg. von Weydt H. Tübingen, 1977.
39. *Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке.— Труды ин-та русского языка. Т. 2. М., 1950, с. 59.
40. *Копцев И. Д.* Модальные частицы в диалогической речи в немецком языке (Синтаксическое и экспериментально-фонетическое исследование: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1976, с. 9.
41. *Якобсон Р., Халле М.* Фонология и ее отношение к фонетике.— В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962, с. 247.
42. *Матусевич М. И.* Введение в общую фонетику. М., 1959, с. 96.
43. *Щерба Л. В.* Рукопись неоконченной статьи об ударении.— В кн.: *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. Л., 1960, с. 298.
44. *Daneš Fr.* Sentence intonation from a functional point of view.— Word, 1960, v. 16, № 1, p. 39.
45. *Глисон Г.* Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, с. 82—83.
46. *Firbas J.* Non-thematic subject in contemporary English.— Travaux linguistiques de Prague. T. 2. Prague, 1966, p. 251.
47. *Meier G. F.* Theoretische, praktische und methodische Fragen der Intonationsforschung.— Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl—Marx-Universität Leipzig, 1967, 16 Jg., Hf. 1—2, S. 201.
48. *Schubiger M.* English Intonation and German Modal Particles. Comparative Study.— Phonetica, 1965, Bd. 12, S. 64—68.
49. *Гвоздев А. Н.* Фонетические средства русского языка. М.—Л., 1949.
50. *Аванесов Р. И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, с. 61—63.
51. *Мурашева Е. И.* Изучение и преподавание немецкого произношения. М., 1962, с. 200.
52. *Цахер О. Х.* Deutche Phonetik. 2. Aufl. Л., 1969, S. 18—20.
53. *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М., 1979, с. 250—251.
54. *Тукумцев Г. Р.* Речевые звенья.— ВЯ, 1966, № 3, с. 86.
55. *Weil H.* De l'ordle des mots dans les langues anciennes comparées aux langues modernes. Questions de grammaire générale. Paris, 1844.
56. *Flämig W.* Grundformen der Gliedfolge im deutschen Satz und ihre sprachlichen Funktionen.— In: Beitrage zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur, Halle, 1964, Bd. 86, S. 338.
57. *Sommerfeldt K.-E.* Wortstellung und Mitteilungswert.— Sprachpflege, 1961, № 1, S. 8.
58. *Mistrik J.* Slovosled a větosled v slovenčine. Bratislava, 1946, s. 145.
59. *Реферовская Е. А., Васильева А. К.* Теоретическая грамматика современного французского языка. 2-е изд. Ч. 1. Л., 1973, с. 365—372 (на франц. яз.).

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1982

МУРЯСОВ Р. З.

АНТРОПОНИМЫ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

При классификации имен существительных в и.-е. языках в качестве одного из структурно-семантических разрядов бесспорно выделяются имена собственные. Однако в лингвистике не просто констатируется сам факт существования данного слоя лексики наряду с такими структурно-семантическими разрядами, как нарицательные, абстрактные и конкретные, одушевленные и неодушевленные, исчисляемые и неисчисляемые существительные, но и подчеркивается также особое положение имени собственного (ИС) в системе языка в отличие от других структурно-семантических разрядов существительных [1]. Об особом статусе ИС в языковой системе можно говорить, по-видимому, в том случае, если удается выявить набор признаков, отличающих ИС как таковые от других классов слов на разных уровнях языка. ИС занимают в системе языка особое положение не только потому, что им присущи чисто лингвистические, т. е. внутриязыковые особенности, но и потому, что ИС, в отличие от имен нарицательных (ИН), обладают особыми, только им свойственными признаками (неспособность ИС выступать в инвариантном лексическом значении и выражать признаки, свойственные предметам класса, в который ИС входит).

В лингвистической литературе ИС изучаются всегда в сравнении с именами нарицательными, являющимися своего рода семиологическим эталоном, семиологическим ядром имен существительных. Имена собственные противопоставляются именам нарицательным «как по своему значению, так и по сфере и объему функционирования, занимая периферийное положение в лексике любого языка» [2]. ИС занимают особое положение в языке не только в лексическом отношении, они характеризуются также орфографическими, морфонологическими, грамматическими (морфологическими и синтаксическими), словообразовательными и стилистическими особенностями, отличающими их от ИН. Имеется у ИС и межъязыковая особенность: необязательная переводимость с одного языка на другой.

Не все ИС в равной мере могут быть противопоставлены ИН, так как между ИС и ИН существуют определенные градации взаимопереходов. Взаимопроницаемость этих двух стратумов слов обусловлена рядом причин. Наиболее существенными представляются две из них: во-первых, собственные имена генетически, как правило, восходят к именам нарицательным [3; 4]; во-вторых, ИС в семантическом отношении не образуют компактного и гомогенного лексического класса. Внутри ИС представлены разряды, обладающие разной степенью «назывательности» [5]. Идеальной моделью ИС лингвисты считают личные имена (Personennamen) [6]. Взаимопроницаемость ИС и ИН проявляется, в частности, в апеллятивации, т. е. в переходе ИС в класс ИН, а также в деапеллятивации, т. е. в переходе ИН в ИС.

В данной статье будут рассмотрены вопросы апеллятивации ИС и их вовлечения в словообразовательную систему в основном на материале немецкого, а также некоторых других языков.

Вопрос о месте ИС в словообразовательной системе языка может рассматриваться в трех аспектах. Во-первых, с точки зрения внутреннего или эндоцентрического словообразования, при котором не разрушается тождество имени собственного. Во-вторых, с точки зрения деривационных потенций имени собственного, в плане обогащения словарного соста-

ва языка, т. е. изучение ИС в качестве производящих основ. Такого рода словообразование можно было бы назвать экзоцентрическим, так как в результате словообразовательного акта ИС переключается в класс ИН. В-третьих, ИС могут изучаться с точки зрения их превращения в словообразовательный элемент, т. е. служебную морфему. Первые два аспекта присущи многим языкам, в то время как использование ИС в качестве словообразовательного форманта — явление редкое и необычное.

Эндоцентрическое словопроизводство ИС сводится к образованию их гипокористических, т. е. уменьшительно-ласкательных форм. Своеобразие эндоцентрического словопроизводства в морфонологическом плане заключается в том, что формальным модификациям, например, усечению, подвергаются не только исход ИС, но и его начало. Такого рода модификации структуры ИС не регулируются какими-либо более или менее жесткими правилами. Морфонологические изменения бывают настолько существенными, что тождество ИС базируется иногда на общности одной фонемы, выступающей в различных вариантах, например: *Elisabeth*, *Elsbeth*, *Lisbeth*, *Elise*, *Else*, *Elsa*, *Betti*, *Lisa*, *Liese*. О. Д. Лаптева приводит следующие варианты имени *Анна* в русском языке: *Аня*, *Анка*, *Аннушка*, *Анночка*, *Анечка*, *Анюта*, *Анютка*, *Анюточка*, *Анютенька*, *Анюра*, *Анюрка*, *Нюра*, *Нюрка*, *Нюшка*, *Нюша*, *Нютка* и др. [7], общим элементом для которых является фонема /н/.

В рамках экзоцентрического словообразования ИС следует выделить внутрикатегориальное и межкатегориальное словопроизводство. При внутрикатегориальном словопроизводстве не меняется категориальная характеристика производящей и производной основ на уровне части речи. В результате межкатегориального словопроизводства слово переключается из одной части речи в другую. Антропонимам в большей степени свойственно внутрикатегориальное словопроизводство. Переход антропонимов в прилагательные и глаголы носит ограниченный характер, например, *Grimmsche Märchen* «сказки братьев Гримм», *Joulesche Wärme* (уст.) «Джоулева теплота», *Schillersche Balladen* «баллады Шиллера» и т. д. [1]. Непродуктивность антропонимов в качестве производящих основ прилагательных в немецком языке компенсируется широким вовлечением их в процесс словосложения.

Еще более редки глаголы, образованные от антропонимов. Среди них четко выделяются две группы: 1) употребляющиеся в специальной научной литературе глаголы, образованные от имен или фамилий изобретателей и авторов тех или иных инструментов, приспособлений, сооружений или технологических процессов, например, нем. *bessemern*, *guillotinieren*, *chaptalisieren*, *morsen*, *pasteurisieren*, *röntgen*; англ. *bessemerize*, *chaptalize*, *guillotine*, *lynch*, *morse*, *pasteurize*, *roentgen*, *roentgenize*, *röntgenize*; франц. *guillotiner*, *lyncher*, *pasteuriser* и т. д.; 2) глаголы, образованные от антропонимов, перешедших в класс апеллятивов; они обслуживают сферу разговорной речи и характеризуются «сниженным» стилем, например, нем. *hänseln* (от *Hans*) «дразнить, подтрунивать», *kaspern*, *käspern* (от *Kaspar*) (разг.) «дурачиться», *meiern* (от *Meier*) (разг.) «надувать, обманывать», *miezeln* (от *Mieze* — краткой формы *Marie*) «ласкаться, флиртовать», *uzen* (от *Uz* — краткой формы *Ulrich*) (разг.) «подтрунивать, насмехаться», ср. также префиксальные деантропонимические глаголы: *bezirzen* (от собственного имени *Circe* «Цирцея») (разг.) «пленять, очаровывать, околдовывать», *einwecken* «делать консервы, консервировать (фрукты, овощи, мясо)» (по имени изобретателя Й. Векка); ср. англ. *to fritz* (солд. жарг.) «вывести из строя», *to jack around* (сленг) «слоняться без дела; болтаться попусту; дурачиться», *to Paul-pry* (книжн.) «совать нос в чужие дела» и т. п.; русск. *назариться*, *наумить*, *ерошиться*, *подкузьмить*, *объегорить*, *обмишулить* и т. п.

Некоторые антропонимы послужили базой для образования гнезд однокорневых слов, например, *Stoffel*, *Stöffel* (краткая форма имени собст-

---

[1] Семантические интерпретации примеров приводятся из различных словарей [см. 30—45].

венного *Christoph*) (разг.) «простофиля, разиня, олух; дурачок» — *stoffelig*, *stöffelig* (разг.) «глуповатый, непонятливый, дурашливый» — *stoffeln* «быть неловким, неуклюжим» и т. п.

За пределами технической терминологии глаголы образуются, как правило, от имен и фамилий известных исторических личностей. Они возникают нередко как продукт индивидуального творчества. Однако некоторые из них могут стать более или менее стабильными единицами и встречаться в нескольких языках.

Наиболее существенным для характеристики деривационных потенций ИС в качестве производящих основ является внутрикатегориальное словопроизводство. В немецком языке антропонимы сочетаются со значительным количеством суффиксов, преимущественно иноязычных: *-ana*, *-aner* (*-ianer*), *-ade* (*-iade*), *-ant*, *-arier*, *-asis* (*-iasis*), *-dor*, *-effe*, *-er*, *-erei*, *-erie*, *-ett*, *-ette*, *-graph*, *-id*, *-ik*, *-ianik*, *-ika*, *-in*, *-ine*, *-iner*, *-iker*, *-ikum*, *-ie*, *-ismus* (*-ianismus*), *-ist*, *-in*, *-it*, *-ität*, *-ium*, *-isation*, *-on*, *-ose* (*-iose*), *-tum* (*Goetheana*, *Leniniana*, *Konfuzianer*, *Kantianer*, *Robinsonade*, *Donquichottiade*, *Pasquillant*, *Katilinarier*, *Louisdor*, *Brucellen*, *Epikureer*, *Galilaer*, *Oblomowerei*, *Donquichotterie*, *Lazarett*, *Luisette*, *Belinograph* и т. д.

Деантропонимические производные образуют следующие семантические разряды:

1) Обозначение лиц по их принадлежности к общественно-политическим течениям, философским и религиозным учениям, направлениям, по их убеждениям, по принадлежности к тем или иным этническим группам: *Anakreontiker*, *Benediktiner*, *Darwinist*, *Epikureer*, *Galiläer*, *Hegelianer*, *Kantianer*, *Luddit*, *Marxist*, *Voltairianer* и т. п.

2) Названия полезных ископаемых, минералов, разного рода химических элементов и химических соединений, алкалоидов и других веществ, а также различных болезней: *Alexandrit*, *Bornit*, *Boulanherit*, *Lewisit*, *Wulfenit*, *Sylvin*, *Bruzin*, *Lobelin*, *Nikotin*, *Berthollid*, *Daltonid*, *Bohrium*, *Mendelevium*, *Bilharziose*, *Lambliasis*, *Nobelium*, *Parkinsonismus* и т. п.

3) Названия растений, образованные с помощью суф. *-ie*: *Bergenie*, *Douglasie*, *Funkie*, *Gardenie*, *Godetie*, *Kamelie*, *Kochie*, *Lobelie*, *Magnolie*.

4) Абстрактные имена, обозначающие общественно-политические течения, философские и религиозные учения, научные направления (суф. *-ismus*, *-ik*): *Blanquismus*, *Byronismus*, *Chauvinismus*, *Darwinismus*, *Furrierismus*, *Marxismus*, *Mendelismus*, *Mogammedanismus*, *Buddhismus*, *Anakreontik*, *Gregorianik* и т. п.

5) Существительные, обозначающие действия, виды деятельности человека, а также его состояние, например: *Bertillonage*, *Faradisation*, *Galenik*, *Donquichotterie*, *Pasquinade*, *Robinsonade*.

6) Названия, характеризующие людей по тем или иным склонностям: *Pasquillant*, *Herostratentum*, *Mazenatentum*, *Oblomowerei* и т. д.

7) Существительные с суф. *-ana* (*-iana*), имеющие собирательное значение. Они обозначают совокупность произведений, посвященных лицу, названному производящей основой, а также сочинения этого лица: *Goetheana*, *Leniniana*, *Straußiana*.

8) В последнюю группу можно включить разрозненные в семантическом отношении обозначения предметов, например, денежные единицы, приборы и т. д.: *Louisdor*, *Napoleondor*, *Bandonion*, *Belinograph*, *Ferrarität*, *Louisette*.

Особый интерес представляет использование ИС в качестве словообразовательных морфем, а именно так называемых полусуффиксов, являющихся омонимами исходных единиц. При интерпретации взаимоотношения ИС с формально идентичными ИН возможны различные подходы. Переход ИС в ИН рассматривается некоторыми лингвистами как метонимический перенос. Так, Р. Ресслер полагает, что если при переносе значения одного слова на другое слово сохраняется определенная логическая связь между основным и переносным значением, то мы имеем дело с метонимией. К особо богатой группе метонимов, по его мнению, относятся имена собственные, ставшие апеллятивами [9; 10]. Но наличие логической связи между

значениями исключает их омонимичность, и они должны быть признаны лексико-семантическими вариантами одной лексической единицы. Совершенно противоположная точка зрения высказана по этому поводу А. В. Суперанской: «Превращение собственного в нарицательное настолько глубоко затрагивает сущность лексической единицы, меняет ее морфологическую, синтаксическую и лексическую валентность, что даже, казалось бы, идентичные собственные и нарицательные имена следует считать разными словами, омонимами» [11]. По-видимому, ИС и их омонимы-апеллятивы в разных языках достигают разной степени поляризации. В этом смысле в рамках и.-е. языков особый интерес представляют немецкий и отчасти английский языки, в которых имена собственные достигают такой степени деконкретизации своего значения, что они могут превращаться в полусуффиксы и суффиксы.

Полусуффиксы, суффиксы и омонимичные им ИС в функциональном плане не имеют ничего общего. Однако превращение ИС в словообразовательные элементы нельзя рассматривать как явление спонтанное. Между ними диахронически или синхронно должно существовать связующее звено. Такого рода связующим звеном является употребление ИС в свободных словосочетаниях, предшествующее процессу их превращения в полуаффиксы. Г. Пауль писал, что «широко распространенные и потому ничего индивидуального в себе не содержащие личные имена используются для обозначения типов сначала в сочетании с определениями; ср. eine dumme Lise, Trine, букв. „глупая Лиза, Катя“, ein langweiliger Peter, букв. „скучный Петер“], Hans in allen Gassen „всюду шатающийся человек [букв. Ганс на всех улицах“» [12]. Процесс превращения ИС в полуаффиксы следует рассматривать в более широком контексте теории немецкого словообразования. Как известно, для словообразовательной системы немецкого языка характерна исключительно высокая продуктивность словосложения и потому совершенно естественным является вовлечение имен собственных в процесс словосложения в качестве одного из компонентов сложных слов [13, 14]. Данные истории языка свидетельствуют о том, что процессу превращения ИС в словообразовательные морфемы предшествовал процесс апеллятивации ИС в качестве автономных лексических единиц. Ф. Клюге указывает, что благодаря своей частотности имена *Heinrich* и *Konrad* в сочетании *Hinz und Kunz* (разг.) «всякий встречный и поперечный» употреблялись в нарицательном значении уже в XII в.; *Hans* — краткая форма от ИС *Johannes* встречается в составе словосочетаний или в качестве первого или второго компонентов сложных слов в XIV—XV вв., например: *Hansnarr*, *Hanswurst*, *Prahlhans*, *Schmalhans*; *Hans Liederlich*, *Hans in allen Gassen*, *Hans Ohnesorge* и т. д. [15]. Продуктивность словосложения в немецком языке, как показала в своих исследованиях М. Д. Степанова, привела к тому, что определенные частотные компоненты сложных слов постепенно превратились в «аффиксообразные» элементы, названные ею «полуаффиксами»; и самим термином она подчеркнула промежуточное положение полуаффиксов между корневой и аффиксальной морфемами. Факт существования класса словообразовательных элементов, занимающих промежуточное положение между корневыми и аффиксальными морфемами, в настоящее время можно считать бесспорным и доказанным на материале как родственных, так и неродственных языков. Однако источник, из которого язык черпает полусуффиксы, в разных языках может быть неодинаков. В и.-е. языках, как правило, полуаффиксы или аффиксоиды [2] восходят к именам нарицательным или корневым морфемам других частей речи.

С точки зрения своего лингвистического статуса совершенно особое положение занимают полусуффиксы, генетически восходящие к антропо-

[2] Для обозначения словообразовательных единиц промежуточного характера одни лингвисты оперируют термином «полуаффиксы» [13, 17, и др.], другие — термином «аффиксоиды» [8, 16, 18], третьи пользуются терминами «слова-суффиксы», «слова-префиксы» («suffix words», «prefix words») [40]. Е. С. Кубрякова, подчеркивая функциональные различия между полусуффиксами и корневыми морфемами, с одной стороны, и полуаффиксами и аффиксами, с другой, оперируют при их описании понятиями «относительно связанные» и «относительно свободные морфемы» [19—21].

нимам, т. е. личным именам и фамилиям. Среди многочисленных групп полусуффиксов существительных они максимально десемантизированы и могут рассматриваться в качестве бесспорных омонимов по отношению к соответствующим антропонимам. Этот процесс зашел так далеко, что известный специалист по немецкому словообразованию В. Флейшер считает, что такие компоненты сложных существительных, как *-fritze* в *Bummelfritze*, *-hans* в *Prahlhans*, *-liese* в *Bummelliese*, и т. п., должны быть признаны в современном немецком языке с у ф ф и к с а м и [8, с. 108; 22]. Прежде чем подвергнуть анализу существительные с данными полусуффиксами, необходимо рассмотреть случаи их употребления в качестве самостоятельных лексических единиц.

Апеллятивация ИС представляет собой явление, характерное для ряда и.-е. языков. Особенно часто встречаются ИС в пословицах, поговорках и в составе фразеологических единиц, ср. русск. *Сошлют тебя куда Макар телят не гонял*; *Я ему про Фому, а он мне про Ерему* и т. п.; англ. *A good Jack makes a good Jill* «если Джек хорош, то и Джилл будет хороша»: (ср.: *у хорошего мужа жена хорошая*); нем. *Es ist mir Hans wie Heine* (разг.) «это все одно; что в лоб, что по лбу»; *Was Hänschen nicht lernt, lernt Hans nimmermehr* «чему смолоду не научишься, того и под старость знать не будешь», ср.: *чего не знал Ванюша, не будет знать Иван* и т. п.; франц. *Quand Jean bête est mort, il a laissé bien des héritiers* «дураков на свете много; дураков не сеют, не жнут — они сами родятся» (букв. «Когда глупый Жан умер, он оставил много наследников»). В отдельных случаях в ИС прослеживается компонент характеристики человека по тем или иным свойствам. Так, по мнению О. Бехагеля, немецкие имена *Hans*, *Grete*, *Peter*, *Stoffel*, *Töffel* служат обозначению лиц глупых [23]. Такое явление наблюдается и в других языках. Например, русские имена *Фома*, *Еремей*, *Авдей* выражают в пословицах глупость, упрямство [24], ср.: *И по роже знать, что Фомой звать*. Некоторые ИС полностью перешли в разряд нарицательных или воспринимаются как таковые, например, имя собственное *Олух*, *Олушко* в др.-русск. и *олух* «глупый, непонятливый, дурак» в совр. русск. языке; ср. далее: ИС *Феофан* и образованное от него ИН *фефёла* «простофиля, разиня»; нем. *Michel* употребляется в настоящее время не как название отдельного лица, а как ИН со значением «глупый, добродушный человек», ср. *der deutsche Michel* (полит. пренебр.) «немецкий Михель»; имя *Stoffel*, *Stöffel* встречается в современном немецком языке преимущественно в нарицательном значении «простофиля, разиня, олух; дурачок», ср. далее: *Kasper* (разг.) «дурак, дурень; шут». Особенно частотны в немецком языке такие ставшие нарицательными имена собственные, как *Fritze*, *Peter*, *Hans*, *August*, *Heinrich* (*Heinz*, *Heini*), и некот. др., например, *die großen Hansen* «важные особы», *Hans Hasenfuß* «трусишка», *Hans Huckebein* «горемыка», *Hans Liederlich* «распутный малый, гуляка» и т. д. В английском языке аналогичную продуктивность обнаруживают *Jack* (*jack*), *Tom* (*tom*), *John* (*john*) и т. п.: *John-a-dreams* «мечтатель», *Johnny Raw* 1) (воен. жарг.) «новобранец»; 2) «новичок, молокосос», *Tom Long* «медлительный человек», *dumbjohn* (разг.) «простофиля», *cheap jack* (*Jack*), *cheap john* (*John*) «странствующий разносчик, торгующий дешевыми товарами; коробейник». Характерно, что для обозначения отрицательных свойств человека в языке используются различного рода конструкции с ИС, например, русск. *валять дурака*, *Ваньку* (*ваньку*); англ. *to play the jack*; нем. *den dummen August spielen*; франц. *faire le Jacques*, *faire son petit Saint-Jean*; русск. *простофиля*; англ. *John Bates*, *Tom Farthing*, *Tom Cony*, *dumbjohn*, *Tom-donny*, *dumb Dora*; нем. *der dumme August*, *einfältiger Jakob*, *dummer Peter*, *dumme Trine*; франц. *Grand Jacquot*, *Jean Guerté*, *Jean-foutre*; русск. *Тришкин кафтан*; англ. *to rob Peter to pay Paul*; нем. *dem Peter nehmen und dem Paul geben*; франц. *decoiffer saint Piere* (*Saint-Pierre*) *pour coiffer saint Paul* (или *Saint-Paul*). Во всех этих случаях ИС достигли такой степени обобщения, что они стали синонимами словам «человек», «лицо», независимо от того, какое имя здесь употребляется, ср.: *die großen Hansen* «важные особы», *was ist denn das für ein August*? (пренебр.) «это еще что за тип?»; «это еще кто такой?», *du bist mir der wahre Jakob*! (разг.) «ты-то мне и нужен!; тебя-то

я и ждал!». О высокой степени обобщения семантики таких имен свидетельствует также тот факт, что они способны создавать синонимические конструкции, ср.: *Er macht überall den großen Hansen* и *Er macht den dicken Willem* «он хвастун»; *Wenn das nicht wahr ist, so will ich Hans heißen!* «Если это не так, назовите меня дураком» (букв. «*Если это не так, назовите меня Гансом*»); *Da will ich Matz heißen!* (простореч.) «Назови меня дураком, если это не так» (букв. «*Да буду я Матцом!*»); *Da will ich Hans Kaspar heißen* (букв. «Если это не так, назовите меня Гансом Каспаром»). Аналогичным образом ведут себя англ. *Jack* (*jack*), *Tom* (*tom*), *John* (*john*), *Johnny* (*johnny*), *George* (*george*), *Dick*, *Harry* и т. п. Так, в словарях английского языка дается следующая дефиниция семантики существительного *jack* (*Jack*): «простой человек, человек из народа; парень»; *Tom* определяется как «простой, обыкновенный человек», ср.: *Jack in the pulpit* «выскочка», *Jack among the maids* «дамский угодник, кавалер», *Jack and Jill* «юноша и девушка», *Jack of all trades* «на все руки мастер».

Деантропонимические апеллятивы могут быть распределены по следующим семантическим классам:

1) В значении «парень, малый; земляк» (в жаргонной лексике), например, англ. *Herman* «парень, малый», *Harry* «земляк», *Johnny* или *johnny* «малый, парень». Широко распространено использование ИС в значениях «солдат, военнослужащий», «полицейский», «полицейский; сыщик», например, англ. *Joe*, *joe* «солдат», *second John* «второй лейтенант (звание)», *Johnny Newcome* 1) (сленг) «новичок, молокосос»; 2) (воен. жарг.) «новобранец», *John*, *john* «полисмен, полицейский»; нем. *der windige August* «полицейский», *der blanke August* (жарг.) «жандарм».

2) Обозначения мифических существ, например, нем. *der Peterle*, *Peterlein* «злой дух; черт, дьявол, бес», *der schwarze Kaspar* «черт, дьявол», *der Nickel* «черт» и т. д.

3) Обозначения напитков и кушаний: англ. *Old Tom* (жарг.) «крепкий джин», *Tom and Jerry* (амер.) «горячий пунш, приправленный специями»; *soft tommy* (разг.) «мягкий хлеб», *brown tommy* (разг.) «черный хлеб»; русск. *Ерофеич*, *ерошка* «горькое вино, водка, настоянная на травах», нем. *der sanfte Heinrich* (жарг.) «сладкий ликер», *blauer Heinrich* (солд. жарг.) «перловая каша», *stolzer Heinrich* (солд. жарг.) «рисовая каша»; франц. *dame Jeanne* (простореч.) «большая бутыль» и т. п.

4) Названия растений: русск. *василиса*, *петрушка*, *маргаритка*, *иван да марья*; англ. *Jack-in-the pulpit* (бот.) «аризема», *Johnny-jump-up* (амер.) «лесная весенняя фиалка»; нем. *roter Heinrich* «дикий щавель», *roter*, *guter Heinrich* «лебеда», *großer Heinrich* «девясил», *faule Lies* «очный цвет» и т. д.

5) Обозначения единичных неодушевленных предметов и явлений: русск. *ванька-встанька*; нем. *der grüne Heinrich* (разг.) «полицейский автомобиль (для арестованных)», *der blanke Hans* (разг.) «Северное море (во время шторма)»; *Tante Emma* «лавка, маленький магазин», франц. *tout son Saint-Jean* (разг.) «весь свой скарб» и т. п.

Хотя можно утверждать, что самостоятельное употребление имен предшествует их функционированию в качестве словообразовательных элементов, тем не менее не все полусуффиксы могут быть соотнесены с соответствующими лексически автономными апеллятивами. Значительное число ИС функционирует только в качестве полусуффиксов. При самостоятельном употреблении ИС сопровождаются прилагательными, указывающими на физиологические и внутренние свойства человека, ср. *dumme Trine*. В качестве же полусуффиксов они характеризуются большим диапазоном внутренней валентности — сочетаются с субстантивными, глагольными и адъективными основами. Наиболее продуктивные полусуффиксы являются в категориальном отношении поливалентными. Большинство полусуффиксов сочетается с субстантивными и глагольными основами, а некоторые существительные с полусуффиксами характеризуются двойным направлением производности, т. е. они могут быть соотнесены одновременно с формально идентичными глагольными и субстантивными основами, например, *Traumjorg* (разг.) «мечтатель» (*Traum* «мечта» и *träumen* «мечтать»), *Schminkmaxe* (разг.) «гример» (*Schminke* «косметика; грим»

и *schminken* «подкрашивать, гримировать»); *Streitnickel* «забияка, задира» (*Streit* «спор, ссора» и *streiten* «спорить, ссориться»), *Schimpfmeier* (разг.) «сквернослов» (*Schimpf* «оскорбление; поруганье» и *schimpfen* «ругаться, браниться»).

Существительные с деантропонимическими полусуффиксами образуют достаточно четкие семантические категории. Почти все они являются обозначениями лица. Общие и частные словообразовательные значения, вычленяемые в рамках семантической категории лица, находятся в прямой зависимости от категориальной, субкатегориальной и конкретной лексической характеристик производящих основ. Хотя существительные с полусуффиксами образуют те же семантические разряды, что и суффиксальные производные, первые отличаются своей особой стилистической маркированностью. Эти существительные относятся к разговорному стилю и в их семантической структуре нередко присутствует элемент эмоциональной оценочности: иронии, презрения, пренебрежительности, фамильярности и т. п. Собственно говоря, полусуффиксы как средства конструирования семантической категории лица являются избыточными. Основной их функцией в словообразовательной системе немецкого языка следует считать придание словам эмоционально-оценочной окраски. Существительные с такими полусуффиксами обычно могут быть соотнесены со стилистически нейтральными производными, образованными от тех же основ посредством суффиксации, ср.: *Lacher*, *-in* и *Lachmarie*, *-jule*, *-liese*, *-thomas* и др. (с разговорной окраской).

Десубстантивные существительные с полусуффиксами могут быть распределены по следующим семантическим классам:

1) Обозначения лиц по их отношению к объекту воздействия. Внутри данного класса наиболее рельефно выделяется группа слов со значением «продавец, торговец предметом, обозначенным производящей основой» (в качестве производящих основ выступают конкретные существительные), например, *-fritze*: *Autofritze* (разг.) «торговец автомобилями», *Apfelfritze* (разг.) «торговец фруктами и овощами», *Gemüsefritze* (разг.) «зеленщик, торговец овощами», *Antiquitätenfritze* (разг.) «антиквар»; *-achim*: *Zigarrenachim* (разг.) «торговец табачными изделиями»; *-august*: *Briefmarkenaugust* (разг.) «почтовый служащий», *Reklameaugust* (разг.) «специалист по рекламе»; *-heini*: *Wurstheini* (разг.) «колбасник (торговец)»; *-maxe*: *Eismaxe* (разг.) «мороженщик, продавец мороженого», *Gemüsemaxe* (разг.) «зеленщик, торговец овощами»; *-michel*: *Stiermichel* (разг.) «пастух»; *-liese*: *Kramliese* (разг.) «мелочная торговка, мелкая лавочница» и т. п.

2) Обозначения лиц по их отношению к орудию, посредством которого осуществляется то или иное действие, тот или иной род деятельности, например, *-fried*: *Fagottfried* (разг. муз.) «фаготист»; *-fritze*: *Lenkradfritze* (разг.) «водитель», *Lampenfritze* (разг.) «осветитель (в театре и т. п.)», *Pinselfritze* (пренебр.) «мазила (о плохом художнике)»; *-heini*: *Huppheini* (разг. церк.) «мальчик, поющий на клиросе, клиросник»; *joseph-*: *Huppjoseph* = *Huppheini*; *-august*: *Aspirinaugust* (солд. жарг.) «рядовой медико-санитарной службы»; *-jule*: *Harfenjule* (разг.) «арфистка», *Telephonjule* (разг.) «телефонистка»; *-lieschen*: *Harfenlieschen* = *Harfenjule* и т. п.

3. Обозначения лиц по их сфере деятельности, а также по их принадлежности к какому-либо коллективу, учреждению, объединению, например, *-fritze*: *Ackerfritze* (разг.) «сельскохозяйственный рабочий; батрак»; *Chemiefritze* (разг.) «работник химической промышленности», *Gewerkschaftsfritze* (разг.) «профсоюзный работник», *Theaterfritze* (разг.) 1) «актер»; 2) «режиссер»; *-huber*: *Berghuber* (разг.) «горняк»; *-heini*: *Feld-heini* (разг.) «сельскохозяйственный рабочий; батрак», *Regierungsheini* (разг.) «правительственный чиновник»; *-metze*: *Küchenmetze* (разг.) «кухарка, повариха» и т. п.

4. Обозначения лиц по их отношению к продукту своего труда, например: *-fritze*: *Jambenfritze* (пренебр.) «стихоплет, рифмоплет, стихокропатель»; *Kleiderfritze* (разг.) «закройщик в ателье женской одежды», *Sargfritze* (разг.) «гробовщик»; *-huber*: *Reimhuber* (презр.) «стихоплет» и т. п.

5. Обозначения лиц, характеризуемых по определенным внутренним

свойствам, отрицательным наклонностям и увлечениям, а также по тем или иным физиологическим признакам: *-hansl*: *Mamahansl* (презр.) «маменькин сынок», *Mutterhansl* = *Mamahansl*; *-kaspar*, *-kasper*: *Salatskasper* (разг.) «любитель салатов», *Suppenkaspar*, *-kasper* «человек, не любящий есть суп»; *-peter*: *Angstpeter* (разг.) «трус», *Mädchenpeter* (разг.) «бабник, юбочник, волокита»; *-norbert*: *Brillen-Norbert* (разг.) «очкарик»; *-liese*: *Pfenningliese* (разг.) «скупая женщина, скряга».

6. Обозначения лица — владельца предмета, выраженного производящей основой, например, *Automobilfritze* (разг.) «владелец автомобиля», *Fordfritze* (разг.) «владелец автомобиля марки „Форд", владелец форда».

В отдельных случаях имеет место избыточное с точки зрения лексического значения присоединение полусуффиксов к основам существительных, обозначающих лица, ср. *Photograph* и *Photographenfritze*, *Botaniker* и *Botanikerfritze*, *Schwieger* и *Schwiegermeier*, *Stänker* и *Stänkerhans*. Первые являются стилистически нейтральными обозначениями лица по роду занятий или по склонностям, в то время как использование полусуффиксов с указанными основами привносит в семантическую структуру слова разговорную окраску и нередко элемент эмоциональной оценочности. Аналогичное явление наблюдается и при употреблении суффиксов. Ср., например, производные существительные, отличающиеся друг от друга разной семантической характеристикой: *Dichter* «поэт; писатель» и *Dichterling* (пренебр.) «стихоплет, рифмоплет, стихокропатель»; *Schreiber* 1) «пишущий (письмо)»; 2) «писарь; секретарь»; 3) «автор (письма, книги)» и *Schreiberling* (презр.) «писака».

Из приведенных выше частных словообразовательных значений можно вывести общее словообразовательное значение моделей с полусуффиксами «лицо по отношению к предметам, обозначенным производящей основой».

Отглагольные существительные с деантропонимическими полусуффиксами в семантическом отношении более компактны, чем десубстантивные.

Наиболее богатым набором полусуффиксов, как уже отмечалось, представлена группа обозначений лица, обладающего отрицательными чертами характера, склонностями к совершению того или иного действия, а также по физиологическим особенностям. С точки зрения семантической валентности деантропонимические полусуффиксы в основном сочетаются с глаголами речи и с глаголами, выражающими состояние человека, а также с так называемыми «поведенческими» глаголами. Глаголы, выступающие в качестве производящих основ, характеризуются также определенными синтаксическими особенностями. Как правило, это непереходные одновалентные глаголы в понимании одних лингвистов [25] или глаголы с нулевой валентностью — в понимании других [26]. Они обычно выражают привычные, постоянные, повторяющиеся или длительные действия: *bernd*: *Stotterbernd* (разг.) «неуклюжий, беспомощный человек»; *-barthel*: *Dösbarthel* (разг.) «соня; растяпа»; *-hans*: *Kleckerhans* (разг.) «грязнуля, пачкун»; *-fritze*: *Stotterfritze* (разг.) «заика (о мужчине)», *Trödelfritze* (разг.) «копун, медлительный человек»; *-meier*: *Schwabbelmeier* (разг.) «болтун»; *-joggel*: *Plauderjoggel* (разг.) «болтун, пустомеля»; *-juste*: *Frierjuste* (разг.) «мерзляка»; *-suse*: *Faselsuse* (разг.) «пустомеля»; *-berger*: *Druckeberger* (разг.) «лодырь, симулянт; трус»; *-marie*: *Lachmarie* (разг.) «хохотушка, хохотунья» и т. п. Многие полусуффиксы сочетаются с основами глаголов определенного семантического поля. В основном это глаголы речи, например, *Klatschhanne*, *-trine*, *-peter*, *-liese*, *-fritze*, *-hans* (разг.) «болтунья; кумушка; болтун, пустомеля», *Quackelsuse*, *-liese*, *-fritze*, *-hans* (разг.) «болтун; болтунья», *Quasseltrine*, *-fritze*, *-meier* (разг.) «болтунья; болтун, брехун, пустомеля», *Schnatterliese* (разг.) «болтушка, трещотка (о женщине)», *Schwatelhans* (разг.) «болтун, пустомеля» и т. п.; глаголы состояния: *Lachmarie*, *-thomas*, *-dorthel*, *-hannes*, *-guste*, *-trine*, *-katharine*, *-jule*, *-liese*, *-meier* (разг.) «хохотун; насмешник; хохотушка, насмешница»; *Heulfritze*, *-jule*, *-liese*, *-michel*, *-peter*, *-resi*, *-suse*, *-trine* (разг.) «рева, плакса»; *Flennliese* (разг.) «плакса, рев(ушк)а (о женщине, девочке)» и т. д.; поведенческие глаголы: *Bummelsteffen*, *-liese*, *-fritze*, *-heini* «копун, медлительный человек; копуша»; *Klecherhans*, *-guste*, *-peter*, *-liese*, *-fritze*, *-hannes* (разг.) «грязнуля, пачкун;

замарашка, пачкунья»; *Zappelphilipp*, *-resi*, *-hanne*, *-peter*, *-liese*, *-fritze*, *-meier* (разг.) «непоседа, юла; нетерпеливый, беспокойный, нервный человек»; *Wühlhuber* «подстрекатель, смутьян»; *Quengelguste* «придира, брюзга, ворчунья». *Prahlhanne* (разг.) «хвастунишка», *Schwindelhanne* «аферистка, мошенница», *Nölsuse*, *-peter*, *-liese* (разг.) «копуша, мямля», *Schmeichelliese* (разг.) «лиса; подлиза» и т. п.

Менее продуктивны модели с полусуффиксами при глагольных основах в обозначении лиц по роду занятия: *Flüsterlotte* (разг.) «суфлер (женщина)» (*flüstern* «шептать»), *Begrüßaugust* (разг.) «метрдотель; администратор (в гостинице и т. п.)» (*begrüßen* «приветствовать, здороваться, поклониться, кланяться»), *Schäkeraugust* (разг.) «конферансье; чтец, мастер художественного чтения» (*schäkern* «шутить, балагурить»), *Klebefritze* (разг.) «судебный исполнитель» (*kleben* «клеить; наклеивать»), *Klettermaxel* (разг.) «вор-форточник» (*klettern* «лазать, лезть, взбираться, карабкаться»), *Grüßheini* (разг.) «метрдотель» (*grüßen* «приветствовать; здороваться; кланяться»), *Werbeheini* (разг.) «специалист по рекламе» (*werben* «вербовать; набирать»), *Tippmieze* (шутл.) «машинистка, стенотипистка» (*tippen* «печатать на машинке»), *Winkemieze* (шутл.) «регулировщица уличного движения» (*winken* «делать знак; махать, сигнализировать») и т. п.

Модель «прилагательное + полусуффикс» по сравнению с другими моделями обнаруживает меньшую продуктивность и частотность. Существительные, образованные по этой модели, обозначают лиц — носителей тех признаков, которые выражены производящей основой. Как правило, они обозначают лица по интеллектуальным свойствам, отрицательным чертам характера, например, *-meier*: *Schlaumeier* (разг.) «хитрец»; *-nickel*: *Bos-*, *Bösnickel* (разг.) «злюка, насмешник; язва»; *-michel*: *Dummichel* (разг.) «дурачок, простофиля»; *-hans*: *Faulhans* (разг.) «лентяй»; *-heini*: *Pickelheini* (разг.) «прыщавый»; *-peter*: *Dummpeter* (разг.) «дуралей, олух, балда»; *-jan*: *Dummerjan* = *Dummpeter*; *-berger*: *Schlauberger*.

Лишь некоторые деадъективные существительные с полусуффиксами обозначают лиц по их отношению к определенной профессии или должности, например, *-fritze*: *Kriminalfritze* (разг.) «сыщик, чиновник уголовной полиции»; *-meier*: *Obermeier* (разг.) «управляющий».

Полусуффиксы встречаются также при связанных основах, например, *Mathematz* (шутл.) «учитель математики», *Steno-Lieschen* (разг.) «машинистка-стенографистка».

С точки зрения изучения внутренней валентности полусуффиксов следует отметить, что они могут сочетаться как с исконно немецкими, так и заимствованными основами, ср.: *Atomfritze* (разг.) «учитель физики», *Atom-Otto* (разг.) «ученый-атомщик», *Terpentinfritze* (презр.) «мазила, халтурщик (о плохом художнике)» и т. д.

Говоря о стилистической характеристике полусуффиксов, следует иметь в виду, что интенсивность пейоративности у них различна. Так, существительные с полусуф. *-fritze* обладают слабой пейорацией, значительно сильнее насыщены эмоционально-оценочной нагрузкой полусуф. *-stoffel*, *-heini* и *-matz*. Полусуф.-*hansel* содержит коннотацию пренебрежительности [9, с. 72].

Как было показано выше, нередко полусуффиксы, сочетаясь с одной и той же основой, создают стилистико-синонимический ряд. Однако в отдельных случаях категориально синонимичные полусуффиксы при одних и тех же производящих основах могут создавать слова с разными или даже антонимичными значениями, ср.: *Klassenmeier* (разг.) «лучший ученик класса», *Klassenheini* (разг.) «худший ученик класса», *Klassenkasper* (разг.) «нескромный, дерзкий ученик», *Klassenaugust* «ученик, стоящий в стороне от жизни класса» [27].

За пределами категории лица полусуффиксы представлены лишь в единичных образованиях, ср.: *Kullerliese* «кукла с закрывающимися глазами», *Langhansel* (жарг.) «отмычка», *Moosmichel* (разг.) «кошелек; бумажник»; *Stiefelhänsel*, *-heinz* (разг.) «съемник, скамеечка для снимания сапог; лакей, мальчик». Некоторые существительные с полусуффиксами обозначают виды кушаний [28]: *Kirschenmichel* «пирог, пуддинг с вишнями»,

Kuhpeter «пирог особого приготовления», *Hackepeter* «сырое рубленое свиное мясо с солью, перцем и тмином (для бутербродов)».

Изучение семантического потенциала существительных с деантропонимическими полусуффиксами показывает, что они конституируют в основном те же семантические классы, что и суффиксальные модели. Однако между суффиксальными производными и существительными с указанными полусуффиксами имеются и существенные различия. Прежде всего они отличаются друг от друга своей парадигматической глубиной, т. е. разной степенью продуктивности и частотности. Если наиболее продуктивные суффиксальные модели производят тысячи единиц, то существительные с деантропонимическими полусуффиксами исчисляются десятками. Поэтому степень важности количественного критерия при определении словообразовательного статуса некоторых морфем различна для отдельных групп полусуффиксов. Представляется, что критерий частотности применительно к полусуффиксам, восходящим к именам собственным, вообще не существен. Данный критерий не всегда бывает решающим и для суффиксации. Так, например, имеются малочастотные суффиксы или даже унификсы. Основанием для признания полусуффиксальности морфем являются прежде всего сдвиги в семантике одного из компонентов сложного слова в сторону деконкретизации, т. е. обобщения, выходящего за рамки его лексического значения в самостоятельном употреблении. Другим отличием деантропонимических полусуффиксов от суффиксов является ограниченность сферы стилевого функционирования первых. Продуктивные суффиксальные модели обычно проходят через все функциональные стили. Например, модель с суффиксом *-er* практически обслуживает все стилевые и стилистические области немецкого языка. Полусуффиксы же за редкими исключениями обслуживают сферу разговорной речи. Имеются также внутривалентные различия между суффиксальными и полусуффиксальными моделями. Присоединение суффиксов к производящей основе сопровождается нередко ее морфонологической деформацией (усечением, наложением, чередованием согласных или гласных корневой морфемы и т. п.), между тем как полусуффикс никоим образом не затрагивает формального облика производящей основы.

Итак, анализ словообразовательных потенций ИС показывает, что ИС характеризуются не только грамматической дефектностью, но и определенными словообразовательными особенностями, заключающимися в следующем. Антропонимы в качестве производящих основ непродуктивны в моделях с высокочастотными исконно немецкими аффиксами. В основном они сочетаются с иноязычными аффиксами. Личным именам свойственно весьма ограниченное межкатегориальное словопроизводство, и в этом смысле ИС обнаруживают противоположную словопроизводству ИН тенденцию, в рамках которого максимальная поляризация частей речи предполагает также высокую степень их взаимопроникновения в словообразовательном плане [29].

Префиксация как способ словообразования в системе ИС представлена лишь как исключение.

Антропонимы в качестве производящих основ служат базой обогащения терминологической лексики, в то время как деантропонимические полусуффиксы характеризуются совершенно иной стилистической направленностью: с их помощью образуются эмоционально насыщенные обозначения лиц, обслуживающие в основном сферу разговорной речи. Существуют различия между эндоцентрическим словообразованием антропонимов и межкатегориальным словопроизводством. При внутреннем словопроизводстве сохраняется тождество антропонимов в плане содержания, но очень велика степень варьирования в плане выражения.

Понятия «продуктивность» и «частотность» применительно к деантропонимическим полусуффиксам находятся в известном противоречии. Полусуффиксы продуктивны в разговорной речи, но в большинстве своем они малочастотны, т. е. слова, образованные с их помощью, образуют относительно небольшой класс.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Курилович Е.* Положение имени собственного в языке.— В кн.: *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.
2. *Уфимцева А. А.* Лексическая номинация (первичная нейтральная).— В кн.: Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977, с. 251.
3. *Булаховский Л. А.* Введение в языкознание. Ч. II. М., 1953, с. 102—103.
4. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М., 1967, с. 64.
5. *Топоров Н.* Из области теоретической топономастики.— ВЯ, 1962, № 6, с. 7.
6. *Ammann H.* Die menschliche Rede. Sprachphilosophische Untersuchungen. Lahr, 1925, S. 68.
7. *Лаптева О. Д.* Личные собственные имена с суффиксами «субъективной оценки» в современном русском языке.— Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1958, т. CXXXII, каф. русск. яз., вып. 8, с. 175.
8. *Fleischer W.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1976.
9. *Rössler R.* Eigennamen als Gattungsnamen.— Sprachpflege, 1967, №. 4.
10. *Schippan Th.* Einführung in die Semasiologie. Leipzig, 1972, S. 108.
11. *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М., 1973, с. 106—107.
12. *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960, с. 114.
13. *Степанова М. Д.* Словообразование современного немецкого языка. М., 1953.
14. *Павлов В. М.* Семантика имен собственных и их роль в словосложении в современном немецком языке.— Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1960, т. 217.
15. *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 18. Aufl. Berlin, 1960.
16. *Шанский Н. М.* Аффиксоиды в словообразовательной системе современного русского литературного языка.— В кн.: Исследования по современному русскому языку. М., 1970.
17. *Marchand H.* The categories and types of present-day English word-formation. Wiesbaden, 1960.
18. *Wellmann H.* Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. Bd. 2: Das Substantiv. Düsseldorf, 1975.
19. *Кубрякова Е. С.* Об относительно связанных и относительно свободных морфемах языка.— ВЯ, 1964, № 1.
20. *Кубрякова Е. С.* К вопросу о пространственном моделировании лингвистических систем.— ВЯ, 1967, № 2.
21. *Кубрякова Е. С.* К определению аффикса.— В кн.: Вопросы романо-германской филологии: Сб. научных трудов в честь проф. М. Д. Степановой. М., 1975.
22. *Andrjuschichina M. Bummelfritze — Bummelliese.* Ein produktives Wortbildungsmodell der deutschen Gegenwartssprache.— Sprachpflege, 1967, 16.
23. *Behaghel O.* Die deutsche Sprache. Halle (Saale), 1954, S. 113.
24. *Кондратьева Т. Н.* Собственные имена в пословицах, поговорках и загадках русского народа.— В кн.: Вопросы грамматики и лексикологии русского языка. Казань, 1964.
25. *Helbig G., Schenkel W.* Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. Leipzig, 1973, S. 14.
26. *Bergmann G.* Zur Theorie der Wortbildungsregeln (Der Typ «Heulsuse»).— Deutsch als Fremdsprache, 1971, S. 104.
27. *Willberg M.* Abgewertete Vornamen.— Muttersprache, 1965, № 11, S. 332.
28. *Кусдик А. М.* К вопросу о переходе имен собственных в имена нарицательные.— Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1959, т. 189, вып. 2, с. 167.
29. *Мурясов Р. З.* Словопроизводство и грамматические категории.— ВЯ, 1979, № 3, с. 61.
30. Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти т. М.— Л., 1950—1965.
31. Большой англо-русский словарь. В 2-х т. Под рук. Гальперина И. Р. М., 1972.
32. Большой немецко-русский словарь. В 2-х т. Под рук. Москальской О. И. М., 1969.
33. Англо-русский фразеологический словарь. В 2-х т. Сост.— Кунин А. В. М., 1967.
34. Немецко-русский фразеологический словарь. Сост. Бинович Л. Э. М., 1956.
35. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. Под рук. Степановой М. Д. М., 1979.
36. Фразеологический словарь русского языка. Под ред. Молоткова А. И. М., 1967.
37. Французско-русский словарь. Сост. Ганшина К. А. М., 1971.
38. Французско-русский фразеологический словарь. Под ред. Рецкера Я. И. М., 1963.
39. Webster's Third New International Dictionary. Springfield (Mass.), 1969.
40. *Wentworth H. and Flexner S.* Dictionary of American slang. New York, 1967.
41. Großes Fremdwörterbuch. Leipzig, 1977.
42. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Hrsg. von Klappenbach R. und Steinitz W. Bd. 1—6. Berlin, 1961—1978.
43. Dictionnaire Bordas. Paris — Bruxelles — Montréal, 1972.
44. Larousse. Dictionnaire du français contemporain. Paris, 1971.
45. *Küpper H.* Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Bd. 1—6. Hamburg und Düsseldorf, 1966—1970.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1982

ПАНФИЛОВ В. С.

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ ВО ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. Вопрос о категории времени во вьетнамском языке связан с функционированием слов đa^3, đang^1 (đu'o'ng^1), se^3, из которых последнее исследователи единодушно признают показателем будущего времени, тогда как грамматическая характеристика и первого, и второго вызывает разногласия[1]. Слово đang^1 рассматривается либо как показатель чисто видовой (продолженный вид) [5], либо как видо-временной (настоящее актуальное) [1, с. 64—65]. Наибольшие разногласия связаны, однако, с характеристикой слова đa^3, которое рассматривается либо как наречие со значением «уже» [9, с. 365—366], либо как показатель прошедшего времени [1, с. 63], либо, наконец, как чисто видовой показатель завершенности действия [11]. Что же касается категории времени как таковой, то здесь опять-таки наблюдается разнообразие подходов, начиная от отрицания этой грамматической категории во вьетнамском языке [6] и кончая распространением ее на любые слова и сочетания, способные выступать в предикативных функциях [2, с. 262]. Иногда особо подчеркивается, что времена во вьетнамском языке имеют относительный характер [2, с. 91; 1, с. 63].

Как известно, абсолютными временами принято называть времена, ориентированные на момент речи, и таких времен имеется только три. Относительными временами называют времена, ориентированные не на момент речи, а на какую-то другую точку отсчета. Понятно, что выделение того или иного времени, как абсолютного, так и относительного, в качестве грамматической категории возможно лишь при наличии соответствующего формального показателя. Если же один и тот же формальный показатель употребляется в одних случаях для обозначения абсолютного, в других — для обозначения относительного времени, то вопрос должен ставиться об исходном (не обусловленном контекстом) и производном (контекстуально обусловленном) значении данной грамматической формы. Единство грамматической формы, т. е. выводимость производных значений из значения исходного, обосновывается с помощью семантического инварианта, под которым понимается компонент значения, неизбежно присутствующий при любых употреблениях данного формального средства. Невозможность установить семантический инвариант свидетельствует о том, что мы имеем дело не с различными употреблениями одного и того же грамматического показателя, но с грамматической омонимией.

Сама по себе характеристика исходного, производного и инвариантного значений того или иного служебного слова еще не объясняет исчерпывающим образом всех особенностей его функционирования. Возможно, что именно исключительное внимание лишь к одной стороне вопроса — собственному значению показателя и лежит в основе распространенного мнения о факультативности служебных слов во вьетнамском языке и в других языках Юго-Восточной Азии. Согласно такому подходу, употребление служебного слова произвольно, если передаваемое им значение может быть легко установлено из контекста. Между тем, даже в контексте, из которого совершенно ясно вытекает значение, скажем, прошедшего времени, употребление соответствующего временного показателя может оказаться все-таки необходимым в силу требований как семантического (например, обоз-

[1] В статье принята следующая нумерация вьетнамских тонов: 1 — верхний ровный; 2 — верхний нисходящий (\); 3 — нисходяще-восходящий прерывистый (~); 4 — вопросительный (?); 5 — восходящий напряженный (/); 6 — тяжелый (·).

значение коммуникативной границы при актуальном членении), так и чисто формального характера (например, обозначение границы группы сказуемого). Произвольность в решении употребить или не употребить такой-то показатель оказывается ограниченной иногда довольно жесткими условиями формально-семантического характера. Эти условия мы будем, по мере необходимости, учитывать в дальнейшем изложении.

§ 2. Исходным значением служебного слова se^3 является обозначение абсолютного будущего: no^5 se^3 đên^5 «Он придет»; tôi^1 se^3 đoc^6 «Я буду читать»; tôi^1 se^3 biêt^5 điêu^2 đo^5 «Я узнаю это»; cây^1 nay^2 se^3 lo'n^5 «Это дерево будет большим». Как видно из примеров, категория будущего времени распространяется на все разряды предикатива: глаголы предельные и непредельные, глаголы не-действия, прилагательные. Такого положения вещей уже достаточно, чтобы отказаться от скептического отношения к категории времени во вьетнамском языке, ибо по меньшей мере противопоставление будущего и не-будущего выражено в нем вполне отчетливо.

Производное значение слова se^3 — будущее относительное, так что «следование» является инвариантным (чисто временным) значением этого слова.

Для служебного слова đang^1 исходным является значение настоящего актуального. Известно, что неоформленные непредельные глаголы обозначают вне контекста настоящее время, без разграничения настоящего узуального и настоящего актуального: tôi^1 hoc^6 tiêng^5 Viêt^6 «1) Я (вообще) учу вьетнамский язык; 2) Я (в данный момент) учу вьетнамский язык». Употребление đang^1 при непредельном глаголе однозначно решает вопрос в пользу настоящего актуального [ср. 1, с. 65]: Hiên^6 nay^1 chung^5 ta^1 đang^1 xây^1 du'ng^6 chu^4 nghia^3 xa^3 hôi^6 o'^{4} miên^2 Băc^5 (Hô^2 Chi^5 Minh^1) «Мы сейчас строим социализм на Севере»; Chung^5 đang^1 tran^2 ra^1, đang^1 di^1 đông^6, đang^1 ho^2 het^5, đang^1 hô^1 khâu^4 lênh^6 va^2 phât^5 co'^{2} (Nguyên^3 Minh^1 Châu^1) «Вот они наступают, маневрируют, орут, выкрикивают команды, машут флажками».

Неоформленные предельные глаголы могут иметь вне контекста либо перфективное значение, либо значение настоящего актуального: tôi^1 vê^2 nha^2 «1) Я вернулся домой (и сейчас нахожусь дома); 2) Я (в данный момент) возвращаюсь домой» [2]. Употребление đang^1 при предельном глаголе однозначно решает вопрос в пользу второго из этих значений: Bây^1 gio'^{2}, chăc^5 anh^1 Hiêu^5 đang^1 bu' o' c^5 xuông^5 thang^1 may^5 bay^1 («Văn^1 hoc^6») «Сейчас Хиеу, конечно, спускается по трапу самолета»; Môt^6 kho^5 khăn^1 nu'a^3 cua^4 cac^5 nu'o' c^5 Tây^1 Âu^1 la^2 ho^6 đang^1 găp^6 phai^4 su'^{6} canh^6 tranh^1 ngay^2 cang^2 gay^1 găt^5 cua^4 My^3 trên^1 thi^6 tru' o' ng^2 tiêu^1 thu^6 dâu^2 lu'a^4 («Thông^5 nhât^5») «Еще одна трудность стран Западной Европы состоит в том, что они сталкиваются со все более ожесточенной американской конкуренцией на нефтяном рынке».

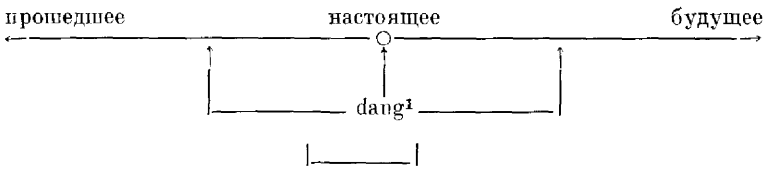
Прилагательные вне контекста лишены двусмысленности, они обозначают более или менее постоянный признак предмета, поэтому для них не характерна, хотя и не исключена, сочетаемость с đang^1: Bac^5 kê^4 chuyên^6 tinh^2 hinh^2 bên^1 ngoai^2, tho'i^2 co'^{1} bên^1 ngoai^2 cung^3 đang^1 lo' i^6 cho^1 ta^1 (Vo^3 Nguyên^1 Giap^5) «Дядя рассказал и о внешнеполитической обстановке, она (сейчас) также выгодна для нас». Что же касается глаголов не-действия, то часть из них в семантическом плане приближается к прилагательным, обозначая более или менее постоянное свойство субъекта (tôi^1 biêt^5 tiêng^5 Viêt^6 «Я знаю вьетнамский язык»), тогда как другие напоминают, скорее, непредельные глаголы (tôi^1 buôn^2 «Мне грустно»). Именно глаголы не-действия второго типа свободно сочетаются с đang^1: A^2...tôi^1 đang^1 buôn^2 (H'u^3 Mai^1) «Да... мне (сейчас) грустно»; Thu^4 tru'o'ng^4 tôi^1 đang^1 muôn^5 găp^6 cac^5 anh^1 dây^5 (Ngô^1 Doan^3 Hanh^1) «Мой командир (сейчас) хочет встретиться с вами!»

---

[2] Необходим контекст, чтобы предельный глагол приобрел значение настоящего узуального, например: ngay^2 nao^2 tôi^1 cung^3 vê^2 nha^2 rât^5 so'm^5 «Каждый день я рано возвращаюсь домой».

Производное значение đang[1] — обозначение длящегося действия или состояния, одновременного какой-либо точке отсчета (другому действию или состоянию, моменту речи в прошлом или будущем): Hai[1] ngu'o'i[2] đang[1] noi[5] chuyên[6] thi[2] Nghi[6] vê[2] (Bui[2] Đu'c[5] Ai[5]) «Во время их беседы вернулся Нги»; Cach[5] hai[1] ba[1] năm[1] nay[1], ông[1] co[5] cho[1] tôi[1] biêt[5] ông[1] đang[1] tra[1] cu'u[5] su'u[1] tâm[2] cac[5] tai[2] liêu[6] đê[4] lam[2] bô[6] «Viêt[6]-nam[1] cô[4] văn[1]su'[4]» (Nguyên[3] Đông[4] Chi[1]) «Года два-три назад он сообщил мне, что просматривает и собирает материалы для „Истории древней вьетнамской литературы"».

Для выяснения инвариантного значения đang[1] рассмотрим отрицательные конструкции, соответствующие утвердительному высказыванию с с участием этого слова. Так, например, конструкции no[5] đang[1] đi[1] «Он (сейчас) идет» соответствуют две отрицательные формы: 1) no[5] chu'a[1] đi[1] «Он еще не идет»; 2) no[5] không[1] con[2] đi[1] nu'a[3] «Он уже не идет» [7]. Первая из этих отрицательных форм означает, что действие еще не началось, вторая — что оно больше не продолжается, и таким образом значение đang[1] сводится к ограничению действия некоторым временным отрезком. Последний, подобно английским формам Continuous, допускает перенос в любой временной план, что наглядно можно представить следующим образом:



Итак, инвариантное значение đang[1] — чисто видовое, а все остальные значения возникают в результате отнесения видового инварианта к тому или иному временному плану. В частности, настоящее актуальное есть результат наложения видового значения đang[1] на момент речи.

Инвариантное (чисто видовое) значение đang[1] особенно ярко проявляется при описании ситуаций, вообще лишенных временной локализованности: Giu'a[3] nhu'ng[3] ngay[2] cuôc[6] sông[5] đang[1] vo'[3] ra[1] đê[4] đôi[4] thay[1], trai[5] tim[1] con[1] ngu'o'i[2] co'[1] chu'ng[2] cung[3] đang[1] vo'[3] ra[1] bo'i[4] niêm[2] vui[1] mo'i[5] me[4] va[2] nôi[3] đau[1] cu[3] (Nguyên[3] Minh[1] Châu[1]) «В дни, когда жизнь ломается в преддверии обновления, сердце человеческое словно бы разрывается, переполненное старыми горестями и новыми надеждами».

Видовой инвариант значения đang[1] обеспечивает этому служебному слову и возможность сочетания с тем или иным временным показателем: Bo'i[4] vi[2] chung[5] tôi[1] đa[3] co[5] hen[6] tru'o'c[5], nên[1] luc[5] ây[5] anh[1] Truc[5] đa[3] đu'o'ng[1] vo'[1] vân[4] đon[5] tôi[1] o'[4] chô[3] dâu[2] ngo[3] (Ngô[1] Tât[5] Tô[5]) «Поскольку мы договорились заранее, Чук в тот момент безмятежно поджидал меня у начала дорожки».

На основании изложенного нетрудно заметить, что при описании служебного слова đang[1] исследователи, не формулируя этого в явном виде, фактически учитывали только какое-нибудь одно из его значений: либо исходное [1, с. 65], либо инвариантное [5], либо ту или иную разновидность производного [3].

§ 3. Рассмотрим исходные значения слова đa[3], которое обычно переводится наречием «уже» (о степени адекватности этого перевода см. ниже).

Во вьетнамском языке имеется несколько наречий, обозначающих предшествование, что вне контекста сводится к предшествованию моменту речи: tu'ng[2] «некогда, когда-то», vu'a[2] «недавно», mo'i[5] «только что». Первое из этих наречий означает, что действие отделено от момента речи значительным промежутком времени, иначе говоря, речь идет о далеком прошлом: Viêt[6] Nam[1] tu'ng[2] trai[4] qua[1] giai[1] đoan[6] nguyên[1] thuy[4] «Вьетнам когда-то прошел через первобытную формацию». Vu'a[2] «недавно» означает, что действие отделено от момента речи небольшим промежутком времени, т. е. речь идет о близком прошлом: Tôi[1] vu'a[2] xem[1] phim[1] nay[2] «Я недавно смотрел этот фильм». Наконец, наречие mo'i[5] «только что» имеет значение, которое можно было бы назвать перфективным: действие имело место в

самой непосредственной близости от момента речи, так что результаты действия «актуальны», дают себя знать в момент речи [10]: No^5 mo'i^5 vao^2 phong^2 «Он только что вошел в комнату».

Как видим, каждое из перечисленных наречий, обозначая вне контекста предшествование моменту речи, вместе с тем указывает и длину отрезка времени, отделяющего действие от момента речи. Этот отрезок времени оценивается по трехступенчатой шкале: длительный—недлительный—предельно краткий. Если мы присоединим к рассмотренным наречиям еще и đa^3, проанализировав на их фоне значение этого слова, то окажется, что đa^3 обозначает начало действия, состояния, признака до момента речи, но никак не характеризует длину отрезка времени между этим началом и моментом речи, являясь в этом отношении как бы немаркированным членом оппозиции. Сочетания с đa^3 могут соответствовать любому из перечисленных выше значений: «когда-то», «недавно», «только что», но коль скоро само по себе đa^3 не выражает однозначно ни одного из них, сочетания этого слова с предикативом обозначают в большей или меньшей степени (в зависимости от подкласса предикатива) осложненный видовыми оттенками претерит, частные значения которого варьируются от видо-временного перфекта до чисто временного имперфекта.

Видо-временные значения đa^3, которые можно охарактеризовать как разновидности перфекта, реализуются в сочетаниях этого слова со всеми подклассами предикатива. Так, в сочетании с прилагательными đa^3 обозначает становление признака («сделаться таким-то»), причем сам процесс начался и происходил до момента речи, а в момент речи представлен уже результат этого процесса: Bây^1 gio'^{2} cây^1 đa^3 lo'n^5 (Thach^6 Lam^1) «Теперь дерево стало большим»; Môi^1 em^1 đa^3 khô^1 (Đăng^6 Thanh^1) «Губы мальчика пересохли». В первом примере имеется в виду, что в момент речи дерево — большое. Идея типа «Это дерево было большим» естественнее всего передается по-вьетнамски описательно, с помощью подходящего по смыслу обстоятельства времени, например: tru'o'c^5 kia^1 cây^1 nay^2 rât^5 lo'n^5 «Раньше это дерево было большим».

Выше, иллюстрируя употребление предельных глаголов примером tôi^1 vê^2 nha^2 «1) Я вернулся домой (и нахожусь дома); 2) Я (в данный момент) возвращаюсь домой», мы констатировали, что служебное слово đang^1 однозначно решает вопрос в пользу второго значения. Теперь можно добавить, что đa^3 однозначно решает вопрос в пользу первого, т. е. перфективного значения: Gio'^{2} giai^4 phong^5 đa^3 đ̀n^5 (Hô^2 Chi^5 Minh^1) «Час освобождения настал»; Thât^6 la^2 minh^2 đa^3 pham^6 môt^6 tôi^6 lo'n^5 (Ngô^1 Tât^5 Tô^5) «Поистине я совершил большой проступок».

Таким образом, в сочетаниях đa^3 с прилагательными эксплицитно обозначается присутствующий в момент речи результат, а предшествовавшее моменту речи действие подразумевается. В сочетаниях же đa^3 с предельными глаголами, наоборот, эксплицитно обозначается предшествовавшее моменту речи действие, тогда как результат этого действия, налагающийся на момент речи, только подразумевается.

Сочетания đa^3 с непредельными глаголами вне контекста двусмысленны, однако два значения разграничиваются в отрицательных формах. Так, конструкция no^5 đa^3 đi^1 может означать: 1) «Он шел» — отрицательная форма: no^5 đa^3 không^1 đi^1 «Он не шел»; 2) «Он пошел (и сейчас идет)»— отрицательная форма: no^5 chu'a^1 đi^1 «Он еще не пошел» [7]. Первое значение — чисто временное (имперфект): длительное действие целиком предшествует моменту речи. Второе следует, конечно, рассматривать как как видо-временное: начало действия предшествует моменту речи, тогда как само действие налагается на момент речи [ср. 1, с. 63]. Иными словами, при втором значении, как и в сочетаниях đa^3 с прилагательными, эксплицитно обозначается присутствующий в момент речи результат.

Мы уже отмечали, что разряд глаголов не-действия не вполне однороден: одни из них тяготеют к прилагательным, другие — к непредельным глаголам. Соответственно первые ведут себя в сочетаниях с đa^3 как прилагательные, обозначая свойство субъекта как результат действия или состояния, начавшегося до момента речи: Đo'i^2 tôi^1 thê^5 nao^2, ông^1 đa^3

biêt^5 ro^3 (Ngô^1 Tât^5 Tô^5) «Какова моя жизнь — Вы теперь узнали»; Thê^5 la^2 chung^5 tôi^1 đa^3 hiêu^4 tât^5 ca^4 (Sang^5 Lô^1) «Наконец-то мы все поняли».

Глаголы не-действия, тяготеющие к глаголам непредельным, обнаруживают в сочетаниях с đa^3 способность выражать как перфективное, так и имперфективное значение при возможности дифференцировать эти значения с помощью отрицательных форм. Сравним два следующих примера: Thê^5 thi^2 hong^4 to^1 rôi^2! Cô^1 ây^5 đa^3 co^5 ngu'o'i^2 yêu^1 rôi^2 (Đăng^6 Thanh^1) «Тогда плохи Ваши дела! У нее уже есть жених!» (co^5 «иметь», đa^3 co^5 «заполучить», а не «иметь в прошлом»; значение «уже» возникает за счет слова rôi^2 — см. ниже); Chung^5 tôi^1 rât^5 ân^1 hân^6 la^2 đa^3 chu'a^1 co^5 y^5 thu'c^5 trach^5 nhiêm^6 đây^2 đu^4 đôi^5 vo'i^5 công^1 viêc^6 chung^1, dê^3 dang^2 thông^1 qua^1 viêc^6 bâu^2 hăn^5 lam^2 tô^4 tru'o'ng^4 dân^1 phô^5. «Мы сожалеем, что у нас еще не было должной ответственности за общее дело, и мы легкомысленно выбрали этого человека старостой квартала [3]. Если исходить из значения «уже», обычно приписываемого слову đa^3, то в последнем примере невозможно объяснить одновременное употребление đa^3 с прямо противоположным по значению словом chu'a^1 «еще не». Все дело в том, что đa^3 в последнем примере является показателем имперфекта, и если это слово опустить, вся ситуация окажется перенесенной в план настоящего времени: «Мы сожалеем, что у нас еще нет должной ответственности...». Грамматически конструкция chung^5 tôi^1 đa^3 chu'a^1 co^5 y^5 thu'c^5 trach^5 nhiêm^6 «У нас еще не было должной ответственности» — то же самое, что рассмотренная выше конструкция no^5 đa^3 không^1 đi^1 «Он не шел».

§ 4. Чисто временное (имперфективное) значение đa^3 не допускает переноса в план настоящего или будущего времени. Это, в частности, означает, что в соответствующем высказывании не может находиться обстоятельство, обозначающее момент времени в настоящем или будущем, тогда как обстоятельство со значением момента времени в прошлом, разумеется, возможно и не приводит к каким-либо семантическим сдвигам в значении имперфекта. Рассмотрим для примера имперфективное значение высказывания tôi^1 đa^3 hoc^6 tiêng^5 Viêt^6 «Я учил вьетнамский язык». В этом высказывании описывается ситуация, имевшая место до момента речи. Однако «до момента речи» — очень широкое понятие, и оно может быть конкретизировано при помощи обстоятельства: năm^1 1960 tôi^1 đa^3 hoc^6 tiêng^5 Viêt^6 «В 1960 году я учил вьетнамский язык». Обстоятельство в данном случае только уточняет момент речи в прошлом (точнее — до момента речи), не привнося никаких дополнительных значений к имперфекту как таковому, что характерно при выражении чисто временных значений — ср. употребление чисто временного показателя будущего se^3: tôi^1 se^3 hoc^6 tiêng^5 Viêt^6 «Я буду учить вьетнамский язык»; năm^1 sau^1 tôi^1 se^3 hoc^6 tiông^5 Viêt^6 «В будущем году я буду учить вьетнамский язык».

Иначе обстоит дело при видо-временных (перфективных) значениях đa^3. В этих случаях наличие в высказывании обстоятельства со значением момента времени (настоящего, прошедшего, будущего) приводит к тому, что точкой отсчета времени становится уже не момент речи, а соответствующее обстоятельство: năm^1 ngoai^5 tôi^1 đa^3 sang^1 Lê^1-nin^1-grat^5 «В прошлом году я приехал в Ленинград» — результат этого действия, т. е. «находиться в Ленинграде», приходился именно на прошлый год, а сейчас, в момент речи, я могу и не находиться в Ленинграде. Аналогично следует рассматривать и случаи употребления видо-временного đa^3 с обстоятельствами, обозначающими момент в будущем. Возьмем пример авторов «Грамматики вьетнамского языка»: năm^1 sau^1 anh^1 ây^5 đa^3 tôt^5 nghiêp^6 đai^6 hoc^6 «В будущем году он окончит институт» [1, с. 63] — результат действия «окончить» будет иметь место в будущем году. Еще пример: Chu' a^1 chăc^5 chiêu^2 thu'^{5} hai^1 đa^3 bắt^5 đu' o' c^6 hung^1 thu^4 (Thê^5 Lu'^{3}) «Не уверен, успею ли к понедельнику схватить преступника».

Производные значения перфективного đa^3 можно, пользуясь терминами английской грамматики, охарактеризовать как Past Perfect и Future

[3] С этим примером автора познакомили И. С. Быстров и Н. В. Станкевич.

Perfect, а его инвариантное значение следует понимать как предшествование и результативность. Соответственно инвариантным значением имперфективного đa³ является чисто временное значение предшествования.

Можно полагать, что встречающиеся в литературе разногласия по поводу грамматической природы đa³ объясняются тем, что значение đa³ в сочетании с тем или иным оказавшимся в поле зрения исследователя подклассом предикатива принимается за значение этого слова вообще, в сочетании с любым предикативом. Когда же специально подчеркивается относительность временного значения đa³, то фактически имеется в виду предшествование как один из компонентов инвариантного значения đa³ в сочетании с предельными глаголами [1, с. 63]. Другой семантический компонент инвариантного значения перфективного đa³ — результативность — фактически имеется в виду при интерпретации этого слова как чисто видового показателя [11].

В связи с изложенным возникает вопрос, в какой мере соответствует действительности часто приписываемое слову đa³ значение «уже».

Значение «уже» (при отсутствии в высказывании второстепенных членов с количественным значением) может быть истолковано как наступление того, что ожидалось, и таким образом состоит из двух семантических компонентов, которые можно условиться называть «наступление» (объективная характеристика) и «ожидание» (субъективная оценка). «Он уже пришел» означает, что его прихода ждали, и вот этот приход осуществился. Понятно, что это высказывание невозможно о приходе человека, которого никто не ждал, так как в такой ситуации нет оснований для утверждения идеи «ожидания».

Наличие в высказывании обстоятельства со значением момента времени конкретизирует идею «ожидания», так что «уже» начинает обозначать опережение предполагавшегося срока. «В три часа он уже пришел» означает, что его ожидали позже, поэтому можно сказать «Его ожидали в пять, но в три часа он уже пришел» при семантически неправильном «Его ожидали в час, но в три часа он уже пришел».

Обстоятельство времени со значением длительности, как и другие второстепенные члены, выраженные сочетаниями «числительное + существительное», также несколько видоизменяет значение наречия «уже»: оно начинает обозначать превышение предполагавшегося количества. В высказывании «Он работает уже три дня» содержится намек на то, что предполагался меньший срок работы. Ср.: «Он работает уже три дня вместо одного положенного» при семантически неправильном «Он работает уже три дня вместо пяти».

Как можно было видеть из представленного выше анализа, đa³ в сочетании с предикативами не содержит никакой субъективной оценки в плане «ожидания». Иначе говоря, из двух семантических компонентов наречия «уже» в значении đa³ (при употреблении с предикативами) можно усмотреть только компонет «наступление». Положение вещей не меняется и при наличии в высказывании обстоятельства со значением момента времени, поскольку đa³, не обладая способностью сочетаться с обстоятельствами такого типа, продолжает при этом обслуживать предикатив.

Đa³ может иметь значение «уже», обслуживая слова и словосочетания, не выступающие в предикативных функциях. Таковы дополнения и обстоятельства с количественным значением, которые, как правило, выражаются сочетаниями «числительное + существительное». Рассмотрим употребление đa³ при обстоятельствах, обозначающих длительность во времени.

Интересующие нас обстоятельства имеют различное значение при непредельных и предельных глаголах: tôi¹ lam² viêc⁶ hai¹ ngay² «Я работаю два дня»: tôi¹ đên⁵ Lê¹-nin¹-grat⁵ hai¹ ngay² «Я приехал в Ленинград на два дня». Употребление đa³ перед обстоятельством, относящимся к непредельному глаголу, действительно будет означать намек на превышение предполагавшегося срока, так что в данном случае перевод đa³ с помощью русского наречия «уже» можно считать адекватным: tôi¹ lam⁶ viêc⁶ đa³ hai¹ ngay² «Я работаю уже два дня». Что же касается употребления đa³ при обстоятельстве, относящемся к глаголу предельному, то основная функция đa³

сводится при этом к изменению значения самого обстоятельства, так что субъективная оценка времени отступает на задний план и может стать более или менее отчетливой лишь при наличии специальных условий, например, при корреляции đa^3 с каким-нибудь другим наречием: Ср.: tôi^1 đên^5 Lê^1-nin^1-grat^5 đa^3 hai^1 ngay^2 «Я приехал в Ленинград два дня назад»; Thât^6 ra^1 con^1 trâu^1 bi^6 băt^5 mo'i^5 môt^6 ngay^2, nhu' ng^1 ông^1 thây^5 nhu'^{1} đa^3 lâu^1 lăm^5 (Nguyên^3 Văn^1 Bông^4) «На самом деле буйвола забрали всего какой-то день назад, но хозяину казалось, что уже давным-давно».

Значение «уже» может передаваться также при помощи слова rôi^2, которое всегда находится в постпозиции к обслуживаемому члену предложения: Chau^4 ngu^1 rôi^2 (Nguyên^3 Thanh^1) «Ребенок уже спит!». В литературе был отмечен, хотя и не получил должного объяснения, факт частой совместной встречаемости đa^3 и rôi^2 [9, с. 365]. С учетом вышеизложенного при объяснении этого явления следует рассмотреть по-отдельности: во-первых, совместное употребление видо-временного đa^3 и слова rôi^2 «уже»; во-вторых, «конкуренцию» rôi^2 «уже» и наречия đa^3 с тем же самым значением.

Совместное употребление видо-временного đa^3 и слова rôi^2 «уже» определяется чисто семантическими факторами. Сравним: cây^1 đa^3 lo'n^5 «Дерево выросло»; cây^1 lo'n^5 rôi^2 «Дерево уже большое»; cây^1 đa^3 lo'n^5 rôi^2 «Дерево уже выросло». Разумеется, различие в значениях видо-временного đa^3 и rôi^2 «уже», проиллюстрированное примерами с прилагательным, остается в силе и при употреблении этих слов с другими разрядами предикатива.

Совместное употребление rôi^2 «уже» и наречия đa^3 с тем же значением в ряде случаев также объясняется причинами чисто семантического характера. Rôi^2 «уже» может выступать в качестве «восполнителя» субъективной оценки, когда этот компонент значения đa^3 почему-либо отходит на второй план, как, например, в рассмотренных выше сочетаниях đa^3 с обстоятельством времени при предельных глаголах: Ср. tôi^1 đên^5 Lê^1-nin^1-grat^5 đa^3 hai^1 ngay^2 «Я приехал в Ленинград два дня назад»; tôi^1 đên^5 Lê^1-nin^1-grat^5 đa^3 hai^1 ngay^2 rôi^2 «Я приехал в Ленинград уже два дня назад».

Основной фактор, определяющий исход «конкуренции» между rôi^2 «уже» и наречием đa^3 с таким же значением,— актуальное членение предложения. Дело в том, что слово rôi^2 «уже» не участвует в обозначении актуального членения, тогда как đa^3 «уже», помещаясь перед дополнением или обстоятельством, указывает, что соответствующий член предложения исчерпывает собой состав «нового». Высказывание tôi^1 lam^2 viêc^6 đa^3 hai^1 ngay^2 «Я работаю уже два дня» в плане актуального членения распадается на состав «данного» tôi^1 lam^2 viêc^6 «Я работаю» (ситуация, известная собеседникам) и состав «нового» đa^3 hai^1 ngay^2 «уже два дня». Если же коммуникативная установка говорящего состоит в том, чтобы, выразив идею «уже», не обозначать при этом явным образом коммуникативный статус обстоятельства или дополнения, то придется вместо наречия đa^3 употребить не участвующее в обозначении актуального членения слово rôi^2: tôi^1 lam^2 viêc^6 hai^1 ngay^2 rôi^2 «1) Я уже работаю два дня (состав "нового,, совпадает с группой сказуемого); 2) Я работаю уже два дня (состав „нового" совпадает с обстоятельством времени)». В последнем примере актуальное членение, не выраженное формально, устанавливается на основе получаемых из контекста семантических данных (подробнее см. [4]).

Выражая субъективную оценку количества и участвуя в актуальном членении, наречие đa^3 «уже» не имеет, конечно, значения для денотативной отнесенности высказывания. Рассмотрим в связи с этим два примера, которые анализирует Нгуен Ким Тхан: 1) Tôi^1 đi^1 Phap^5 đa^3 ho'n^1 bôn^5 thang^5 «Я еду во Францию уже более четырех месяцев»; 2) Mây^5 anh^1 can^5 bô^6 đi^1 đa^3 xa^1 «Несколько работников отошли уже далеко» [8, с. 180].

В соответствии с разъяснением Нгуен Ким Тхана, значение первого из этих примеров состоит в том, что «время, которое прошло от начала моей поездки во Францию — более четырех месяцев», и если в этом примере опустить đa^3, то общий смысл высказывания станет следующим: «Время, в течение которого я ехал во Францию и находился там — более четырех месяцев» [8, с. 181]. Однако на самом деле опущение đa^3 будет иметь последствия как семантические (исчезнет субъективая оценка количества

времени), так и формальные (исчезнет обозначение границы состава «нового» перед обстоятельством), не затрагивая при этом денотативной отнесенности сочетания đi[1] Phap[5], которое, в силу его семантической расплывчатости, можно понять по-разному: «ехать во Францию», «находиться на пути во Францию», «совершать путешествие во Францию» — вопрос о том, в какой мере действие происходит на территории Франции, как и вопрос о времени действия, остаются открытыми.

Значение второго примера, в соответствии с разъяснением Нгуен Ким Тхана, состоит в том, что «расстояние, которое работники прошли — большое», тогда как при опущении đa[3] высказывание будет означать: «Несколько работников отправились в дальние края» [8, с. 181]. Строго говоря, в данном случае опущение đa[3] поведет к двусмысленности высказывания: оно может значить либо «Несколько работников отошли далеко», либо «Несколько работников отправились в дальние края». Объясняется эта двусмысленность особенностями слова xa[1], которое обычно имеет значение «далекий», но употребляясь просубстантивно, приобретает значение «далекие места, дальние края». Непосредственное примыкание этого слова к глаголу не позволяет однозначно решать вопрос, является ли оно дополнением со значением места или обстоятельством с количественным значением. Понятно, что наличие đa[3] «уже» однозначно решает вопрос в пользу последней интерпретации, т. к. наречие đa[3] не может непосредственно сочетаться с существительным.

Как видим, иллюзия влияния наречия đa[3] «уже» на денотативную отнесенность высказывания возникает исключительно за счет семантической неопределенности или даже двусмысленности тех или иных компонентов высказывания. При семантической однозначности компонентов высказывания для подобной иллюзии просто не остается места.

§ 5. Рассмотрим специально важнейшие формально-семантические факторы, ограничивающие факультативность видо-временного đa[3]. Здесь следует различать два основных случая: употребление видо-временного đa[3] при предикативе, который является единственным сказуемым в предложении, и употребление этого служебного слова в «цепочке» сказуемых. В обоих случаях чисто формальная сторона дела состоит в том, что видо-временное đa[3] обозначает границу группы сказуемого. Необходимость формально обозначить границу группы сказуемого, в свою очередь, определяется требованиями актуального членения, но характер этих требований индивидуален для каждого из вышеупомянутых случаев.

Употребление đa[3] при предикативе — единственном сказуемом предложения, независимо от того, позволяет ли контекст определить временной план действия, становится неизбежным, если тот или иной второстепенный член предложения необходимо лишить коммуникативной самостоятельности, включив его в состав «нового», совпадающий с группой сказуемого: Viêc[6] chông[5] công[6] o'[4] Viêt[6] Nam[1] đa[3] do[1] ngu'o'i[2] My[3] chinh[5] thu'c[5] giup[5] đo'[3] (Đăng[6] Thanh[1]) «Антикоммунизм во Вьетнаме пользовался официальной поддержкой со стороны Америки» (русский перевод может дать основания рассматривать «со стороны Америки» как состав «нового»; точнее, но хуже стилистически было бы: «... со стороны Америки пользовался официальной поддержкой». Ср.: Viêc[6] chông[5] công[6]... la[2] do[1] ngu'o'i[2] My[3] chinh[5] thu'c[5] giup[5] đo'[3] «Антикоммунизм... пользовался поддержкой (именно) со стороны Америки»); Nhu'ng[1] vo'i[5] mây[5] năm[1] cuôi[5] the[5] ky[4], thi[2] môt[6] luông[2] tu'[1] tu'o'ng[4] mo'i[5] ôn[2] ao[2], dao[2] dat[6] đa[3] tu'[2] Trung[1]-hoa[1] tran[2] sang[1] nu'o'c[5] ta[1] (Đăng[6] Thai[1] Mai[1]) «Но к концу века новое идеологическое течение, бурное и мощное, из Китая хлынуло к нам».

Конструкции с несколькими глагольными сказуемыми (как минимум — двумя) могут иметь следующие оформления: V_1V_2 (нулевое оформление) V_1 đa[3] V_2, đa[3] V_1V_2, đa[3] V_1 đa[3] V_2.

Нулевое оформление является обязательным при описании динамической ситуации («вскочил, подбежал к двери, выбежал на улицу...»), употребление đa[3] в таком контексте невозможно. Каждый из глаголов, участвующих в описании динамической ситуации, приобретает аористическое значение: Sau[1] đo[5] thân[2] Giong[5] đôi[6] non[5] câm[2] gu'o'm[1] nhay[4] lên[1]

minh^2 ngu'a^6 (Nguyên^3 Đông^4 Chi^1) «Затем богатырь Зонг надел шляпу, взял меч и вскочил на коня».

Оформления đa^3 V_1V_2 и đa^3 V_1 đa^3 V_2 взаимосвязаны: сама по себе необходимость употребления đa^3 перед первым глаголом определяется изложенными выше формально-семантическими соображениями, а возможность повтора đa^3 перед вторым глаголом — соображениями стилистическими. В приводимых ниже примерах đa^3 перед вторым глаголом вполне может быть опущено: Cac^5 vua^1 Trân^2 đa^3 nhin^2 thây^5 tai^2 năng^1 cua^4 Khăc^5 Chung^1 va^2 đa^3 cho^1 Khăc^5 Chung^1 o'^{4} bên^1 minh^2 đê^4 hoi^4 han^1 moi^6 viêc^6 («Nghiên^1 cu'u^5 lich^6 su'^{4}») «Императоры династии Чэн заметили способности Кхак Чунга и приблизили его к себе, чтобы советоваться по разным делам»; Trong^1 hai^1 năm^1 nay^1, Thai^5-binh^2 đa^3 cô^5 găng^5 phat^5 triên^4 san^4 xuât^5 thu' c^6 hiên^6 thâm^1 canh^1 va^2 đa^3 đat^6 năng^1 suât^5 trên^1 5 tân^5 lua^5 môt^6 hec^5-ta^1 trong^1 toan^2 tinh^4 (Hô^2 Chi^5 Minh^1) «В течение двух последних лет провинция Тхайбинь старалась развивать производство, осуществлять интенсификацию сельского хозяйства и добилась в масштабе всей провинции урожайности риса свыше 5 т. с гектара».

Оформление V_1đa^3V_2 своеобразно в том отношении, что не только выражает видо-временное значение второго сказуемого, но и выделяет это сказуемое в качестве коммуникативно наиболее важной части в составе «нового», тем самым определяя первое сказуемое в качестве второстепенного.

Вообще второстепенное сказуемое во вьетнамском языке имеет свою типичную позицию — перед подлежащим. При этом второстепенное сказуемое оказывается выведенным из актуального членения предложения: не входя в состав ни «данного», ни «нового», оно поясняет предложение в целом. В семантическом плане второстепенное сказуемое специализировано на обозначении относительного времени. Независимо от времени основного сказуемого, второстепенное сказуемое, выраженное глаголом предельным, обозначает действие, предшествующее основному сказуемому: măc^6 ao^5, tôi^1 ra^1 (đa^3 ra^1, se^3 ra^1) khoi^4 nha^2 «Одевшись, я выхожу (вышел, выйду) из дома». Непредельный глагол в функции второстепенного сказуемого обозначает действие, одновременное основному: đi^1 cho'i^1 thuyên^2, tôi^1 ngăm^5 (đa^3 ngăm^5, se^3 ngăm^5) hô^2 «Катаясь в лодке, я любуюсь (любовался, буду любоваться) озером». Второстепенное сказуемое, выраженное глаголом не-действия, обозначает более или менее постоянный признак, на фоне которого имеет место ситуация, выраженная основным сказуемым: hiêu^4 nhiêu^2 vê^2 văn^1 hoc^6, no^5 co^5 thê^4 (đa^3 co^5 thê^4, se^3 co^5 thê^4) kê^4 lai^6 nhiêu^2 chuyên^6 hay^1 «Хорошо разбираясь в литературе, он может (смог, сможет) рассказать много интересного».

При оформлении V_1 đa^3 V_2 сохраняются все семантические особенности второстепенного сказуемого, но его участие в актуальном членении меняется — оно становится менее важным компонентом в составе «нового»: Tôi^1 tho^2 đâu^2 qua^1 cu' a^4 phu^6 đa^3 thây^5 ngon^6 lu'a^4 o'^{4} môt^6 chiêc^5 xe^1 nao^2 đo^5 bung^2 lên^1 cao^1 (Pham^6 Thi^6 Thanh^1 Thuy^4) «Я, высунув голову из окна, увидел высокое пламя на какой-то машине»; So'n^1 đu'ng^5 trên^1 giu' o'ng^2 tru'o' c^5 măt^6 me^6, đa^3 quay^1 đi^1 quay^1 lai^6 ba^1 bôn^5 lân^2 đê^4 me^6 So'n^1 ngăm^5 ao^5 (Thach^6 Lam^1) «Шон, стоя на кровати перед матерью, повернулась несколько раз, давая матери полюбоваться одеждой»; Chông^2 so'^{6} lăm^5, đa^3 toan^1 đu'a^1 bac^6 tiên^2 ra^1 lê^3 thât^6 (Nguyên^3 Văn^1 Ngoc^6) «Муж, страшно испугавшись, решил выложить деньги на подношение».

При оформлении V_1 đa^3 V_2 перед второстепенным сказуемым могут находиться те или иные наречия, образующие семантическую корреляцию с đa^3: chu'a^1 ... đa^3... «еще не... как...», vu'a^2... đa^3... «едва... как...», mo'i^5... đa^3... «только лишь... как ...». Все эти наречия не изменяют грамматического статуса второстепенного сказуемого, в частности, сохраняется существенный формальный признак этого члена предложения — возможность инверсии в позицию перед подлежащим: Nhu'ng^1 tia^1 hy^1 vong^6 vu'a^2 loe^5 lên^1 đa^3 vut^6 tan^1 biên^5 (Trân^2 Duy^1 Manh^6) «Но луч надежды, едва вспыхнув, сразу погас» (ср.: Nhu'ng^1 vu'a^2 loe^5 lên^1, tia^1 hy^1 vong^6 đa^3 vut^6 tan^1 biên^5 «Но, едва вспыхнув, луч надежды сразу погас»).

Перед второстепенным сказуемым, независимо от его позиции, могут быть употреблены слова khi[1] «когда» или luc[5] «когда», оформляющие придаточные предложения времени. Если подлежащее придаточного предложения совпадает с подлежащим главного, то остаются в силе изложенные выше правила употребления видо-временного đa[3]. При несовпадении подлежащих главного и придаточного предложений вопрос об употреблении видо-временных показателей должен быть рассмотрен особо, что выходит за рамки данной статьи.

Подведем итоги. Служебные слова đa[3], đang[1], se[3] являются показателями видо-временных значений, среди которых совпадающее с моментом речи настоящее актуальное и отделенное от момента речи будущее противостоят немаркированному в этом отношении прошедшему, которое может обозначать как полное разъединение с моментом речи, так и частичное совпадение с ним.

На все разряды предикатива распространяется чисто временное противопоставление будущего и не-будущего. Не-будущее включает видо-временные категории настоящего актуального и перфекта, которые также охватывают все разряды предикатива. Если считать дифференциацию отрицательных форм достаточным формальным признаком для выделения временной категории, то к противопоставлению настоящего актуального, перфекта и будущего следует, в сфере глаголов непредельных и некоторых глаголов не-действия, добавить четвертую, чисто временную категорию — имперфект.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Быстров И. С., Нгуен Тай Кан, Станкевич Н. В.* Грамматика вьетнамского языка. Л., 1975.
2. *Быстров И. С., Станкевич Н. В.* Способы выражения времени во вьетнамском языке.— Уч. зап. ЛГУ, 1961, № 294, сер. востоковед. наук, вып. 12.
3. *Лекомцев Ю. К.* К статистике видо-временных показателей вьетнамского глагола.— В кн.: Вьетнамский лингвистический сборник. М., 1976, с. 155.
4. *Панфилов В. С.* Актуальное членение предложений во вьетнамском языке.— ВЯ, 1980, № 1.
5. *Солнцев В. М., Лекомцев Ю. К., Мхитарян Т. Т., Глебова И. И.* Вьетнамский язык. М., 1960, с. 68.
6. *Lê*[1] *Cân*[6], *Cu*[2] *Đinh*[2], *Tu*[5], *Hoang*[2] *Tuê*[6]. Giao[5] trinh[2] vê[2] Viêt[6] ngu'[3]. T. I. Ha[2] Nôi[6], 1962, c. 168.
7. *Nguyên*[3] *Đu' c*[5] *Dân*[1]. Lôgich[5] va[2] su'[6] phu[4] đinh[6] trong[1] tiêng[5] Viêt[6].— Ngôn[1] ngu'[3], 1977, No 3, c. 49.
8. *Nguyên*[3] *Kim*[1] *Than*[4]. Đông[6] tu'[2] trong[1] tiêng[5] Viêt[6]. Ha[2] Nôi[6], 1977.
9. *Nguyên*[3] *Kim*[1] *Than*[4]. Nghiên[1] cu' u[5] vê[2] ngu'[3] phap[5] tiêng[5] Viêt[6]. T. I. Ha[2] Nôi[6], 1963.
10. PHT. Vu'a[2], mo'i[5],— Ngôn[1] ngu'[3], 1973, No 1, c. 68.
11. Tu'[2] điên[4] tiêng[5] Viêt[6] (Văn[1] Tân[1] chu[4] biên[1]). Ha[2] Nôi[6], 1967, c. 329.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1982

КАСЕВИЧ В. Б., ШАБЕЛЬНИКОВА Е. М.

ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ КИТАЙСКИМИ ТОНАМИ И КАТЕГОРИАЛЬНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ ЗВУКОВ РЕЧИ

Установление перцептивных границ, соответствующих оппозициям между теми или иными фонологическими категориями данного языка, представляет собой задачу чрезвычайно важную как с теоретической, так и с практической точки зрения. Теоретическая значимость задачи заключается в том, что ее решение устанавливает прямое соответствие между лингвистическими категориями, физическими параметрами речи и психологическими реальностями человеческого восприятия. Практически же открывается путь к адекватному моделированию речевого поведения в плане как анализа, так и синтеза.

Эксперименты по определению перцептивных границ имеют уже некоторую традицию. В наиболее распространенном варианте используются синтезированные гласноподобные и согласноподобные стимулы. Экспериментатор целенаправленно изменяет параметры стимула, стремясь установить, при каких значениях данного параметра испытуемый «перестает» интерпретировать стимул как фонему x и «начинает» отождествлять его с фонемой y; в некоторых модификациях изменение параметров осуществляется самим испытуемым — методом так называемого активного поиска фонемных границ. Считается, что граница между двумя фонемными категориями «соответствует значениям параметров стимула, при которых две соседние фонемы выбираются с равной вероятностью» [1, с. 84].

Из краткого описания принятой экспериментальной методики ясно, что стимулы, образующие некоторый континуум по определенному параметру, включают экземпляры, которые носитель языка не интерпретирует однозначно в терминах наличных фонем: стимулы, относимые к парадигматически ближайшим фонемным категориям, оказываются разделенными более или менее обширными зонами неопределенности. Если учесть что экспериментальный материал, как сказано, обычно представляет собой серию синтезированных стимулов, образующих плавный переход от коррелятов фонемы x к коррелятам фонемы y, к тому же стимулы лишены фонетического контекста, то такое положение вполне естественно.

Вместе с тем эксперименты показывают, что перцептивная неопределенность отнюдь не вытекает прямо из физической «неопределенности» стимула: физически абсолютно отождественные различия (при монотонно убывающих или возрастающих значениях данного параметра) для одной пары соседних стимулов оказываются перцептивно иррелевантными, они полностью игнорируются испытуемыми, для другой — вызывают неопределенность в ответах-реакциях, для третьей — ведут к устойчивому изменению в отождествлении с одной из двух фонем. Ясно, что такого рода восприятие предполагает дискретность фонемных категорий, различию между которыми соответствуют не постепенные, а скачкообразные изменения. Как известно, такое — фонологическое, дискретное — восприятие речевых звуков называют категориальным.

В последнее время, однако, категориальность восприятия звуков речи стала подвергаться сомнению: в ряде экспериментов было обнаружено, что испытуемые способны различать не только стимулы, по своим объективным свойствам находящиеся «между» разными фонемными категориями, но также и стимулы, относимые к одной фонемной категории, т. е. практически варианты одной фонемы. Такое восприятие было сочтено «субкатегориальным» (внутрикатегориальным) [2].

Непосредственный материал нашего исследования — тоны — добавляет свою специфику к проблеме противопоставления категориального и «субкатегориального» в восприятии звуков речи. Дискретность фонем и, отсюда, категориальность восприятия согласных и гласных связывают с тем обстоятельством, что порождение и восприятие стимулов, соответствующих фонемам, контролируется доминантным полушарием головного мозга, а этому полушарию вообще свойственно оперирование дискретными символами [3]. Что же касается тонов, то вопрос об их латерализации окончательно не решен, экспериментальные данные носят в известной степени противоречивый характер [4]; в том числе высказываются предположения, согласно которым управление тонами не латерализовано [5], т. е. может осуществляться как доминантным полушарием, вместе с прочими языковыми единицами, так и субдоминантным, подобно интонации, с которой тоны роднит фонетическая субстанция. Что же касается интонаций, то им некоторые авторы отказывают в дискретности, утверждая, что интонационные изменения не приводят к «скачкообразному изменению смысла сообщения» [6] [1]. Изложенное придает дополнительный интерес вопросу о восприятии тонов, о соотношении в этом восприятии категориального и «субкатегориального».

Нами был проведен эксперимент по анализу восприятия тонов китайского языка, модифицированных с помощью ЭВМ. Целью эксперимента было определение перцептивных границ между китайскими тонами, а также изучение восприятия тонов с точки зрения соотношения категориальности/«субкатегориальности».

Программа эксперимента базировалась на естественных реализациях слогов китайского языка. Исходные два слога во II тоне (восходящем) и IV (нисходящем), состоящие только из слогообразующего гласного [ə], были записаны в исполнении носителя нормативного произношения пекинского диалекта китайского языка (тип магнитофона — Тембр-2). Далее контуры основного тона исходных стимулов были модифицированы с помощью системы, созданной на базе ЭВМ ЕС-1010[2]. Слоги, прочитанные носителем языка, были введены в ЭВМ с помощью аналого-цифрового преобразователя. ЭВМ в соответствии с подпрограммой «TONE» [3] могла повышать или понижать частоту колебаний основного тона в следующих точках слога: в абсолютном начале реализации гласного — IP (Initial Pitch), в точке максимального значения частоты — PP (Peak Pitch) и в абсолютном конце тонального контура — FP (Final Pitch) [4]. Экспериментальные стимулы генерировались, таким образом, за счет повышения/понижения частоты F_0 в одной, двух или одновременно во всех трех указанных точках. Шаг изменения частоты в каждой точке был равен 10 ± 2 Гц по сравнению со значением F_0 в аналогичной точке «соседнего» стимула. Повышение частоты колебаний реализовалось за счет укорачивания концов периодов основного тона, что приводило к уменьшению длительности слога в целом. Понижение частоты F_0 было обусловлено добавлением нулевых величин амплитуды, при этом длительность слога увеличивалась.

При вводе исходных стимулов в ЭВМ на бумажной ленте с помощью аналого-цифрового печатного устройства были получены реестры (listings) изменения частоты F_0 на всем протяжении звучания естественного слога. Исходный слог во II тоне характеризовался следующими параметрами:

---

[1] Ср., впрочем, точку зрения М. К. Румянцева [7, с. 49], который настаивает — справедливо, по нашему мнению,— на том, что интонационные различия в целом столь же дискретны, сколь и фонемные.

[2] Экспериментальная программа была подготовлена в Лаборатории вычислительной лингвистики Института языка и литературы АН Эстонской ССР (Таллин). Пользуемся случаем, чтобы выразить искреннюю признательность старшему научному сотруднику Лаборатории А. Ээку за содействие в подготовке машинной реализации программы.

[3] Подробное описание см. в [8].

[4] В связи с тем, что в программе данного эксперимента контролировалось значение частоты F_0 лишь в трех указанных точках, в дальнейшем любой тональный рисунок будет представлен только значениями частоты F_0 в данных точках контура, например, 192—250—212 Гц, где 192 Гц — значение частоты в точке IP, 250 — в точке PP, 212 Гц — значение частоты в точке FP.

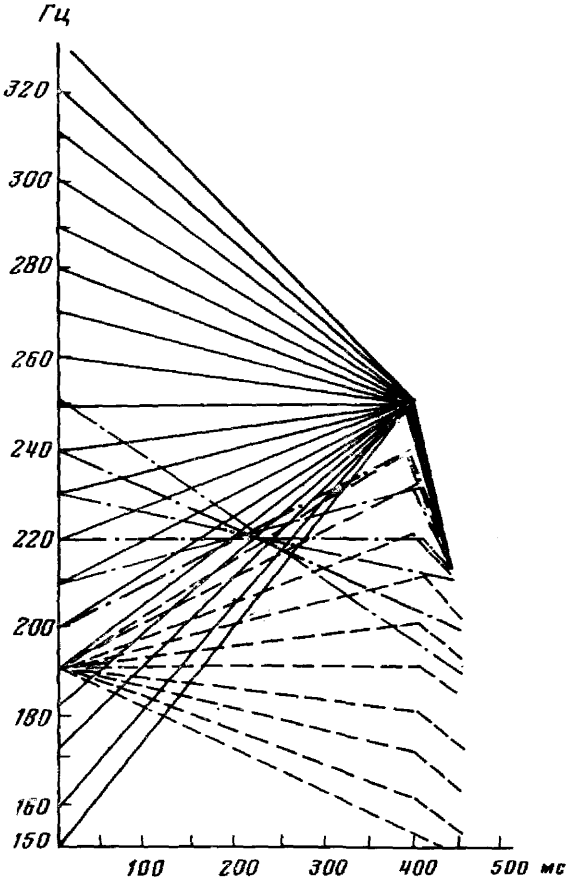


Рис. 1. Тональные контуры модифицированных стимулов, полученных на базе естественного стимула [э²]. Жирной линией выделен мелодический контур исходного слога. Сплошными тонкими линиями обозначены контуры стимулов серии I (IP от 150 до 330 Гц, PP = 250 Гц, FP = 212 Гц). Пунктирными линиями представлены тональные стимулы серии II (IP = 192 Гц, PP от 250 до 150 Гц). Штрихпунктирные линии показывают контуры стимулов серии III (IP от 192 до 250 Гц, PP от 250 до 192 Гц). Вариабельность слогов по длительности на графике не отражена.

192—250—212 Гц; восходящий интервал изменения частоты F_0 — 1,3; длительность слога — 449,3 мс. Нарастание частоты колебаний основного тона происходило не на всем протяжении звучания — последние 35 мс частота F_0 понижается с 250 до 212 Гц. Это явление обусловлено чисто физиологическими причинами (связано с затуханием сигнала) и иррелевантно для восприятия II тона [7, с. 113]. В связи с этим конечное падение частоты в эксперименте не учитывалось — оно всегда оставалось более низким, чем в точке максимального значения частоты F_0. Мелодический контур исходного слога в IV тоне характеризовался следующими данными: 232—277—102 Гц, нисходящий интервал изменения частоты F_0 — 2,7; длительность слога — 384,7 мс. Значение частоты F_0 в абсолютном начале слога практически не учитывалось, так как повышение частоты F_0 на начальном участке звучания слогов в IV тоне не имеет фонологического значения [7, с. 116].

На базе каждого из исходных стимулов было получено по три серии модифицированных стимулов: серия I — изменение частоты F_0 только в абсолютном начале слога; серия II — изменение частоты F_0 только в точке ее максимального значения; серия III — изменение частоты колебаний основного тона во всех трех основных точках мелодического контура. Всего на базе слога [э²] было получено 33 модифицированных стимула (см. рис. 1), на основе исходного слога [э⁴] — 50 модифицированных сти-

мулов. Таким образом, каждая серия стимулов представляет собой ряд тональных контуров, каждый из которых незначительно отличается от соседнего, в то время как крайние звенья ряда отличаются потивоположным направлением изменения частоты F_0. Иными словами, ступенчато изменяя значение частоты F_0 в указанных точках слога, мы постепенно превращаем восходящие мелодические контуры в нисходящие и наоборот.

Полученные 83 модифицированных стимула и два естественных слога были сгруппированы в две программы. В программе № 1 полученные слоги были записаны на магнитную ленту в случайном порядке. В программе № 2 слоги были записаны подряд внутри описанных выше 6 серий стимулов: от максимально модифицированного стимула до естественной реализации — всего 90 слогов. Обе программы были записаны на магнитную ленту с интервалом 5 с между соседними стимулами (тип магнитофона — Grundig ТК-248).

Подготовленная таким образом запись предъявлялась группе из 10 аудиторов — носителей китайского языка. Для определения пределов варьирования китайских тонов был выбран метод идентификации. Сначала аудиторы прослушивали программу № 1, затем программу № 2. На каждый стимул было получено по 20 ответов-реакций. Аудиторам предлагались анкеты, состоящие из трех вертикальных граф. Вверху в каждой графе были записаны римские цифры I, II, IV[5], обозначающие тон, а также иероглиф, которым записывается данный слог в этом тоне. В горизонтальных графах были обозначены номера стимулов. При прослушивании пленки аудиторы должны были сделать отметку в той или иной графе анкеты, показав, к какому тону они относят предъявляемый стимул. Аудиторы предупреждались, что в каждой горизонтальной графе должно быть только по одной отметке, т. е. каждый слог должен быть соотнесен только с одним тоном китайского языка. Прослушивание осуществлялось в заглушенной кабине через громкоговорители (тип магнитофона — Stm 200d).

В целом результаты прослушивания программ № 1 и № 2 оказались достаточно близкими, поэтому полученные данные далее суммированы и показаны как средние для двух программ. Данные представлены в виде разборчивости предъявленных стимулов, которая определялась как отношение отождествлений стимула в качестве данного тона к общему числу ответов-реакций на тот же стимул, выраженное в процентах.

Изменение частоты F_0 между соседними стимулами обычно не замечается испытуемыми. Так, например, при восприятии серии стимулов, полученных на базе слога [ə²] (серия № 2, где частота F_0 в начальной точке слога была постоянной), несмотря на понижение частоты F_0 в точке ее максимального значения с 250 до 240 Гц и с 240 до 230 Гц (интервал изменения частоты F_0 уменьшался с 1,5 до 1,21), эти стимулы у большинства аудиторов ассоциировались со II тоном. Однако дальнейшее понижение частоты с 230 до 220 и 210 Гц приводит к равновероятному отнесению стимулов к I и II тону, т. е. выявляет зону неопределенности между акустическими признаками I и II тонов. При понижении частоты F_0 в указанной точке до 200 Гц и ниже большинство аудиторов воспринимает предъявленные слоги как слоги I тона.

В процессе восприятия остальных пяти серий стимулов наблюдается аналогичная картина — выявляются фонологические границы и зоны неопределенности между акустическими признаками тонов. Не останавливаясь подробно на результатах восприятия отдельных серий стимулов, попытаемся выявить, какие именно факторы влияют на идентификацию тонов и устанавливают пределы варьирования их акустических признаков.

---

[5] Слог /ə/ в китайском языке в III (нисходяще-восходящем) тоне не употребляется в независимой (изолированной) позиции. Тем не менее, как будет ясно из дальнейшего изложения, испытуемые самостоятельно дополнили анкету четвертой графой, в которой соответствующие стимулы отмечались как слоги III тона (аудиторы в этих случаях либо записывали первый иероглиф двусложного слова / ə³ sin¹/ «чувствовать тошноту, отвращение», либо использовали для фиксирования данного слога китайский национальный алфавит, основанный на латинице.

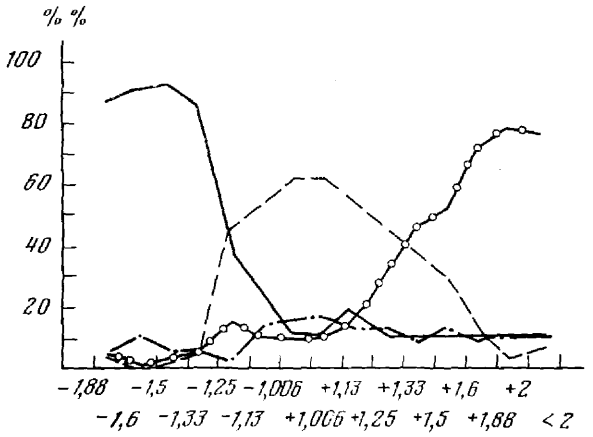


Рис. 2. Разборчивость тонов (%%) в зависимости от интервала изменения частоты F_0. Знаком «плюс» отмечен нисходящий интервал, знаком «минус» — восходящий. — — — — I тон; —— II тон; —·—·—·— III тон; —o—o—o— IV тон.

Обратимся прежде к роли интервала изменения частоты F_0. На рис. 2 представлена зависимость разборчивости тонов от интервала изменения частоты F_0. Как можно видеть, именно отличия в интервале изменения частоты F_0 хорошо коррелируют с перцептивными границами между отдельными тонами. Восходящий интервал, превышающий терцию (кварта-квинта-секста-септима), обеспечивает высокую разборчивость II тона. Восходящий интервал терция-секунда соответствует границе между II и I тонами. Мелодический контур с восходящим интервалом, меньшим, чем секунда, безынтервальный и с нисходящим интервалом от секунды до кварты ассоциируется с I тоном. Нисходящий интервал с величиной между квартой и квинтой выступает как граница между I и IV тонами: мелодические контуры с такими интервалами могут с равной вероятностью отождествляться с I и IV тонами. Нисходящий интервал, превышающий квинту, обеспечивает высокую разборчивость IV тона [6].

Таким образом, интервал изменения частоты F_0 является основным фактором, определяющим пределы варьирования китайских тонов,— однако не единственным. Дело в том, что в ряде случаев мелодические контуры с одним и тем же интервалом могут быть отнесены к разным тонам. Так, стимул с параметрами 116—120—102 Гц (нисходящий интервал 1,18) в 45% случаев воспринимался как III тон и в 40% — как I тон. Стимул со значениями F_0, равными 250—250—212 Гц, мелодический контур которого образует такой же интервал, в 75% случаев ассоциировался с I тоном, а как III тон не воспринимался вообще. Объяснение можно найти в том, что указанные стимулы реализовались в разных полосах частот. Полоса частот, в которой реализуется тон, определяется начальным и конечным уровнем произнесения слога, которые существенно варьируют в зависимости от данной тональной категории.

На рис. 3 и 4 представлены перцептивные границы между тонами, которые обусловлены двумя переменными параметрами: интервалом изменения частоты F_0 и значением частоты F_0 в абсолютном начале слога (рис. 3) и интервалом изменения частоты F_0 и значением F_0 в абсолютном исходе слога (рис. 4). Суммируя данные, приведенные на рисунках, мы можем заключить, что тоны характеризуются довольно широким диапазоном частот, тем не менее перцептивные (и, стало быть, фонологически релевантные) границы между ними обозначены довольно четко: тоны противопоставлены чаще всего по интервалу изменения частоты F_0 и по значению F_0 в начальной или конечной точке реализации слога. Так, изменение значения F_0 с 277 до 170 Гц в начале слога обеспечивает не менее 60%

[6] Полученные результаты согласуются с данными М. К. Румянцева, который изучал интервалы варьирования тонов с сохранением их адекватного восприятия на материале естественных тональных стимулов, изолированных из контекста [7, с. 46].

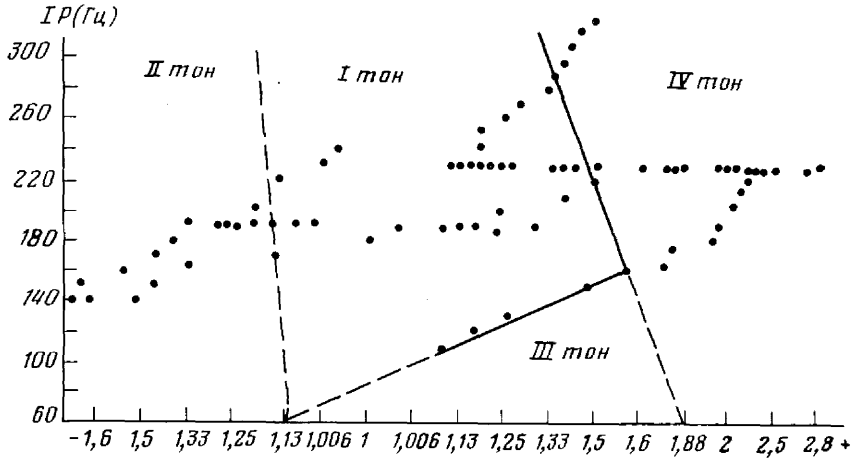


Рис. 3. Перцептивные границы между тонами по двум параметрам: интервал изменения частоты F_0 (ось абсцисс) и значение F_0 в точке IP (ось ординат). Прерывистые линии соответствуют экстраполированным границам, полученным путем продолжения экспериментально выявленных границ до их пересечения друг с другом и/или с осями координат.

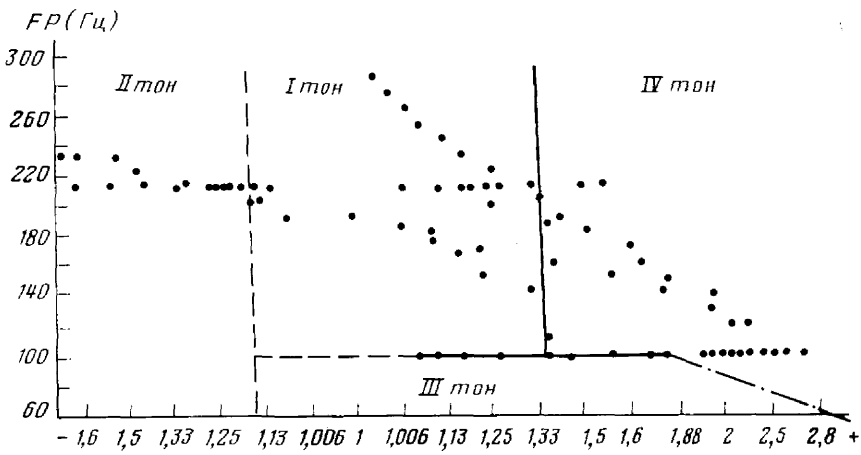


Рис. 4. Перцептивные границы между тонами по двумя параметрам: интервал изменения частоты F_0 (ось абсцисс) и значение F_0 в точке FP (ось ординат). Штрих пунктирная граница между III и IV тонами проведена условно.

разборчивости слогов IV тона. Дальнейшее понижение начального уровня произнесения (ниже, чем 170 Гц), приходится на зону неопределенности между акустическими признаками IV и III тонов.

Начальный уровень произнесения I и IV тонов практически совпадает: в нашем случае — 277—170 Гц для IV тона и 277—192 Гц — для I тона. Дифференциация указанных тонов происходит за счет различного значения частоты F_0 в конце звучания слога (которое и обеспечивает отличия в интервале изменения тона) при полосе неопределенности 190—212 Гц. Значения частоты в конечной точке ниже, чем граничное, обеспечивает отнесение стимулов к IV тону; частота F_0 в данной точке, превышающая 212 Гц, *определяет отождествление стимулов с I тоном.*

Начальный уровень реализации II тона в большинстве слогов варьирует от 131 до 192 Гц. Граница между I и II тоном по начальному уровню произнесения приходится на 181—192 Гц. Мелодические контуры, начинающиеся с частоты F_0, более низкой, чем 180 Гц, обеспечивают высокую разборчивость II тона; более высокая частота F_0 в этой точке обычно ассоциируется с началом реализации I тона. Конечный уровень реализации I и II тона практически одинаков и покрывает весьма широкую полосу: 210—250 Гц для II тона и 180—250 Гц для I тона.

Обращает на себя внимание тот факт, что зона неопределенности между акустическими признаками I и II тона оказывается более узкой, чем аналогичная зона между акустическими признаками I и IV тонов. Дело в том, что в естественной речи I тон практически никогда не создает восходящего интервала между начальной и конечной точками слога за исключением тех случаев, когда это обусловлено интонацией (вопросительной, незавершенности и т. д.), поэтому даже незначительное повышение частоты F_0 от начала к концу реализации тона ассоциируется со II тоном[7]. Этим и объясняется сужение зоны неопределенности между I и II тонами. В то же время мелодический контур I тона может образовывать нисходящий интервал, равный терции или даже кварте, что приводит к расширению зоны неопределенности между акустическими признаками I и IV тонов, которая в конечной точке звучания слога может составлять 20—30 Гц.

В связи с тем, что повышение/понижение частоты F_0 приводило, как упоминалось, к изменению длительности стимулов, необходимо выяснить, зависит ли идентификация предъявляемых стимулов от их длительности. Не приводя, в целях экономии места, соответствующие данные во всем объеме [8], отметим лишь, что отнесение стимула к той или иной тональной категории в весьма незначительной степени зависит от его длительности. Это понятно, ибо основную роль играют не абсолютные, а относительные длительности тонов, при изолированном же предъявлении данный параметр «не работает» (важно лишь сохранение минимума длительности, необходимого для реализации и, соответственно, опознания тона).

Ниже дана краткая сводка оптимальных акустических параметров китайских тонов, обеспечивающих их высокую разборчивость.

Мелодический контур I тона реализуется в полосе частот 277 — 212 Гц, интервал изменения частоты F_0 варьирует от восходящего, меньшего, чем секунда, до нисходящего интервала в пределах малой секунды — кварты.

Тональные контуры, реализующиеся в полосе частот 180 — 232 Гц и образующие восходящий интервал секунда-терция, с равной вероятностью воспринимаются как I и II тоны, т. е. образуют зону неопределенности между этими тонами.

Мелодический контур II тона реализуется в полосе частот от 130 до 250 Гц, образуя восходящий интервал, превышающий терцию.

Мелодический контур IV тона характеризуется полосой частот от 300 до 100 Гц и понижающимся интервалом, превышающим квинту.

Нисходящий интервал от кварты до квинты и полоса частот 190—212 Гц, в которой реализуется конечный участок звучания слога, соответствуют зоне неопределенности между IV и I тонами.

Таким образом, каждому тону отвечает широкая зона значений акустических признаков. Существуют четкие границы между этими зонами, которые отделены друг от друга более или менее широкими областями неопределенности.

Вернемся к вопросу о категориальности восприятия речевых звуков вообще и тонов в частности. Наши данные показывают, что картина, наблюдаемая при восприятии тонов, принципиально аналогична той, что описывается на материале гласных и согласных: устанавливаются области стимулов, параметры которых однозначно отвечают соответствующим тонам, и эти области разделяются зонами неопределенности, вызванными искусственным варьированием, а также внеконтекстностью стимулов. Можно также заметить, что границы между тонами, как и границы между фонемами [9], аппроксимируются прямыми, хотя для тонов их геометрия иногда несколько сложнее.

---

[7] По данным М. К. Румянцева, смешение I и II тонов происходит при минимальном восходящем интервале, равном б. и м. секунде. В то же время аудиторы в ряде случаев воспринимали II тон и в безынтервальной реализации [7, с. 47].

[8] Слоги, длительность которых варьирует от 390 до 510 мс, в большинстве случаев ассоциируется со II тоном, а длительность 270—420 мс связывается с I тоном. Что касается слогов IV тона, то их разборчивость практически не зависит от длительности, которая по данным нашего эксперимента может колебаться от 330 до 570 мс.

В нашей программе аудиторы не получали инструкций сравнивать стимулы друг с другом или оценивать их близость к естественным речевым реализациям. Тем не менее, поскольку их внимание привлекала «необычность» стимулов, аудиторы неоднократно делали высказывания относительно большего или меньшего сходства данного стимула с естественным слогом в том тоне, к которому они относили стимул [9]. Иными словами, испытуемые обнаружили способность дифференцировать стимулы внутри одной и той же тональной категории, т. е. продемонстрировали «субкатегориальное» восприятие наряду с категориальным. Что эти два вида восприятия именно сосуществуют, можно видеть из следующего. Прежде чем идентифицировать предъявленный стимул, аудиторы часто повторяли его вслух, причем стимулы в такой ситуации не имитировались — вместо этого испытуемый произносил «нормальный» тон, т. е. сопоставлял разным модификациям один и тот же фонологический тон, отвлекаясь от конкретных физических различий в стимулах. Иными словами, хотя аудиторы воспринимали разницу в стимулах, относимых к одной тональной категории, они, во-первых, определяли одновременно принадлежность таких разных стимулов к данной категории, а, во-вторых, не распространяли различение стимулов на собственное речепроизводство.

Как следует трактовать экспериментальные данные, подобные описанным выше? Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что обнаруженные в экспериментах факты категориального восприятия речевых и речеподобных звуков по существу не вносят ничего принципиально нового в положения, давно известные теоретической фонологии. Фонология, собственно, начинается именно тогда, когда устанавливается функциональная тождественность фонетически разных звуков (и, наоборот, функциональная нетождественность звуков, фонетически совпадающих, но находящихся в разных контекстах). Наложение «сетки» фонологических единиц, будь то фонем, будь то тонов, взаимно противопоставленных друг другу, а потому и дискретных, на любые речевые звуки и объясняет эффект категориальности восприятия.

Вместе с тем, категориальность восприятия не следует понимать в духе своего рода фонетической модификации гипотезы Сепира—Уорфа. Именно последняя (в одной из существующих трактовок — см. [10]) утверждает, что используемый язык навязывает человеку такую систему координат, выйти за пределы которой в восприятии действительности носитель языка органически не может. Аналогично, очевидно, считается, что присущая данному языку система фонем (или тонов) делает носителя этого языка абсолютно «глухим» ко всем звуковым различиям, не соответствующим перцептивным границам между фонемами (тонами). Реально, однако, восприятие определяется не только фонологической системой языка, но и установками индивида: смена установки может привести к изменению набора различаемых единиц. Здесь важно, на что ориентирован человек, воспринимающий речевые стимулы. Если его задача — восприятие речевого сообщения, которое сводится к семантической интерпретации данного текста, то оцениваются лишь фонологически значимые параметры речи. В то же время носитель языка обычно вполне в состоянии оценить естественность, нормативность звучания, его соответствие некоторому стандарту для данного языкового коллектива — но именно это и предполагает восприятие, которое с собственно фонологической точки зрения будет «субкатегориальным». Можно сказать, что экспериментальные данные не противоречат ни друг другу, ни фонологической теории.

То же самое можно изложить и несколько иначе. Не раз уже говорилось, что для фонем существенны не только ее дифференциальные, но и интегральные признаки [11]. Фактически это означает, что внутриязыковая индивидуальность данной фонологической единицы определяется не

[9] Наиболее типичными такие реакции испытуемых были для прослушивания программы № 2. Это происходило несмотря на то, что между собой сравнивались модифицированные стимулы: естественный слог всегда замыкал собой отдельные серии, что исключало сравнение модифицированных стимулов с естественной реализацией.

только пределами, которые устанавливаются ее взаимоотношениями с другими единицами в системе, но также пределами возможного варьирования, ограничиваемого нормой. Владение языком предполагает знание (имплицитное, неосознаваемое) не только структурных характеристик фонологических единиц, но также их «нормативных» характеристик. Замена только первых, если она дает другую, но также санкционированную системой комбинацию признаков, представляет собой субституцию фонемы (тона) — орфоэпическую ошибку; замена же вторых (исключительно или вместе с первыми) — орфофоническая ошибка — вообще выводит соответствующее звучание за пределы данного языка. В лучшем случае это воспринимается как акцент, в худшем — как нечто полностью чужое и, как таковое, неинтерпретируемое.

Таким образом, уже акцент, не говоря о полном искажении того или иного звучания, очевидным образом социально немаловажны для носителя языка: соответствующие характеристики участвуют в реализации оппозиций «речь/не речь» и «родная/неродная речь» [10]. Именно этим и объясняется способность носителя языка к «субкатегориальному» восприятию как к особому виду восприятия речевых и реченодобных стимулов. «Субкатегориальность» должна пониматься как таковая только лишь с точки зрения фонологических категорий, но проявляется она как раз тогда, когда внимание воспринимающего речь индивида обращено не на фонологически релевантные признаки сигнала, а на его характеристики, относящиеся к нормативности речи, а также, вероятно, ряду других показателей (пол, индивидуальность и т. д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чистович Л. А., Венцов А. В., Гранстрем М. П.* и др. Физиология речи. Восприятие речи человеком. Л., 1976.
3. *Studdert-Kennedy M.* Speech perception.— In: Proceedings of the 9th International Congress of Phonetic Sciences. V. 1. Copenhagen, 1979, p. 67.
3. *Балонов Л. Я., Деглин В. Л.* Слух и речь доминантного и недоминантного полушарий. Л., 1976.
4. *Lanker D., van and Fromkin V. A.* Hemispheric specialisation for pitch and «tone»: Evidence from Thai.— Journal of phonetics, 1973, v. 1, № 2.
5. *Benson P., Timothy S., and Arreaga L.* Lateralisation of linguistic tone: Evidence from Cantonese.— In:. Cerebral Dominance. Ed. by Rogers L. Los Angeles, 1974.
6. *Мартине А.* Основы общей лингвистики.— В кн.: Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963, с. 386.
7. *Румянцев М. К.* Тон и интонация в современном китайском языке. М., 1972.
8. *Mihkla M.* Program package for perception tests.— In: Estonian Papers in phonetics, 1979. Tallinn, 1980.
9. *Слепокурова Н. А.* О процедуре распознавания стационарных гласных.— В кн.: Сенсорные системы. Вопросы теории и методов исследования восприятия речевых сигналов. Вып. 3. Л., 1972.
10. *Касевич В. Б.* Элементы общей лингвистики. М., 1977, с. 6—8.
11. *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М., 1979.

[10] Можно отметить здесь, что для Китая, где для громадных групп населения характерно использование пекинского диалекта как неродного, опознание носителя диалекта по фонетическим, прежде всего тональным отклонениям весьма существенно.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1982

ЗАВЬЯЛОВА О. И.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ФОНЕТИКИ ГУАНЬХУА

(северных диалектов китайского языка)

Перед китайским языкознанием стоит задача не только собирания новых данных по фонетике, лексике и грамматике значительно различающихся между собой диалектов китайского языка, но также обобщения накопившихся к настоящему времени обширных материалов, большая часть которых явилась результатом общекитайского диалектологического обследования 1956—1959 гг. Начало систематическому осмыслению этих материалов — с учетом как общедоступных, так и некоторых редких, а также литографированных изданий из хранений Пекинской библиотеки — положено С. Е. Яхонтовым в его двух работах, одна из которых посвящена выделению, другая — географическому распространению диалектных групп китайского языка [1, 2].

В настоящей статье содержатся итоги лингвогеографического изучения фонетики диалектов группы гуаньхуа, носителями которых являются около 70% китаеязычного населения КНР.

Картографирование фонетических признаков осуществлялось в пределах территории, ограниченной южной изолинией северного типа отражения исторических звонких инициалей [1]. В большей части диалектов гуаньхуа звонкие перешли в глухие придыхательные в слогах исторического ровного тона и в глухие непридыхательные — в слогах остальных тонов (хотя в пределах собственно северного ареала можно обнаружить отклонения, которые, в неодинаковой степени охватывая разные диалекты, по-видимому, являются остатками систем иного типа, поглощенных общесеверокитайским). На юге звонкие либо сохранились, либо — в исходных незаимствованных системах — полностью перешли в глухие придыхательные или глухие непридыхательные независимо от тона [2]. При этом, однако, следует учесть, что другие фонетические признаки, общие для диалектов гуаньхуа, в то же время присущи и некоторым другим диалектам, граничащим с северными, и окончательное решение проблемы южной границы гуаньхуа невозможно без комплексного изучения диалектных групп китайского языка в плане не только фонетическом, но также лексическом и грамматическом [1, с. 123 и сл.]. (Недостаточность комплексных исследований такого рода обусловлена прежде всего фрагментарным характером материалов по лексике и грамматике.)

Наиболее подробная из существующих в настоящее время классификаций диалектов гуаньхуа содержится в русском варианте [6, с. 30—35]

---

[1] В статье употребляются следующие термины, принятые для слоговых языков: инициаль — начальнослоговой согласный, финаль — остальная часть слога; медиаль — фонологически неслогообразующий гласный, следующий за инициалью; рифма — остальная часть финали, обязательно включающая слогообразующий гласный. Тоны, традиционно именуемые *пин* (ровный), *шан* (восходящий), *цюй* (уходящий) и *жу* (входящий), обозначаются цифрами — I, II, III, IV; при наличии тонов двух серий — *инь* (высокий) и *ян* (низкий), которые возникли для некоторых исторических классов в результате фонологизации вариантов, обусловленных качеством (звонкостью/глухостью) исторической инициали, используется буквенный способ обозначения: Iа (*инь—пин*), Iб (*ян-пин*) и т. д.

[2] Проведенные в последнее время тщательные исследования [3—5] выявили в ряде южных диалектов более сложную картину или иррегулярные отклонения, которые явились результатом относительно поздних междиалектных контактов, имевших место уже после того, как сложились основные группы китайских диалектов, а также — в некоторых случаях — контактов с местными некитайскими народами.

(значительно отличающемся по своему объему и содержанию от варианта на китайском языке [7]) монографии о китайских диалектах известного ученого Юань Цзяхуа. Согласно этой классификации, в составе диалектов гуаньхуа выделяется семь подгрупп: 1) северо-западная, 2) юго-западная, 3) северная (северо-восток ареала гуаньхуа), 4) Цзян-Хуай, или гуаньхуа нижнего течения Янцзы (юго-восток ареала гуаньхуа), а также территориально менее значительные — 5) Цзяодун (восточный Шаньдун), 6) Чу (20 уездов восточной части провинции Хубэй и два уезда на северо-западе этой провинции) и 7) Тун-Хуэй, включающая два не связанных между собой района к югу от диалектов Цзян-Хуай — город Наньтун с несколькими прилегающими к нему уездами (диалекты Тун-Жу) и ряд уездов в южной части провинции Аньхуэй (диалекты Ваньнань).

В описании дана краткая фонетическая характеристика каждой из выделенных подгрупп, однако приведенные фонетические признаки не всегда равноценны по своей классификационной значимости и географическое распространение некоторых явлений иногда указано не вполне точно. Фактически в основе приведенной классификации лежит такой действительно важный для диалектов гуаньхуа признак, как судьба исторического входящего тона (тон IV), но, как это будет показано ниже, зоны наличия/отсутствия и зоны разных типов отражения этого тона в ряде случаев не совпадают с зонами распространения перечисленных выше подгрупп (особенно на севере ареала гуаньхуа).

Два района объединены Юань Цзяхуа в подгруппу Тун-Хуэй по признаку перехода исторических звонких в глухие придыхательные, и, следовательно, им присущ южный, а не северный тип отражения звонких.

Район Ваньнань характеризуется значительной лингвистической неоднородностью, затрудняющей определение его диалектной принадлежности: представители соседних уездов здесь, как правило, не понимают друг друга, а среди специфических признаков нет ни одного, который был бы присущ всем этим диалектам без исключения [2, с. 77; 8]. Несмотря на неоднородность южноаньхуэйских диалектов, известные исследователи Чжао Юаньжэнь и Ян Шифэн, непосредственно собиравшие диалектные материалы в этом районе [8], а также С. Е. Яхонтов считают все же возможным выделить диалекты Ваньнань в отдельную группу (С. Е. Яхонтов при этом включает в группу Ваньнань диалекты южной части провинции Аньхуэй, сохранившие — как и диалекты группы У — звонкие инициали, но имеющие в отличие от последней относительно простую тоновую систему) [2, с. 77]. Включению собственно диалектов Ваньнань в состав гуаньхуа препятствует — помимо типа отражения звонких — важная особенность тоновой системы: здесь отсутствует характерный для всего ареала гуаньхуа (и большей части других диалектов) тоновый переход II > III при исторических звонких инициалях, а в Сюнине и Туньси тон II к тому же делится на две серии — IIа, IIб (что также невозможно в диалектах гуаньхуа).

В диалектах Тун-Жу имеется большое количество так называемых «разговорных» и «литературных» вариантов чтения иероглифов, в той или иной степени присущих разным китайским диалектам и свидетельствующих о междиалектных контактах [3]. При этом исходный «разговорный» слой диалектов Тун-Жу характеризуется, во-первых, полным переходом исторических звонких в современные придыхательные и, во-вторых, семи- или шеститоновой системой, идентичной или непосредственно выводимой из системы диалектов У, примыкающих к району Наньтуна с юга. В то же время заимствованный «литературный» слой совпадает с диалектами подгруппы Цзян-Хуай (гуаньхуа), допуская непридыхательные инициали на месте исторических звонких в слогах, не относящихся к историческому ровному тону, и насчитывает только пять тонов. По мнению китайских лингвистов, диалекты Тун-Жу являются переходными от группы У к северной [9, с. 20] (ср. также [2, с. 76]). Однако было бы точнее квалифици-

[3] Подробно о проблеме «разговорных» и «литературных» вариантов чтения иероглифов см., например, [5].

ровать их как диалекты У, в которых вследствие контактов с гуаньхуа оглушились характерные для этой группы звонкие инициали (фонетически — звонкие придыхательные), а также сформировался заимствованный слой с пятью тонами и непридыхательными на месте исторических звонких; ср. [10].

Использованные в нашей работе источники по диалектам гуаньхуа представлены прежде всего описаниями двух типов.

1. Монографии, посвященные диалектам провинций Хубэй, Юньнань и Хунань (в ареал гуаньхуа входит не вся провинция Хубэй и только часть Хунани), содержат материалы обследований, которые были предприняты группой китайских лингвистов (Чжао Юаньжэнь и др.) в 30-х годах и велись по единой программе [11—13]. Фонетика обследованных пунктов (их сеть достаточно густая) изложена здесь по одной общей схеме, и поэтому можно легко выяснить любую синхронную или историческую особенность для каждого диалекта. В конце монографий имеется краткое обобщение материала и дана классификация диалектов данного региона. Все три описания снабжены большим количеством карт. Обычно картографируется произношение одной морфемы или группы морфем, как правило, подобранных таким образом, что их произношение отражает соответствующую систему. Определение этой системы — поскольку она не эксплицирована — тем не менее требует от читателя достаточно широкого знания исторической фонетики и фонетики китайских диалектов в целом, а также предварительного тщательного знакомства с данными по отдельным диалектам каждого района. В некоторых случаях различия ограничены только картографируемой морфемой, не относясь к системе в целом, либо отражают иррегулярные явления, и карта оказывается мало информативной.

2. Разные по широте охвата материала и по своему научному уровню описания диалектов провинций Хэбэй, Аньхуэй, Сычуань и Цзянсу (полностью или частично входящих в ареал гуаньхуа) опубликованы в КНР после обследования 1956—1959 гг. [14—16, 9]. Первые две монографии не содержат полных данных ни по одному из обследованных пунктов — в основном авторы останавливаются на наиболее существенных с их точки зрения диалектных расхождениях. Описания диалектов Сычуани и особенно Цзянсу более совершенны (они включают морфемный словарь, охватывающий, правда, не все пункты), однако основное внимание в них также уделяется суммарному изложению фонетических расхождений. Для провинций Хэбэй, Сычуань и Цзянсу опубликованы карты, аналогичные охарактеризованным выше.

Помимо монографических описаний провинций, опубликовано большое количество работ разного объема, посвященных диалектам отдельных пунктов или небольших районов. Информацию об этих публикациях можно найти в обзорах литературы по китайской диалектологии [17, 18] [4].

Некоторые данные по малоизученным диалектам провинции Ганьсу были недавно собраны нами у информантов — выходцев из этой провинции [19].

Всего в настоящей работе учтены данные по 1043 пунктам, входящим в ареал гуаньхуа [5]. Эти данные отражены в ряде выполненных нами

---

[4] Наиболее полный список литературы по китайской диалектологии содержит подготовленная в Институте Востоковедения АН СССР «Библиография по китайскому языкознанию» (раздел «Диалекты современного китайского языка»), с которой мы имели возможность ознакомиться в рукописи.

[5] Подробное картографирование фонетических явлений в пределах провинции Хэнань стало возможным благодаря любезности С. Е. Яхонтова, предоставившего в наше распоряжение сделанные им во время пребывания в Китае подробные конспекты серии брошюр, в которых разъясняется, как жителю того или иного диалектного района Хэнани (всего десять районов — Синьян, Сюйчан, Тахэ, Шанцю, Чжэнчжоу, Кайфен, Пуян, Синьсян, Лоян) овладевать произносительной нормой национального языка путунхуа. С. Е. Яхонтов также передал нам редкую брошюру по диалектам района Цзяодун (восточная часть провинции Шаньдун) [20] и позволил ознакомиться со своими конспектами материалов по северо-западным провинциям Шэньси и Шаньси.

карт, объектом которых явились существенные особенности фонетической системы — включая инициали, финали и тоны.

Проведенный анализ совокупного лингвогеографического материала показал, что принятые классификации диалектов гуаньхуа нуждаются в существенном пересмотре.

В пределах исследуемой территории оказалось возможным выделить прежде всего два обширных диалектных ареала — северный и южный, граница между которыми, образованная пучком четких фонетических изолиний, проходит вдоль реки Хуайхэ и центрального горного пояса. При этом наиболее значительная зона вибраций обнаруживается на западном участке этой границы — в гористых районах южной Шэньси (а также, по-видимому, на крайнем юге Ганьсу, данные по которому пока отсутствуют). Каждому из двух выделенных ареалов присущ свой комплекс фонетических черт.

Обладающие значительным единством диалекты южного ареала (или диалекты гуаньхуа бассейна Янцзы) характеризуются следующими особенностями.

1. Отсутствует противопоставление инициалей l- — n-, которые чаще всего выступают здесь (наряду с l̄-) как альтернативные варианты одно фонемы; в некоторых пунктах произошел переход l- > n- или, наоборот, n- > l-. На западе, в Сычуани, возможно, противопоставление n- — n′- перед палатальными -i, -y на месте исходного противопоставления l- — n-. Особое место занимают юньнаньские диалекты, расположенные на крайнем юге рассматриваемого региона, полностью сохранившие противопоставление l- — n-; названное противопоставление сохраняется также в отдельных пунктах периферийных районов южной части Хунани, Гуйчжоу и Гуанси (данные по двум последним провинциям неполные), на юге района Чу в пределах провинции Хубэй и Аньхуэй.

С севера (полосой вдоль северной границы южного ареала, охватывая юг провинций Хэнань, Шаньси, Ганьсу, север провинции Хубэй, южную часть Шэньси и западный Гуаньчжун в пределах этой провинции, а также несколько пунктов нижнего течения реки Фэньхэ в Шаньси) и с юга (в центральной Хунани, относящейся к зоне диалектов Сян) распространены системы переходного типа, в которых противопоставление l- — n- сохраняется только перед палатальными -i, -y.

2. В большей части пунктов отсутствует противопоставление шипящих свистящим, т. е. ts-, tṣʿ-, ṣ- — ts-, tsʿ-, s- (при этом почти во всех соответствующих диалектах возможны только свистящие).

Там, где названное противопоставление сохраняется — прежде всего в Юньнани, в междуречье Янцзы и Хуайхэ провинции Аньхуэй и примыкающей части провинции Хубэй, а также островками на остальной территории — наблюдается единый состав морфем с шипящими. Он обусловлен общим типом отражения трех групп среднекитайских инициалей; переднеязычных палатализованных (серия *t′-), твердых шипящих (серия *tṣ-) и мягких шипящих (серия *tʃ-), т. е. традиционных групп инициалей *чжи*, *чжуан*, *чжан*. Инициалям первой и последней группы, как правило, соответствуют современные шипящие, в то время как исторические твердые шипящие получили неодинаковое отражение в зависимости от характера финали: в слогах с финалями так называемой «внешней» серии (*вайчжуань*) представлены современные шипящие, в слогах «внутренней» серии (*нэйчжуань*) — современные свистящие [6]. Ср. следующие примеры в диалекте Нанкина (первый, второй и третий столбец содержат

---

[6] Среднекитайское произношение IV—VII вв. здесь и далее дается в транскрипции, основанной на известной реконструкции Б. Карлгрена. Ср. [21]. Деление на серии *вайчжуань* и *нэйчжуань* в китайской традиционной филологии обусловлено качеством (возможно, долготой/краткостью или напряженностью/ненапряженностью) слогообразующего гласного. В современных северных диалектах финали *вайчжуань*, как правило, относятся к фонологической серии «а», финали *нэйчжуань* — к фонологической серии «э». Ср. [21, с. 222—229].

слоги соответственно с историческими переднеязычными палатализованными, мягкими шипящими, твердыми шипящими).

Вайчжуань:	tsʿa	«чай»	—		ʂa	«песок»
	tʂʿou	«превзойти»	tʂou	«манить»	tʂou	«когти»
	tʂ$\widetilde{a}$	«стоять»	tʂ$\widetilde{a}$	«война»	tʂ$\widetilde{a}$	«рубить»
Нэйчжуань:	tʂəɯ	«локоть»	tʂəɯ	«круг»	tʂəɯ	«морщины»
	tsʿəŋ	«топуть»	ʂəŋ	«глубокий»	ʂəŋ	«проникать»
	tsʿəŋ	«путь, расстояние»	tʂəŋ	«варить на пару»	tʂəŋ	«бороться»

Исключение с современными свистящими в случае исторических переднеязычных палатализованных составляет небольшое число слогов с историческими финалями *-ɐŋ, *-æŋ, *-ɐk, *-æk. Ср. в диалекте Сапчжи (Хунань): tsʿən «подпирать», tse «водное пространство». По данным монографии [9], в Наикине свистящие охватывают только финали *-ɐk, *-æk (но не носовые); ср. tsəʔ «выбирать» (но tʂəŋ «подпирать»).

3. Система носовых финалей серии «ə» обычно включает шесть единиц — как, например, в Чэнду:

=ən =in =uən =yn
=oŋ =yoŋ

В некоторых диалектах, прежде всего юньнаньских, отсутствие финали типа *-yn* обусловлено переходом -yn > -in, который, в свою очередь, связан с общим переходом -y > -i. Кроме того, в южной и западной Юньнани и южной Хунани произошла деформация систем носовых, в результате которой здесь возможно слияние тех или иных финалей внутри одной серии либо финалей, относящихся к разным сериям, а также их частичная либо полная деназализация. Ср. материалы монографий [12, 13].

4. На большей части территории входящий тон (тон IV) либо сохранился — в диалектах нижнего течения Янцзы (Цзян-Хуай) и островками на остальной территории, либо полностью перешел в какой-нибудь один из других тонов, чаще — Iб, реже — тон III или Iа (см. табл. 1).

5. Рифмы тона IV в диалектах южного ареала — там, где утрачена конечная гортанная смычка, соответствующая этому тону,— представлены монофтонгами.

Таковы основные признаки, характерные для диалектов гуаньхуа бассейна Янцзы в целом. Обращаясь к вопросу о диалектном членении внутри южного ареала гуаньхуа, необходимо отметить следующее.

Особое место в пределах рассматриваемой территории занимают диалекты Чу, в которых судьба входящего тона обусловлена характером исторических инициалей. При глухих тон IV, как правило, сохраняется (либо имеет место переход IV > IIIб), при звонких (чаще иррегулярно не во всех слогах) наблюдается переход IV > IIIб, в некоторых хубэйских диалектах — IV > Iб. Данные о тоновой принадлежности слогов с сонорными инициалями неодинаковы для разных пунктов: сонорные совпадают по тоновой принадлежности слога либо с глухими, либо со звонкими (см. табл. 1). Отражение тона IV в зависимости от инициали охватывает при этом — помимо восточной части провинции Хубэй, которую Юань Цзяхуа относит к диалектам Чу — прилегающие районы провинции Аньхуэй и север провинции Хунань. От прочих диалектов южного ареала диалекты Чу (включая все перечисленные территории) отличаются не только неодинаковым отражением тона IV в зависимости от инициали, но также наличием современных тонов IIIа и IIIб. Тем самым район Чу сближается прежде всего с диалектами южной группы Гань (ср. [22]), многие из которых характеризуются делением тонов III и IV на современные серии «а» и «б» [7].

Остальные диалекты южного ареала подразделяются на две подгруппы — Цзян-Хуай и юго-западную, которые территориально совпадают

[7] На переходный характер диалектов Чу, занимающих промежуточное положение между гуаньхуа и южными группами Сян или Гань, указывает С. Е. Яхонтов [2, с. 78]. В диалектах группы Сян, однако, реже наблюдаются тоны IIIа и IIIб и невозможны два тона IV (хотя достаточно распространено разное отражение тона IV в зависимости от исторической инициали).

Таблица 1

Отражение тона IV в диалектах южного ареала гуаньхуа

Исторические инициали Современные тоны Примеры диалектов		глухие	сонорные	звонкие
Юго-западные и Цзян-Хуай:	Чэнду Нэйцзян Баосин Янчжоу	Iб III Iа V		
Диалекты Чу:	Линьли	IIIа		IIIб
	Шишоу	IV		
	Мачэн			IV, IIIб
	Аньлу			IV, Iб
	Тайху	IIIа	IIIб	

с соответствующими подгруппами, предложенными Юань Цзяхуа. Однако сохраняющие тон IV диалекты Цзян-Хуай не могут, строго говоря, быть противопоставлены по этому признаку юго-западным, также кое-где сохранившим тон IV и соответствующую ему гортанную смычку. Единственный фонетический признак, позволяющий разграничить указанные подгруппы — это сохранившееся в нижнем течении Янцзы различие между среднекитайскими рядами фонетических таблиц (*дэнами*) [8] двух исторических классов финалей, имевших соответственно рифмы типа **-am* и **-an* (традиционные классы *сянь*, *шань*).

В пекинском и большей части других диалектов гуаньхуа оба названных класса финалей представлены только с одной современной рифмой, ср. в пекинском финали -an, -uan, -ian, -yan. В диалектах Цзян-Хуай четырем перечисленным пекинским финалям соответствует пять или шесть. Ср. в Хэфэе

	=æ̃	=uæ̃ =ṽ	=iĩ	=yĩ
и в Янчжоу	=æ̃	=uæ̃ =õ	=iæ̃	
			=iĩ	=yĩ

Исторически современная финаль -ʊ (-õ) возможна только в слогах I и III *дэна* (III *дэн* при исторических палатализованных переднеязычных смычных и шипящих), современная финаль *-uæ̃* — в слогах II *дэна*; ср. следующие примеры в диалекте Янчжоу (в скобках указано пекинское произношение):

I *дэн*:	kõ (kuan)	«чиновник»	II *дэн*:	kuæ̃ (kuan)	«закрывать»
III *дэн*:	tsõ (tʂuan)	«специальный»	II *дэн*:	tsuæ̃ (tsuan)	«заработать»

Со II *дэном* совпадают слоги III *дэна* со среднекитайской губно-зубной сонорной инициалью; ср. uæ̃ «вечер», uæ̃ «десять тысяч».

Аналогично деление на современные финали -iæ̃ — -iĩ (возможное не во всех диалектах рассматриваемого района) соответствует делению на II—III, IV *дэн*:

IV *дэн*:	tçiĩ (tçian)	«плечо»	II *дэн*:	tçiæ̃ (tçian)	«трудный»
III *дэн*:	iĩ (ian)	«соль»	II *дэн*:	iæ̃ (ian)	«лицо»

Определенным своеобразием внутри юго-западной подгруппы отличаются расположенные на крайнем юге диалекты Юньнани, заселение ко-

[8] Деление на четыре ряда (*дэна*) в среднекитайском обусловлено характером финали: слоги II *дэна* отличались от слогов I *дэна* более передним или более открытым слогообразующим гласным; слоги III и IV *дэнов* характеризовались наличием медиали -i-; кроме того, согласные III *дэна* были йотированными. Ср. например, [23].

торой китайцами началось сравнительно недавно — начиная с XIV в. Периферийное положение юньнаньских диалектов, с одной стороны, привело к тому, что они оказались не охваченными некоторыми достаточно поздними инновациями, возникшими в бассейне Янцзы: здесь (как и в периферийных диалектах юга Хунани, Гуйчжоу и Гуанси) сохранилось противопоставление l- — n-, исчезнувшее на остальной территории, широко распространено противопоставление шипящих свистящим. С другой стороны, именно периферийный, изолированный характер юньнаньских диалектов, по-видимому, способствовал упрощению в ряде пунктов систем носовых финалей, а также появлению перехода -у > -i, охватившего многие диалекты этого района [9].

Диалекты северного ареала гуаньхуа, расположенные к северу от реки Хуайхэ и центрального горного пояса, образуют менее тесное единство, чем южные, хотя их противопоставление южному ареалу по пяти выделенным выше пунктам не вызывает сомнений.

1. Общим для всего северного ареала является противопоставление l- — n- в слогах любого медиального статуса. На западе ареала возможен (как правило, иррегулярный) переход n->l- в слогах с медиалью -u-.

2. На большей части территории наличествует противопоставление шипящих свистящим. Однако здесь, в отличие от южного ареала, имеется не один, а два типа отражения соответствующих трех среднекитайских групп инициалей (палатализованных переднеязычных, твердых шипящих и мягких шипящих), каждый из которых не совпадает с южным.

а) В диалектах северного типа I, в том числе пекинском, шипящие соответствуют всем трем указанным группам инициалей. Незначительное число исключений, состав которых варьирует по диалектам, ограничено заимствованными «литературными» вариантами произношения ряда морфем с историческими финалями *-ɐk, *-æk, *-iə̆k (последняя только при исторических твердых шипящих). Ср. в пекинском диалекте tsə «выбирать», tsʿə «план», *sə* «цвет». К «литературным» заимствованиям в диалекте Пекина, по-видимому, относятся также две морфемы с историческими финалями *-ĭet, *-iəp: sə «китайская цитра», sə «терпкий».

б) В диалектах северного типа II современные шипящие возможны только в слогах исторического III *дэна*, при том, что исключение со свистящими составляет среднекитайский класс финалей *чжи* (финали *-jie, *-ji) при мягких шипящих; в слогах II *дэна* представлены современные свистящие. В результате в диалектах северного типа II современных слогов со свистящими еще больше, чем на юге: свистящие охватывают здесь полностью (а не частично, как в диалектах южного ареала) исторические твердые шипящие и частично — палатализованные переднеязычные смычные (которые на юге, как правило, представлены шипящими). Ср. следующие примеры в диалекте Сюйчжоу: II *дэн*: tsʿ*a* «чай», s*a* «песок», tsæ̃ «стоять», tsə «когти», tsæ̃ «рубить», tsou «морщины», sə̃ «проникать», tsʿəŋ «подпирать»; III *дэн*: tʂæ̃ «война», tʂʿə «превзойти», tʂou «локоть», tʂəŋ «варить на пару».

Распространение северного типа I в основном ограничено восточными районами северного ареала: он охватывает большую часть провинции Хэбэй, ряд южношаньсийских пунктов, некоторые диалекты Дунбэя, значительную часть Хэнани, западный Шаньдун, север Цзянсу и Юньсянь на севере провинции Хубэй. На западе этот тип отмечен только в двух пунктах Ганьсу (Ланьчжоу и Юйчжун) и был зафиксирован нами у выходца из Иньчуаня.

Северный тип II обладает меньшей определенностью распространения: охватывая большую часть западных диалектов северного ареала, он в то же время присущ многим хэнаньским и далее на восток отмечен

---

[9] По мнению Ян Шифэна, однако, упрощение систем носовых финалей в диалектах Юньнани обусловлено контактами с местными некитайскими народами [24]; ср. также материалы по грамматике диалекта Хаоцин, приведенные в статье Пэн Гоцзюня [25]. Вместе с тем нельзя не учитывать, что аналогичное упрощение систем носовых финалей наблюдается в другом изолированном районе, не связанном с Юньнанью,— диалектах Цзинь (ср. ниже).

Таблица 2

Отражение тона IV в диалектах северного ареала гуаньхуа

Исторические инициали Современные тоны Примеры диалектов		глухие	сонорные	звонкие
Диалекты зоны Вэйхэ-Хуанхэ:	Сиань Ланьчжоу	Iа III		Iб
Диалекты северной зоны:	Чанли Цзинань Пекин	II Iа Iа, Iб, II, III	III	Iб
	Чанхай Пинду	II	III (Iб) III	
Диалекты Цзинь:	Тайюань	IVа		IVб
	Утай	IV		

на севере провинций Аньхуэй и Цзянсу, а также в ряде прибрежных пунктов от Шаньдуна до Ляонина (включая Тяньцзинь). В районе, расположенном на границе провинций Хэнань, Хубэй и Аньхуэй, северный тип II значительно продвинулся на юг.

Особо следует отметить диалекты восточной части Шаньдуна и примыкающие к ним по этому признаку Чанхай в Ляонине, и Ганьюй в северной Цзянсу. В этих диалектах рассматриваемые исторические инициали также получили разное отражение в зависимости от *дэна*, однако слоги двух соответствующих групп представлены с иными современными инициалями, причем неодинаково по пунктам.

Противопоставление шипящих свистящим в пределах северного ареала исчезло в большей части диалектов Дунбэя, а также полосой вдоль границы двух северных типов — от Внутренней Монголии, главным образом через территорию Шаньси и Хэнани, вплоть до реки Хуайхэ.

3. Отмечены системы носовых финалей серии «э» двух типов — охватывающая большую часть диалектов северного ареала восьмичленная, типа пекинской, включающей финали

=эn =in =uэn =yn
=эŋ =iŋ =uŋ =yŋ

и четырехчленная, как в Ланьчжоу, где представлены финали

=эn =in =un =yn.

Последняя характерна прежде всего для диалектов северной зоны тона IV (так называемых диалектов Цзинь, см. ниже), распространяясь за их пределами только на территорию западного Гуаньчжуна в Шэньси и Ганьсу.

4. Тон IV — там, где он исчез, перешел в два или более современных тона в зависимости от исторической инициали (см. табл. 2), причем типы его отражения образуют две четко отграниченных зоны.

а) Непосредственно граничащая с диалектами южного ареала гуаньхуа обширная зона бассейна Вэйхэ-Хуанхэ, которая протянулась от Увэя и Юнчана на западе Ганьсу через юг этой провинции, долину Гуаньчжун в Шэньси, район нижнего течения реки Фэньхэ в Шаньси, Хэнань и далее — вдоль исторического русла реки Хуанхэ (на протяжении нескольких столетий — вплоть до 1851 г.— впадавшей в океан южнее Шаньдунского полуострова) — через север Аньхуэй до Ганьюя в северной части Цзянсу. В диалектах перечисленных районов тон IV распределен между двумя современными тонами, причем слоги с историческими звонкими относятся к тону Iб, слоги с историческими глухими и сонорными — в большей части пунктов к тону Iа. Согласно классификации, предложен-

ной Юань Цзяхуа, диалекты западной части рассматриваемой зоны относятся к северо-западной подгруппе, диалекты восточной части (включая Хэнань, север Аньхуэй и Цзянсу) — к северной подгруппе гуаньхуа.

б) Северная зона, включающая большую часть районов, диалекты которых отнесены Юань Цзяхуа к северной подгруппе гуаньхуа: Хэбэй (кроме ее западной части), запад и север Шаньдуна (данные по последней провинции неполные), Дунбэй (кроме некоторых диалектов полуострова Ляодун). В исходных системах этой зоны тон IV разделен между тремя современными тонами: Iб (слоги с историческими звонкими инициалями), III (слоги с историческими сонорными), II или Iа (слоги с историческими глухими). Кроме того, во многих диалектах северной зоны в результате междиалектных заимствований слоги тона IV с историческими глухими оказались иррегулярно распределенными между разными современными тонами (неодинаково в зависимости от пункта). К диалектам последнего типа относится прежде всего пекинский, в формировании которого участвовали главным образом две разновидности, входящие в северную зону, для которых характерен переход IV > II и IV > Iб. Проникновение единиц с тоновым переходом IV > Iб и IV > III, по-видимому, обусловлено контактами с диалектами иных зон.

К северной зоне можно также отнести ряд восточношаньдунских пунктов, данные по которым весьма ограничены, и четыре пункта полуострова Ляодун в Ляонине, заселенного в XIX в. выходцами из Шаньдуна, проникавшими в Дунбей морским путем. В результате слияния тонов Iб и III в этих диалектах тон IV оказался распределенным между двумя современными тонами — II (при исторических глухих) и III (Iб) (при исторических сонорных и звонких). В Пинду слияния названных тонов не произошло (хотя они очень близки фонетически), однако при исторических звонких здесь все же наблюдается переход IV > III, а не IV > Iб, что приводит к аналогичным результатам.

Наряду с двумя зонами утраченного тона IV в пределах северного ареала имеется также область диалектов, сохранивших этот тон вместе с соответствующей ему гортанной смычкой. Диалекты северной зоны тона IV (иначе — диалекты Цзинь) охватывают прежде всего большую часть провинции Шаньси и север Шэньси, а также прилегающие районы Внутренней Монголии, провинции Хэбэй и Хэнань. При этом в ряде пунктов центральной Шаньси, в Убу на территории Шэньси и Ваньцюане на территории провинции Хэбэй тон IV делится на две современные серии — IVа и IVб.

5. Рифмы тона IV в диалектах двух зон, утративших этот тон, представлены не только монофтонгами, как на юге, но также дифтонгами, допустимыми (по-разному в каждой из зон) в слогах со среднекитайским конечным *-k.

а) В исходных «разговорных» системах северной зоны (исключая Шаньдун в тех немногих случаях, для которых мы располагаем соответствующими данными) дифтонги возможны для всех среднекитайских классов финалей с конечным *-k. Финали -au(-iau) при этом соответствуют историческим классам *дан*, *цзян* (финали *-*a*k, *-ĭak, *-ɔk), -ei — первому и -ai — второму *дэну* классов *цзэн* и *гэн* (финали *-ək и *-ɐk, *-æk), финали -ou-(-iou) — классу *туй* (финаль *-iuk). Ср. следующие примеры в диалекте Пекина:

(1)	lau	«выжигать»	iau	«лекарство»
(2)	pei	«север»	xei	«черный»
	pai	«сто»	tʂai	«жилище»
(3)	rou	«мясо»	liou	«шесть»

В заимствованном «литературном» слое диалектов северной зоны рифмам тона IV, однако, всегда соответствуют монофтонги, причем различие между классами, а также между I и II *дэном* классов *цзэн* и *гэн*, здесь не отражено. Ср. *хə* «журавль», *lə* «вести на веревке», sə «цвет», для которых возможны также и «разговорные» варианты, соответственно xau, lei, ʂai. По свидетельству С. Е. Яхонтова, дифтонги типа -au, -ei в слогах рас-

сматриваемой категории имелись уже в наиболее раннем памятнике, фиксирующем пекинскую (или близкую пекинской) фонетику — фонетических таблицах Шао Юна (XI в.). Много таких форм было также в словаре «Чжунъюань иньюнь», отражающем диалект Даду (нынешнего Пекина) XIV в., однако постепенно они были вытеснены заимствованными формами с монофтонгами [26, с. 35—37].

б) В диалектах зоны Вэйхэ-Хуанхэ, а также в Шаньдуне, дифтонг -ei (реже — в некоторых диалектах Хэнани — -ai) ограничен только слогами I и II *дэна* классов *цзэн* и *гэн*, причем различие между *дэнами* здесь не отражено. Ср. в Пэйсяне (Цзянсу): pei «север», pei «сто»; в Сиане: xei «черный», kʿei «преодолеть», kʿei «гость», kuei «государство». В ряде пунктов Хэнани рассматриваемая категория слогов реализуется — как на юге — с современными монофтонгами.

Лингвогеографическое изучение северного ареала гуаньхуа, таким образом, выявляет диалектные подразделения, которые отличаются от подгрупп, предложенных для соответствующей территории Юань Цзяхуа.

Особое место внутри северного ареала занимают охватывающие относительно изолированные районы Шаньси и северной Шэньси диалекты Цзинь (ср. также [27]), которые включены Юань Цзяхуа в северо-западную подгруппу. Эти диалекты противопоставлены прочим гуаньхуа северного ареала не только наличием тона IV (или даже тонов IVа и IVб), но также четырехчленной системой носовых финалей серии «э». Кроме того, диалекты Цзинь,— прежде всего центральношаньсийские, составляющие ядро этого района,— обнаруживают другие особенности, отсутствующие на остальной территории рассматриваемого ареала:

а) *слияние финалей, соответствующих пекинским с рифмами -an и -aŋ*, а также их полная или частичная деназализация. Ср. следующие примеры:

Пекин	=an	=aŋ	=ian	=iaŋ	=uan	=uaŋ	=yan
Баотоу	=an	=aŋ	=ie	=iaŋ	=uan	=uaŋ	=ye
Холу	=a	=ã	=ia	=iã	=ua	=uã	=ya
Лиши	=E	=*a*	iɛ	=i*a*	=uE	=u*a*	=yɛ
Пинъяо	=E		=iɛ		=uE		=yɛ;

б) отсутствие деления тона I на современные серии «а» и «б»;

в) *отражение в современной системе рифм исторического деления классов сянь и шань* (рифмы типа *-*am*, *-*an*) на *дэны*.

Примером диалектов Цзинь, отражающих это деление, может служить Вэньшуй, для которого опубликован небольшой морфемный словарь [28]. В синхронном плане пекинским финалям -an, -uan, -ian, -yan в Вэньшуе соответствует семь:

=ən	=un	=in	=yn
=aŋ	=uaŋ	=iaŋ	

При этом финали, соответствующие пекинской -aŋ, обычно произносятся здесь как деназализованные (исключение составляет несколько морфем, являющихся, очевидно, недавними заимствованиями).

Исторически деление на современные рифмы -ən — -aŋ восходит к делению на среднекитайские I, III, IV — II *дэны*. Ср. следующие примеры (в скобках указано пекинское произношение):

I *дэн*:	pən (pan)	«передвигать»	II *дэн*:	paŋ (pan)	«группа»
	kun (kuan)	«чиновник»		kuaŋ (kuan)	«закрывать»
IV *дэн*:	lin (lian)	«соединять»		tçiaŋ (tçian)	«между»
III *дэн*:	tçʿyn (tçʿyan)	«взвешивать»			

Со II *дэном* совпадают слоги III *дэна* в случае исторических губно-зубных инициалей: xuaŋ «еда», uaŋ «вечер» (в пекинском соответственно fan, uan); ср. выше аналогичное исключение для губно-зубной сонорной инициали в диалектах Цзян-Хуай.

Вместе с тем существенное отличие системы Вэньшуя от системы диалектов Цзян-Хуай состоит в том, что рассматриваемое различие между *дэнами* отражено здесь не только при медиалях -i-, -y-, но также в случае

современных слогов, не имеющих медиалей. Ср.: tsən «война», kən «сухой», но tsʿaŋ «производить» (в пекинском соответственно tsan, kan, tsʿaŋ). При этом важно также отметить, что слоги, не имеющие медиалей, в диалекте Вэньшуя группируются несколько по-иному, чем в отражающем среднекитайское произношение IV—VIII вв. словаре «Цеюнь»: I *дэн* «Цеюня» при переднеязычных инициалях в Вэньшуе совпадает со II *дэном*. Ср. taŋ «одинарный», tʿaŋ «жадный», naŋ «юг», laŋ «орхидея», tsaŋ «копить», tsʿaŋ «шелковичный червь», saŋ «три». Аналогичное перераспределение слогов I и II *дэнов* «Цеюня» обнаружено С. Е. Яхонтовым в вышеупомянутом словаре Шао Юна, отражающем раннее северокитайское произношение [26, с. 39—41].

Остальные диалекты северного ареала противопоставлены прежде всего типом отражения тона IV (четкие зоны Вэйхе-Хуанхэ — северная) и отчасти — отражением рифм этого тона. В Шаньдуне, на территории которого проходит граница двух упомянутых зон, распространены системы переходного характера — относящиеся к северным по первому признаку и к зоне Вэйхэ-Хуанхэ — по второму; к числу таких переходных относится, в частности, диалект Цзинаня. Кроме того, Шаньдун вместе с входящей в зону Вэйхэ-Хуанхэ Хэнанью образует единство по признаку современной фонетической реализации тонов, принадлежащей к наиболее варьирующим и изменчивым признакам. Это, по-видимому, свидетельствует об активном междиалектном взаимодействии в пределах территории Хэнань-Шаньдун, имевшем место в период более поздний по отношению к формированию двух северных типов отражения тона IV. Названным взаимодействием, возможно, объясняется также отсутствие определенности в распространении типов отражения среднекитайских шипящих и палатализованных смычных переднеязычных инициалей на юго-востоке северного ареала гуаньхуа: большая часть провинции Хэбэй охвачена северным типом I (пекинским), однако южнее — на территории Шаньдуна, Хэнани, северной Цзянсу — получили распространение оба северных типа — и пекинский, и северный тип II, присущий западу северного ареала.

Как смешанная, включающая черты разных диалектов (причем относящихся не только к северному, но также и к южному ареалу гуаньхуа), должна быть охарактеризована территория западной части зоны Вэйхэ-Хуанхэ, т. е. Ганьсу и западный Гуаньчжун. С одной стороны, здесь возможны переходные или даже южные системы, в которых противопоставление l- — n- ограничено слогами с палатальными медиалями либо вообще отсутствует; с другой, наблюдаются явления, типичные для зоны диалектов Цзинь: четырехчленная система носовых финалей серии «о», в некоторых ганьсуйских диалектах — отсутствие деления тона I на современные серии «а» и «б». В Ланьчжоу, Цзюцюане, а также в Иньчуане обнаружена к тому же фонетическая реализация тонов, характерная для юго-западных гуаньхуа (в отношении фонетической реализации тонов Ланьчжоу совпадает с Чэнду). Прочие диалекты рассматриваемого района смыкаются по фонетической реализации тонов с восточным Гуаньчжуном в Шэньси.

В итоге классификация диалектов гуаньхуа по фонетическим признакам — с учетом обобщенного выше материала — должна быть представлена следующим образом.

I. Диалекты северного ареала гуаньхуа: 1) Цзинь; 2) остальные: диалекты бессейна рек Вэйхэ-Хуанхэ; северные.

II. Диалекты южного ареала гуаньхуа, или гуаньхуа бассейна Янцзы: а) юго-западные; Цзян-Хуай; б) Чу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Яхонтов С. Е.* Классификация диалектов китайского языка.— В кн.: Исследования по филологии стран Азии и Африки. Л., 1966.
2. *Яхонтов С. Е.* Географическое распространение диалектов китайского языка.— Вестник ЛГУ, 1967, № 2.
3. *Egerod S.* Tonal splits in Min.— Journal of Chinese Linguistics, 1976, v. 4, № 1.
4. *Hashimoto Oi-kan Y.* Substratum in Southern Chinese — the Tai connection.— Computational Analysis of Asian and African Languages, 1976, № [illegible].

5. *Ballard W. L.* Fact, theory and fantasy in Chinese historical phonology.— Computational Analysis of Asian and African Languages, 1980, № 13.
6. *Юань Цзяхуа.* Диалекты китайского языка. М., 1965.
7. *Юань Цзяхуа.* Ханьюй фанъянь гайяо (Очерк диалектов китайского языка). Пекин, 1960.
8. *Чжао Юаньжэнь, Ян Шифэн.* Цзици Линбэй фанъянь (Диалект Линбэй уезда Цзици).— Голи чжунъян яньцзююань лиши юйянь яньцзюсо цзикань, 1965, т. XXXVI, ч. 1.
9. Цзянсу шэн хэ Шанхай ши фанъянь гайкуан (Обзор диалектов провинции Цзянсу и города Шанхая). Нанкин, 1960.
10. *Дин Бансинь.* Жугао фанъянь ды иньюнь (Фонетика диалекта Жугао.) — Голи чжунъян яньцзююань лиши юйянь яньцзюсо цзикань, 1966, т. XXXVI, ч. 2, с. 629—630.
11. *Чжао Юаньжэнь, Дин Шэншу, Ян Шифэн, У Цзунцзи, Дун Тунхэ.* Хубэй фанъянь дяоча баогао (Доклад об обследовании диалектов провинции Хубэй). Шанхай, 1948.
12. *Ян Шифэн.* Юньнань фанъянь дяоча баогао (Доклад об обследовании диалектов провинции Юньнань). Тайбэй, 1969.
13. *Ян Шифэн.* Хунань фанъянь дяоча баогао (Доклад об обследовании диалектов провинции Хунань). Тайбэй, 1974.
14. Хэбэй фанъянь гайкуан (Обзор диалектов провинции Хэбэй). Тяньцзинь, 1961.
15. Сычуань фанъянь иньси (Фонетика диалектов провинции Сычуань).— Сычуань дасюе сюебао, 1960, № 3.
16. *Мэн Цинхуэй.* Аньхуэй фанъянь бяньчжэн (Исправление диалектного произношения провинции Аньхуэй). Хэфэй, 1961.
17. *Yang P.* Chinese dialectology. 1955—1965.— Orbis, 1966, v. XV, № 1.
18. *Egerod S.* Dialectology.— In: Current trends in linguistics. v. II. The Hague, 1967,
19. *Завьялова О. И.* Диалекты Ганьсу. М., 1979.
20. Цзяодун жэнь цзэньян сюеси путунхуа (Как жителям района Цзяодун изучать путунхуа). Цзинань, 1960.
21. *Hashimoto M. J.* Phonology of Ancient Chinese. V. 1. Tokyo, 1978.
22. *Ян Шифэн.* Цзянси фанъянь шэндяо ды дяолэй (Тоновые классы диалектов провинции Цзянси).— Голи чжунъян яньцзююань лиши юйянь яньцзюсо цзикань, 1971, т. XLIII, ч. 3.
23. *Яхонтов С. Е.* Сочетания гласных в древнекитайском языке.— XXV международный конгресс востоковедов: Доклады делегации СССР. М., 1960, с. 2.
24. *Ян Шифэн.* Юньнань фанъянь шэндяо фэньбу (Распространение тонов в диалектах Хунани).— Голи чжунъян яньцзююань лиши юйянь яньцзюсо цзикань, 1959, т. XXX, ч. 1, с. 119.
25. *Пэн Гоцзюнь.* Юньнань Хаоцин хуа ли ды исе юйинь, юйфа сяньсян (Некоторые фонетические и грамматические явления в диалекте Хаоцин, Юньнань).— Чжунго юйвэнь, 1957, № 9.
26. *Яхонтов С. Е.* Пекинское произношение XI в.— В кн.: Разыскания по общему и китайскому языкознанию. М., 1980.
27. *Яхонтов С. Е.* Классификация диалектов китайского языка.— Филология и история стран зарубежной Азии и Африки: Тезисы научной конференции Восточного факультета. Л., 1965.
28. *Ху Шуанбао.* Шаньси Вэньшуй хуа хэ путунхуа юйинь, юйхуэй ды бицзяо (Сравнительное описание фонетики и лексики диалекта Вэньшуй, Шаньси и путунхуа).— Фанъянь юй путунхуа цзикань, 1958, VII.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1982

БАЛАХОНОВА Л. И.

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ПРОСТОРЕЧНОЙ И ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

Сопоставляя функционально-стилистические квалификации одних и тех же однотипных в структурно-семантическом отношении слов в разных словарях современного русского языка, мы неизбежно сталкиваемся с противоречиями и разнобоем в этих квалификациях, с нечеткостью критериев разграничения лексики разных стилистических пластов.

Факты расхождения стилистической характеристики слов, вызванные причинами не только субъективного, но и объективного характера, неоднократно становились предметом анализа и критики в рецензиях и разного рода статьях, построенных на материале словарей (В. В. Виноградов, Ф. П. Филин, Ю. С. Сорокин, А. М. Бабкин, А. П. Евгеньева, Е. А. Земская, Л. И. Рахманова, Л. П. Катлинская, С. И. Виноградов и др.).

При определении функциональной закрепленности и стилистической окраски слов лексикографы практически ориентируются: 1) на показания других словарей (предшествующих и современных), 2) на литературные тексты, иллюстрирующие реальное употребление слова и подтверждающие правильность лексикографической маркировки и 3) на собственное языковое восприятие, «чувство литературной нормы». Даже если исходить из того, что лексикографы являются носителями образцового литературного языка и их словоупотребление наиболее объективно отражает языковые нормы, субъективизм стилистических оценок отдельных слов неизбежен. Он мотивирован, с одной стороны, изменчивостью во времени норм и границ кодифицированного словоупотребления, вызывающей существование дублирующих, вариантных, переходных словоформ, не всегда укладывающихся в жесткие рамки принятых классификаций и допускающих разную нормативно-стилистическую оценку, с другой стороны,— отсутствием научно обоснованных критериев для отнесения некоторых разрядов слов к той или иной нормативно-стилистической категории.

В работах, касающихся вопросов взаимодействия литературного языка и территориальных диалектов, постоянно указывается на сложность, условность, а в некоторых случаях и невозможность отграничения диалектной лексики от просторечной (Л. И. Баранникова, Т. С. Коготкова, О. И. Блинова, С. Д. Кац и др.). Вопрос о границах между просторечной и диалектной лексикой приобретает особую актуальность в лексикографической практике — при отборе словарных единиц в областные словари.

Условность границы между просторечной и диалектной лексикой нередко объясняют причинами генетического порядка, историческими связями просторечия с народными говорами, которые не совсем правомерно рассматриваются иногда как основной источник образования этого сниженного пласта общенародного языка [1]. Однако диалектное происхождение слова в данном случае не может быть определяющим фактором хотя бы потому, что народно-диалектная речь не является единственным генетическим источником просторечия, а также потому, что путь диалектизма в общее употребление не всегда проходит через просторечие, по-

[1] Ср., например: «Взаимоотношение между лексикой литературного языка и диалектной лексикой... включает в себя и влияние диалектной лексики на литературный язык. Одним из результатов влияния можно считать образование того пласта лексики литературного языка, который носит название просторечия» [1].

скольку оно не является обязательной переходной средой в двусторонней связи народных говоров и литературного языка [2]. Кроме того, бóльшая часть диалектизмов, вошедших в общенародный язык, в том числе в состав просторечия, ни по семантике, ни по структуре не обнаруживает своего происхождения; оно может быть установлено только в результате специального исследования.

Проблема отграничения диалектного от общенародного на лексическом уровне касается не только просторечия, но и других функционально-стилистических разрядов общенародного языка. Более сложным во многих случаях бывает разграничение общенародного и диалектного в семантико-синтаксических структурах общенациональных слов.

Закономерности процессов взаимопроникновения просторечной и диалектной лексики изучены пока еще недостаточно, но все же можно с уверенностью сказать, что сложность их разграничения касается далеко не всех лексико-семантических разрядов просторечия. «Отграничение многих разговорно-просторечных слов от диалектных,— пишет Ф. П. Филин,— не вызывает никаких затруднений» [3, с. 26]. В самом деле, вызывает ли сомнение принадлежность к лексическому составу общенародного языка таких, например, слов, как *блондинистый*, *бухнуться*, *взбучка*, *впритирку*, *врезать*, *мельтешить*, *всучить*, *голодранец*, *дохляк*, *замордовать*, *наорать*, *облапошить*, *обалдеть*, *ободранец*, *орава*, *пропойца*, *работяга*, *столовка*, *трудяга*, *умаслить*, *умять*, *уперeть*, *хамить*, *хлюпик*, *шляться* и т. п. Приведенные слова квалифицируются в современных нормативных справочниках как просторечные (в единичных случаях есть расхождения в плане «просторечное — разговорное»). Мы не касаемся здесь вопроса о правильности стилистической маркировки всех приведенных слов. Важен сам факт общей абсолютно равнозначной оценки их как единиц общенародного языка. В сознании говорящих по-русски данные лексемы не ассоциируются с диалектизмами, хотя некоторые из них пришли в общее употребление из народно-диалектной речи. Если они и не характерны для повседневной речи лиц, владеющих образцовым литературным языком, все же могут быть употреблены на всем «пространстве» русской разговорной речи, использованы в соответствующей ситуации устной или письменной формы языкового общения любым говорящим по-русски [3].

Характер экспрессии и степень стилистической сниженности у некоторых из приведенных выше просторечных слов если и порождает трудности отграничения, то не от диалектных, а от разговорных слов. «Каждый лексикограф знает,— пишет Ф. П. Филин,— что наиболее зыбкими являются границы не между областными и просторечными словами..., а между просторечными и разговорными [2, с. 11]. Действительно, в словарях гораздо больше расхождений в пометах «простореч.», и «разг.», чем «простореч.» и «обл.». Многие из просторечных слов с течением времени перешли в разряд разговорных; достаточно сравнить стилистическую характеристику многих слов в Словаре под ред. Д. Н. Ушакова и в последующих словарях. В предисловии к девятому изданию Словаря С. И. Ожегова его редактор Н. Ю. Шведова пишет: «За истекшее десятилетие многие просторечные слова вошли в разговорную речь носителей литературного языка; помета „просторечное“ в этих случаях заменилась пометой „разговорное“» [5].

Если расхождения в нормативно-стилистической квалификации приведенных выше слов вызваны зыбкостью и подвижностью границ между частью просторечной и разговорной лексики, то в некоторых разрядах просторечия трудности, расхождения в нормативно-стилистической оцен-

---

[2] Ср.: «... напрасно было бы полагать, что диалектные слова попадают в литературный язык только через просторечие или преимущественно через него ... Многие слова, бывшие диалектными этнографизмами, диалектными географическими названиями и т. д., сразу стали нейтрально-литературными словами» [2, с. 10].

[3] Ср.: «... даже в произведениях, отличающихся особой строгостью содержания и изложения, встречаются (обычно в полемической части) стилистически сниженные элементы» [4].

ке обусловлены взаимовлиянием и взаимопроникновением общенародного языка и народных говоров.

Исследователи современного русского просторечия постоянно указывают, что при всей разнородности языковых фактов, объединяемых этой стилистической категорией, основной водораздел проходит между фактами, представляющими собой сниженные элементы литературного языка, и фактами, стоящими за пределами литературного языка и являющимися разного рода нарушениями норм литературного употребления. Терминологическое разграничение литературных и внелитературных элементов просторечия [4] облегчает задачу определения их статуса, выявления дифференциальных признаков тех и других элементов.

Лексика, относимая к внелитературному просторечию, выводится за пределы литературного языка не из-за характера заключенной в ней экспрессии, не из-за превышения допустимой нормы экспрессивно-эмоциональной сниженности. Как правило, она противопоставляется литературной лексике, выполняющей чисто номинативную функцию, в качестве ее дублирующего состава, являющегося нормой для определенной социальной среды. Употребление ее как нейтральной лексики характерно для людей (преимущественно старшего поколения), сохранивших в своей речи диалектные черты и недостаточно владеющих литературным языком [5].

Среди внелитературных элементов просторечия выделяется обширная группа различных структурных модификаций нейтральных литературных слов типа *валенцы*, *вертаться*, *вчерась*, *давеча*, *заганyть*, *завсегда*, *зачать* (*начать*), *кажись*, *ложить*, *нагинаться*, *насмеливаться*, *незнамо*, *обымать*, *отымать*, *отпущать*, *сзаду*, *скричать*, *снутри*, *спервоначала*, *сродственник*, *сымать*, *теперича*, *токмо*, *ужасть*, *ужо*, *эвон* и т. п. По своему происхождению эти словоформы различны: одни из них восходят к народно-диалектной речи, другие — к общенародному языку. Вопрос об их происхождении, однако, не входит в задачу данной статьи, он требует специальных исследований.

Положение, сфера функционирования этих внелитературных словоформ и элементов литературного просторечия принципиально различны. Водораздел между ними определяется функционально-нормативным статусом. Если любое слово литературного просторечия «может быть употреблено и употребляется в подходящей ситуации любым образованным человеком» [8, с. 20], то рассматриваемые словоформы недопустимы с точки зрения правильного литературного языка ни в какой ситуации (кроме преднамеренной стилизации).

Литературное просторечие — весьма продуктивный, активно развивающийся разряд стилистически маркированных средств, постоянно пополняемый из разных источников; рассматриваемые словоформы в современном общенародном употреблении потенциально не имеют перспективы: благодаря влиянию кодифицированных форм они при повышении общей культуры речи должны постепенно как избыточная вариантность исчезнуть (как исчезли многие речевые нарушения, характерные для речевой практики предшествующих периодов).

Литературное просторечие граничит с разговорной речью, и какая-то его часть постоянно передвигается в этот стилистический разряд; рассматриваемые внелитературные лексемы, с одной стороны, смыкаются и даже совпадают со словоформами, которые сопровождаются в нормативных справочниках запретительными пометами как речевые ошибки (ср.: *влазить*, *ндравиться*, *подскользнуться*, *трудящий*, *лаболатория* и т. п.), с другой стороны,— граничат с диалектными лексемами очень широкого ареала, представляющими собой по формальным признакам также моди-

[4] Ср.: «Под современным внелитературным просторечием следует понимать язык той части населения, прежде всего городского, которая еще недостаточно овладела литературными языковыми нормами. Практически это просторечие и „полудиалекты“ смыкаются» [6].

[5] Ср.: «Практически мы до сих пор слышим из уст многих современников, жителей сел и городов, своеобразный „полудиалект“, в котором в разной степени объединяются и смешиваются черты, свойственные литературной речи, с пережиточными языковыми явлениями, восходящими к традиционным территориальным диалектам» [7].

фикации литературно-нейтральных единиц [ср.: *вместях*, *вото* (*вот*), *вынять*, *завтрева*, *изделать*, *когды*, *куплять*, *кыпяток*, *нонче*, *огромадный*, *пущай* и т. п.].

Различие литературного и внелитературного просторечия находит отражение в их функционировании в языке художественной литературы. Общеизвестно, что просторечие в художественном языке служит средством речевой характеристики персонажей, а в авторском тексте также — средством создания стиля, близкого к разговорному. Известно также, что современные писатели достаточно часто и свободно употребляют просторечные слова в авторском тексте. Однако, если литературное просторечие может быть использовано и с той и с другой целью, то внелитературные модификации нейтральных слов используются только для речевой характеристики. В произведениях советских писателей мы не встретим в авторском тексте таких, например, слов, как *ложить*, *скричать*, *надсмешка*, *сродственник* и т. п. (если это не косвенная речь или преднамеренная стилизация).

Многие слова, представляющие собой в современном языке ненормативные модификации нейтральных литературных единиц, в прошлом занимали иное положение в нормативно-стилистической системе общенародного языка. Если сейчас эти слова воспринимаются лицами, владеющими литературным языком, как элемент неправильной, малограмотной речи, то еще в XIX — начале XX вв. многие из них были обычны для общего употребления, что подтверждается постоянным и нецеленаправленным в стилистическом плане их использованием в письменных источниках самого широкого профиля, как в авторском тексте, так и в речи персонажей самой разной социальной принадлежности. Ср.: [Фамусов]: *Где был? Скитался сколько лет! О т к у д о в а теперь?* (Грибоедов, Горе от ума); *Но ты, Бордо, подобен другу, который в горе и в беде Товарищ з а в с е г д а, везде* (Пушкин, Евгений Онегин); — *Будто в ч е р а с ь т о к м о познакомились* (Лермонтов, Княгиня Лиговская); *Дом... был деревянный, оштукатуренный только с н у т р и* (Лев Толстой, Война и мир); — *Служил я, т е п е р и ч а, в земском суде заседателем* (Салтыков-Щедрин, Губернские очерки); *Дедушка... хотел что-то сказать, но не н а с м е л и л с я* (Бунин, Суходол); *Шепот, который Авилов слышал д а в е ч а за стеною, перешел в... громкий разговор* (Куприн, Ночлег); *Песни и музыка доносились уже и з д а л е ч е* (А. Н. Толстой, Хромой барин).

Почти все подобные слова зафиксированы в старых общенародных словарях.

Постепенные изменения в статусе этой лексики — сужение сферы употребления, переход из разряда немаркированных лексических единиц в состав внелитературного просторечия, исчезновение некоторых лексем из общенародного употребления при сохранении в архаическом слое народных говоров — обусловили разное отношение к ней лексикографов при отборе лексических единиц в современные толковые словари в зависимости от их типа.

В БАС, ориентированном на словоупотребление XIX—XX вв., рассматриваемая лексика представлена очень широко и последовательно и подтверждается богатым иллюстративным материалом. Особенность цитатного материала на эти слова заключается в том, что он почти целиком относится к XIX в. (в иллюстрациях из советской литературы эти слова представлены только в прямой речи), что соответствует их реальному употреблению в указанный период. Так, из восьми цитат на слово *ужасть* к XIX в. относится семь (Белинский, А. Н. Островский, Н. Успенский, В. Соллогуб, С. Аксаков и др.), и только одна цитата — к советскому периоду [— *Бой тут был, страсть! Набито их у ж а с т ь, ну, у ж а с т ь сколько* (Б. Полевой, Повесть о настоящем человеке)]. Слово *завсегда* подтверждается цитатами из Пушкина, Тургенева, Куприна; *подале* — цитатами из Пушкина, Загоскина, Гоголя; *надсмехаться* — цитатами из Чернышевского, Гл. Успенского, М. Горького; *эвот* — цитатами из Пушкина, А. К. Толстого, Решетникова. Аналогичен характер иллюстрирования и многих других слов рассматриваемого разряда.

В более кратких, чем БАС, нормативных словарях, ориентированных в основном на современное литературное употребление (МАС, Словарь Ожегова), подобная лексика, как правило, включается редко или не включается совсем как исчезнувшая из употребления или ненормативная. Только в БАС представлены такие, например, слова, как *неужто*, *надежа*, *ноне*, *отпущать*, *подале*, *прежь*, *скрозь*, *эвот* и мн. др.

В тех же случаях, когда ненормативные (с точки зрения современного языка) модификации нейтральных слов оказываются представленными во всех современных словарях, стилистическая оценка их весьма часто расходится. В БАС, такие, например, слова, как *вдругорядь*, *завсегда*, *ихний*, *кажись*, *кучерявый*, *незнамо*, *окромя*, *опосля* и т. д., отнесены к просторечию, а в МАС — к областной лексике (или просторечной и областной одновременно); в других случаях, наоборот, слова, отнесенные в БАС к областной лексике, в МАС рассматриваются как просторечные. Даже в одном и том же словаре можно найти достаточно примеров разноречивых оценок. Так, в МАС, например, слово *далече* имеет помету «устар. и обл.», а *недалече* — «устар. и простореч.»; в БАС *гинуть*, *гоститься*, *давеча* сопровождаются пометой «простореч. и обл.», *далече* — «устар. в простореч. и обл.», *недалече* — «простореч»., *надежа* — «обл.», *маненько* — «простореч.», *неужто*, *подале* — «устар. и простореч.», *скрозь*, *молонья*, *ноне* — «устар. и обл.» и т. д.

Соединение помет «устар. и обл.», или «устар. и простореч.» указывает на диахронические изменения стилистического статуса у рассматриваемых слов, переход их из нейтральных в прошлом в состав просторечных (или областных) слов в современном языке. Так, например, стоящая в МАС при слове *далече* двойная помета «устар. и обл.» указывает, с одной стороны, на то, что оно употреблялось нейтрально в XIX в. лицами разной социальной принадлежности [Ср.: — *Далече ли до крепости? — спросил я у своего ямщика. — Недалече, — отвечал он* (Пушкин, Капитанская дочка)], с другой стороны,— что в современном языке оно сохранилось только в говорах (это указание подтверждено СРНГ, в котором помещено слово *далече*; географические пометы при этом слове в СРНГ свидетельствуют о его широком распространении на территории говоров).

Двойная помета «простореч. и обл.», впервые появившаяся в Словаре под ред. А. А. Шахматова и принятая последующими словарями, основана на недостаточно четком представлении о природе диалектизма, на смешении понятий «ненормативное», «внелитературное» и «диалектное». В последние десятилетия она поэтому была отвергнута лексикографами-составителями нормативных словарей [9, с. 53].

Не анализируя по существу стилистические квалификации разных словарей, не сравнивая их отношение к реальному, как нам представляется, положению в языке рассматриваемых фактов, заметим только: расхождения и ошибки того или иного словаря являются не только неизбежными издержками словарного дела, но и свидетельствуют о реальной сложности разграничения языковых фактов, находящихся на стыке внелитературного просторечия и лексики говоров.

Казалось бы, в отличие от границ между разговорной и просторечной лексикой, которые зыбки и подвижны, границы между просторечной и диалектной лексикой по существу очень четки и определенны: просторечные слова общерусского распространения, они входят в словарный состав общенародного языка, а диалектные — территориально ограничены, имеют изоглоссы и не входят в состав общенародного языка [3, с. 22].

Именно на этом основании двойная помета «простореч. и обл.» в нормативных словарях лишена смысла, поскольку каждый из ее компонентов с точки зрения стилистического кодекса общенародного языка взаимно исключает другой. С позиций общенародной нормы слово (значение), при котором стоит подобная помета, либо только просторечное, т. е. общенародное, либо только диалектное, т. е. территориально ограниченное (независимо от широты его ареала на территории говоров, независимо от того, является ли оно единицей всего массива диалектной речи или имеет узколокальную прикрепленность).

Однако практически для реализации этих объективных данных при определении принадлежности лексемы к той или иной категории слов существует по крайней мере две трудности: во-первых, диалектология не располагает полными надежными изоглоссами для большинства диалектизмов [6], во-вторых, наряду с этой трудностью субъективного характера (вызванной неполнотой наших знаний) существует объективная трудность отграничения некоторых диалектизмов от просторечных единиц: диалектное слово может переходить в просторечие, т. е. утрачивать изоглоссу, или наоборот, просторечное слово становиться диалектным, т. е. приобретать изоглоссу.

Думается, что некоторые из словоформ, относимые к внелитературному просторечию и имеющие в нейтральном лексическом пласте полный понятийный эквивалент, находятся в стадии такого перехода, повторяя путь многих слов, помещенных в словарях современного русского языка с пометой «устар. и обл.».

Период изменения статуса словоформы в системе национального языка является наиболее сложным для ее стилистической квалификации. В словарях, которые фиксируют норму, являющуюся обязательной на всей территории распространения данного языка, каждое слово должно получить объективную, научно обоснованную оценку. К сожалению, в силу указанных выше причин лексикограф не всегда располагает достаточными и объективными данными для мотивированного разграничения внелитературного просторечия и диалектизмов среди модификаций литературных слов, таких, как *вдарить*, *ведмедь*, *вылазить*, *завсегда*, *евонный*, *испужаться*, *кажинный*, *кажись*, *куплять*, *опосля*, *ослободить*, *побечь*, *пожалиться*, *потопнуть*, *покеда*, *сморода*, *сподряд*, *средствие*, *сурьёзный*, *тутошний*, *убивство* и т. п.

Положение для составителей общенародных словарей осложняется еще и тем, что приведенная выше лексика находит достаточно широкое отражение в художественных текстах. Представая в составе кодифицированного языка в качестве избыточной вариантности, неэкспрессивная диалектно-просторечная лексика в то же время активно функционирует в языке художественной литературы. По своим формальным признакам эта лексика отчетливо ориентирована, ощутимо привязана к совершенно определенным сферам бытования. Именно поэтому она так широко используется писателями для стилизации — как средство речевой характеристики персонажей-крестьян, а также отрицательной речевой характеристики персонажей-горожан, недостаточно овладевших литературным языком. Ср.: [Настя]: *Домой незнамо когда является* (Афиногенов, Мать своих детей); [Пожилой матрос]: *Нос утри, прежь разговаривать* (Лавренев, Разлом); *Я дело изделал — созвал народ в колхоз* (Залыгин, На Иртыше); — *Это что же? — тихо спросила казачка.— В надсмешку?* (Горбатов, Непокоренные); — *Пошто уж теперь гинуть-то?* (Е. Носов, Красное вино победы).

Широкое использование слова (как общенародного, так и диалектного) в художественных текстах является основанием для включения его в словари общенародного языка (для которых художественная литература является основной материальной базой), если оно не отвергается по каким-либо принципиальным соображениям.

Так, ни в один современный общенародный словарь не вошли такие, например, слова, как *великатный*, *евонный*, *изделать*, *куплять*, *обнаковенный*, *огромадный* и т. п., хотя они весьма активно используются писателями. Слово *огромадный*, например, встречается у Л. Толстого, Салтыкова-Щедрина, Гл. Успенского, Чехова, Короленко, Куприна, М. Горького, Серафимовича и многих других писателей. Ср.:— Именье-то было огромадное (Мамин-Сибиряк, Разбойники); — *У вашего дедушки было огромадное состояние* (Чехов, Убийство); — *Капитал огромад-*

[6] Следует, правда, признать, что сейчас в картотеке СРНГ в Ин-те русского языка (ИРЯЗ) АН СССР, где этот словарь создается, имеются богатейшие диалектные материалы, содержащие сведения и о территории распространения лексики, что в значительной степени облегчает решение рассматриваемой проблемы.

н е й ш и й! (Короленко, Павловские очерки). Как показывают материалы словарной картотеки ИРЯЗ АН СССР, слова *великатный*, *изделать*, *куплять*, *огромадный* и т. п. имеют широкое распространение в русских народных говорах.

Несмотря на широкое распространение в говорах и активное использование в художественной литературе, лексика, подобная приведенной выше, не включается в нормативные словари, так как она с точки зрения кодифицированного языка рассматривается как речевые ошибки, искажение нормы (на тех же основаниях в эти словари не включены такие лексемы, как *ероплан*, *колидор*, *пинжак*, *пондравиться*, *фершал* и т. п., также встречающиеся в художественных текстах).

Если для нормативного словаря словоформы *огромадный*, *изделать*, *кыпяток* могут быть объединены со словами *ероплан*, *колидор*, *пондравиться* как языковые факты, равноудаленные от нормы, то с точки зрения диалектологического словаря они категориально различны. Первые из них органически входят в лексические системы говоров, о чем свидетельствует включение их в СРНГ, вторые же являются «мнимыми диалектизмами»: «. . . их возникновение обусловлено недостаточной образованностью определенных слоев населения, которая не зависит от территориального признака» [3, с. 34].

Вопрос о трудностях разграничения диалектной и просторечной лексики, в частности, в разряде ненормативных модификаций литературных слов, лишь один из многих аспектов вопроса о границах стилистических пластов языка и их категориальных признаков, в том числе о границах между диалектными словами и различными пластами лексики литературного языка [3, с. 17—38].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Оссовецкий И. А.* Изменение и развитие лексики русских народных говоров в современных условиях.— В кн.: Тезисы докладов на IX диалектологическом совещании. М., 1963, с. 34.
2. *Филин Ф. П.* Некоторые проблемы диалектной лексикографии.— Известия ОЛЯ, 1966, № 1.
3. *Филин Ф. П.* Проект «Словаря русских народных говоров». М.—Л., 1961.
4. *Барлас Л. Г.* Употребление стилистически сниженной лексики в произведениях В. И. Ленина.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии: Материалы IX зональной конференции кафедр русского языка вузов Урала. Пермь, 1972, с. 33.
5. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 9-е изд. испр. и доп. М., 1972, с. 7.
6. *Филин Ф. П.* О структуре современного русского литературного языка.— ВЯ, 1973, № 2, с. 8.
7. *Мещерский Н. А.* О некоторых закономерностях развития русского литературного языка в советский период.— В кн.: Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1967, с. 16.
8. *Филин Ф. П.* О просторечном и разговорном в русском литературном языке.— ФН, 1979, № 2.
9. *Филин Ф. П.* Заметки по лексикологии и лексикографии.— Лексикографический сборник. Вып. 1. М., 1957.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1982

ДЕШЕРИЕВА Т. И.

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «АБСОЛЮТНОМ» ПАДЕЖЕ

Мы исходим из положения о том, что : а) падежные системы языков различной типологии не являются наборами «принципиально различных» по семантике единиц, поскольку в них одноименные падежы имеют подавляющее большинство одинаковых (основных) функций; б) исходный падеж парадигмы склонения, имеющий первичную основу, вполне обоснованно именуется авторами грамматик единым термином «именительный» (nominativ), поскольку его первичные, основные, функции одинаковы в языках различной типологии; его дополнительные (различительные) признаки (выражение одушевленности~неодушевленности, активности~инактивности субъекта действия, лица, рода, числа) вторичны и не являются основополагающими. Попытка строгого доказательства этой гипотезы, имеющей уже историческую традицию, была ранее предпринята нами в специальном исследовании падежных систем разноструктурных языков [1].

Правомерно говорить о наличии или отсутствии той или иной категории в языках данной типологии лишь при наличии достаточно точного определения этой категории. В противном случае как положительный, так и отрицательный вывод является гипотетическим. Известно, что общепринятого определения падежа не существует. Попытка в какой-то мере изменить положение в этом вопросе была ранее сделана нами [2]. Предложенная теория затем была показана в действии при исследовании конкретных представителей нахских и восточнославянских языков в упомянутой выше монографии. Было показано, что между именительными падежами русского (номинативного) и чеченского (эргативного) языков нет не только «принципиальной», но и существенной разницы.

Используя Критерий К* при сравнении им. падежа номинативных языков (на материале и.-е., тюркских и др.) с им. падежом языков эргативных (кавказских и др.), мы приходим к выводу о том, что второй из них является вариантом первого, поэтому введение для него специального термина «абсолютный падеж» излишне. Аналогично может быть доказано, что им. падеж («инактив») языков активной типологии является вариантом им. падежа номинативных языков.

В соответствии с содержанием Критерия К* достаточно доказать, что при сравнении им. падежа эргативных языков — $И_{эрг}$ (x) и им. падежа номинативных языков — $И_{ном}$ (x) имеет место комбинация № 8 выполнения — невыполнения его условий. Эта комбинация предполагает выполнение условия α и невыполнение условий β_1, β_2, β_3. Чтобы доказать, что при сравнении $И_{эрг}$ (x) с $И_{ном}$ (x) выполняется условие αКритерия К*, мы должны показать, что каждому предикату семантического поля $И_{эрг}$ (x) можно поставить в соответствие хотя бы один предикат из семантического поля $И_{ном}$ (x), близкий ему по смыслу (т. е. сравнимый с ним или соподчиненный). Это значит, что объемы понятий (V_1, V_2), соответствующие сопоставленным предикатам, находятся в каком-нибудь из положений, указанных ниже на рисунках 1, 2, 3, 4, 5, где V_3 — объем более широкого понятия, включающий в себя V_1, V_2.

Очевидно, условия β_1, β_2, β_3 Критерия К* не выполняются при сравнении $И_{эрг}$ (x) с $И_{ном}$ (x), поскольку последние имеют аффиксы, независимые друг от друга. Итак, доказав, что при сравнении $И_{эрг}$ (x) с $И_{ном}$ (x) выполняется условие α, мы тем самым докажем, что выполняется комбина-

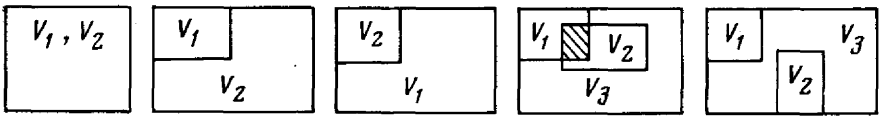


Рис. 1 Рис. 2 Рис. 3 Рис. 4 Рис. 5

ция № 8 условий выполнения — невыполнения Критерия К* и, следовательно, докажем, что $И_{эрг}$ (x) является вариантом $И_{ном}$ (x).

Для доказательства этого положения опишем прежде всего семантические поля сравниваемых категорий $И_{эрг}$ (x) и $И_{ном}$ (x).

Основными предикатами семантического поля $И_{эрг}$ (x) являются:

$И^1_{эрг}$ (x) ≡ «x исходная форма наименования лица, предмета, явления». Пример: *Словарная форма имен существительных.*

$И^2_{эрг}$ (x) ≡ «x форма подлежащего при непереходном глаголе-сказуемом. Примеры [1]: лакск. *гъарал ларчIунни* «дождь пошел»; авар. *эмен рокъове вуссана* «отец домой вернулся»; лезг. *буба базардиз фена* «отец на базар пошел»; чеч. *со Iуьллу* «я лежу», *нана корехь хиъна Iа* «мать сидит у окна»; бацб. *сē йашо гIазивхч йа постIеилохь* «моя сестра — прекраснейшая из женщин»; адыг. *кIалэ-р къэкIагь* «юноша пришел»; каб.-черк. *ar ma-ve* «он пашет»; груз. *cxen-i movida* «лошадь пришла» и др.

$И^3_{эрг}$ (x) ≡ «x форма подлежащего при переходном глаголе-сказуемом». Примеры: груз. *ḳac-i klavs datv-s*; сван. *māre adgäri däšdw-s* «человек убивает медведя»; дарг. *хIянчи усталигIиб урухкIар* «дело мастера боится»; лак. *та чагъар чичлай ур* «он письмо пишет»; чеч. *из болх беш ву*; инг. *из болх беш ва* «он (вообще) работу делает» и др. Здесь необходимо отметить, что в эргативных языках сфера $И_{эрг}$ (x) нередко ограничена серией презенсных времен и конструкциями со значением обобщенности действия.

$И^4_{эрг}$ (x) ≡ «x форма прямого дополнения при переходном глаголе-сказуемом». Примеры: чеч. *зудч-о коч тоьгу* «жена шьет рубашку»; инг. *да-с лаьтта оах* «отец пашет землю»; бацб. *АникIо-с коцун хи доттир* «Аникo в кувшин воду налила»; авар. *до-с беццулеб бугоххер* «он косит сено»; каб.-черк. *щIалэ-м тхылъы-р етх* «парень письмо пишет»; груз. *deda-m pur-i gatoaсxo* «мать хлеб испекла» и др.

$И^5_{эрг}$ (x) ≡ «x форма именной части составного сказуемого». Примеры: чеч. *хIара дечиг наж бу* «это дерево — дуб (есть)»; инг. *из кхалсаг веший сесаг йа* «это женщина — сестра брата (есть)» и др.

$И^6_{эрг}$ (x) ≡ «x форма приложения, уточнения». Примеры: чеч. *Тхо, колхозхой, хIинца ялташ чудерзон доладо* «Мы, колхозники, начинаем сейчас убирать хлеб» (Н. Ф. Яковлев); инг. *нана-турпалхо* «мать-героиня» и др.

$И^7_{эрг}$ (x) ≡ «x форма обращения». Примеры: чеч. *Мухтар, схьавола!* «Мухтар, иди сюда!» и др.

$И^8_{эрг}$ (x) ≡ «x форма главного члена номинативных, субстантивных предложений». Примеры: чеч. *Буьйса. Бутт...*; инг. *Бийса. Бутт...* «Ночь. Луна...» и др.

Основными предикатами семантического поля им. падежа номинативных языков — $И_{ном}$ (x) являются:

$И^1_{ном}$ (x) ≡ «x исходная форма наименования лица, предмета, явления». Пример: *Словарная форма имен существительных.*

$И^2_{ном}$ (x) ≡ «x форма подлежащего при непереходном глаголе-сказуемом». Примеры: русск. *Земля вращается вокруг Солнца*; укр. *Зеленіють по садочку черешні та вишні* (*Т. Шевченко*); литов. *patekėjo saule* «взошло солнце»; молд. *каса а фост планификатэ* «Дом был запланирован» [4, с. 145, 518, 547]; англ. *An airplane was heard flying over the wood* «Было слышно, как самолет летел над лесом» [5, с. 188] и др.

---

[1] Здесь и далее примеры взяты, в основном, из очерков в кн. [3].

$И^3_{ном}(x) \equiv$ «x форма подлежащего при переходном глаголе-сказуемом». Примеры: русск. *Я изучаю историю СССР*; белорусск. *Вы мяне зусім не зразумелі* «Вы меня совсем не поняли»; литов. *Mes vakar pradėjome vežti rugius* «Вчера мы начали возить рожь»; молд. *Еал аскулта пе копилаш* «Она слушала ребенка» [4, с. 145, 182, 518, 557]; чуваш. *Эпĕ кĕнеке вулатăп* «Я читаю книгу», *Платниксем çурт тăваççĕ* «Плотники строят дом» [6]; англ. *Students greeted the professor with loud applause* «Студенты приветствовали профессора громкими аплодисментами» [5, с. 13] и др.

$И^4_{ном}(x) \equiv$ «x форма прямого дополнения при переходном глаголе-сказуемом». Примеры: англ. *Students greeted the professor*; чуваш. *Эпĕ кĕнеке вулатăп* «Я читаю книгу», *Платниксем çурт тăваççе* «Плотники строят дом» и др. Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что в и.-е. языках номинатив в функции прямого дополнения обычно стоит после сказуемого; в тюркских — в препозиции к сказуемому. При подчеркнутой определенности объекта последний принимает форму дательно-винительного падежа (в чувашском, например) или винительного — в кумыкском, ногайском и других языках (см., например, [7, 8]).

$И^5_{ном}(x) \equiv$ «x форма именной части составного сказуемого». Примеры: русск. *Я (есть) студент*; нем. *Er ist Student*; англ. *He is a student*; укр. *Ти — серце, сповнене любові, ты — правий непоборный гнив...* (М. Рильский) «*Ты* — сердце, полное любовью, ты — праведный и грозный гнев» и др.

$И^6_{ном}(x) \equiv$ «x форма приложения, уточнения». Примеры: русск. *Мы, ученые, обязуемся способствовать выполнению директив XXVI съезда КПСС*; *Марья-чудесница* и др.

$И^7_{ном}(x) \equiv$ «x форма обращения». Примеры: русск. *Пионеры и школьники, овладевайте знаниями!*; укр. *Беріться до праці, товариші* «Беритесь за работу, товарищи!».

$И^8_{ном}(x) \equiv$ «x форма главного члена номинативных, субстантивных предложений». Примеры: русск. *Ночь. Луна...*; укр. *Ліс, Ріка.* «Лес, Река»; белорусск. *Асенні дзень* «Осенний день» и др.

Поставим теперь в соответствие каждому предикату $И^n_{эрг}(x)$ ($1 \leqslant n \leqslant 8$) предикат $И^n_{ном}(x)$, с тем же порядковым номером. Обозначим объем предиката $И^n_{эрг}(x)$ символом V^n_1, а соответствующего ему предиката $И^n_{ном}(x)$ — символом V^n_2. Можно утверждать, что $И^n_{эрг}(x)$ и $И^n_{ном}(x)$ сравнимы при любом $1 \leqslant n \leqslant 8$. В самом деле, при $n = 1$ $V^1_1 = V^1_2$ (см. рис. 1), или $V^1_1 \subset V^1_2$ (рис. 2), или $V^1_1 \supset V^1_2$ (рис. 3), или $V^1_1 \cap V^1_2 \neq 0$ (рис. 4), так как именная лексика любых двух языков сравнима по числу обозначенных ею понятий. Таково же будет соотношение объемов V^2_1, V^2_2 (при $n = 2$), поскольку номинатив в функции подлежащего при непереходном глаголе-сказуемом весьма характерен как для номинативных, так и для эргативных языков.

При $n = 3$ $V^3_1 \subset V^3_2$ потому, что номинатив в функции подлежащего при переходном глаголе-сказуемом менее характерен для эргативных языков. В этой функции здесь чаще выступает эргатив или другой падеж, совмещающий функцию эргатива и других падежей (родительного, творительного и др.).

При $n = 4$ $V^4_2 \subset V^4_1$, что объясняется тем, что номинатив в функции прямого дополнения более употребителен в языках эргативных.

Соотношение объемов V^n_1, V^n_2 при $5 \leqslant n \leqslant 8$ будет таким же, как и при $n = 1, 2$, так как языки номинативной и эргативной типологии не имеют заметных различий в частоте и принципах реализации предикатов $И^n_{эрг}(x)$, $И^n_{ном}(x)$, с указанными порядковыми номерами.

Итак, каждому предикату $И^n_{эрг}(x)$ из семантического поля $И_{эрг}(x)$ мы поставили в соответствие предикат $И^n_{ном}(x)$, с тем же порядковым номером n из семантического поля $И_{ном}(x)$, сравнимый с ним. Следовательно, при сравнении $И_{эрг}(x)$ с $И_{ном}(x)$ выполняется условие α Критерия К*

и комбинация № 8 выполнения—невыполнения условий этого Критерия. А это значит, что $И_{эрг}$ (x) является вариантом $И_{ном}$ (x), что и требовалось доказать.

Рассмотренный нами вопрос о статусе «абсолютного падежа» не является чисто терминологическим. Это принципиальный вопрос, имеющий непосредственный выход в теорию грамматики и типологию. В частности, от того или иного его решения зависит корректность или некорректность утверждения о «принципиальном» отличии «абсолютной конструкции» предложения в эргативных языках от номинативной конструкции языков номинативных, якобы вообще не имеющей места в языках эргативных, равно как утверждения о том, что падежные системы номинативных, эргативных, активных языков являются наборами «принципиально различных категорий», именуемых падежами. Некорректность этих утверждений является следствием приведенного выше доказательства вариативности им. падежа эргативных языков по отношению к им. падежу языков номинативных.

В предлагаемом нами варианте решения рассматриваемого вопроса введение терминов «абсолютный падеж», «абсолютная конструкция» излишне; они только затрудняют сравнительно-типологические исследования разноструктурных языков, их, по возможности, единообразное описание, необходимое, например, при создании энциклопедии «Языки мира».

Попытка обосновать место номинативной конструкции в парадигме конструкций простого предложения в языке любой типологии предпринята нами в завершенной монографии «Исследование системы субъектно-объектных отношений (на материале нахских и иноструктурных языков)», которая готовится к печати.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дешериева Т. И.* Структура семантических полей чеченских и русских падежей. М., 1974.
2. *Дешериева Т. И.* Критерий определения в языке самостоятельных падежей, производных падежей (=производных падежных форм) и падежных вариантов.— ВЯ, 1970, № 3.
3. Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
4. Языки народов СССР. Т. I. Индоевропейские языки. М., 1966.
5. *Беляева М. А.* Грамматика английского языка. М., 1965.
6. Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966, с. 48 и др.
7. *Кадыраджиев К. С.* К вопросу о склонении в кумыкском языке.— В кн.: Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979.
8. *Шихмурзаев Д. М.* Функции основного падежа в ногайском языке.— В кн.: Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1982

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Будагов Р. А. Филология и культура.—М.:Изд-во МГУ, 1980. 304 с.

Рецензируемая работа известного советского лингвиста и филолога, специалиста по общему и романскому языкознанию, чл.-корр. АН СССР, проф. Р. А. Будагова составлена на основе как опубликованных в различных журналах и сборниках, так и не опубликованных им ранее статей и исследований. Отдельные работы, вошедшие в книгу в качестве ее глав, писались по разным поводам в разное время, начиная с 1954 г. и кончая 1979 г. Тем не менее книга цельна и актуальна, что объясняется прежде всего ярко выраженной и последовательно проведенной единой для всех материалов методологической концепцией, «которую автор пытался и пытается защищать на протяжении всей своей научной жизни, от первых публикаций середины тридцатых годов до наших дней» (с. 3). Обсуждение вопросов природы языка, специфики его «знаковости», сущности филологии как науки, ее места в ряду гуманитарных наук, неразрывной связи филологии с культурой вообще и с другими гуманитарными науками в частности, роли языка и науки о языке в обществе в эпоху научно-технической революции очень часто перерастает в анализ актуальнейших мировоззренческих проблем. На наш взгляд, это движение исследовательской мысли далеко не случайно: оно очень верно выражает одно из кардинальных направлений современного развития языкознания как науки.

Известно, сколь продуктивна творческая деятельность Р. А. Будагова. Данная его книга — пятнадцатая по счету. Даже простой перечень разделов этой книги («Общие вопросы», «К истории слова», «К теории грамматики», «К теории и к практике стилистических исследований», «К отдельным проблемам филологии») дает возможность не только представить себе в самых общих чертах круг рассмотренных вопросов, оценить их теоретическую значимость и актуальность, но и отметить исключительную широту и разносторонность научных интересов автора.

Открывает первый раздел статья «Некоторые общие вопросы филологии», весь пафос которой направлен на защиту филологии от всякого рода нападок со стороны «недоброжелателей» как прошлого, так и наших дней. На многочисленных и удачно подобранных примерах автор раскрывает сущность такой «колоссально обширной науки, как филология» [1], выявляет ее комплексный характер и огромное общественное значение, обращает особое внимание на ее целостность, которая рассматривается на определенной методологической основе и «определяется тем, как истолковываются смысл и назначение отдельных дисциплин, образующих широкое понятие о самой филологии» (с. 17). Описывая сложный характер современной филологической науки, которая постоянно обогащается успехами других дисциплин, входящих в ее состав (лингвистики, литературоведения, теории и истории культуры), Р. А. Будагов особо подчеркивает, что «сама эта сложность превращает филологию в нужную и увлекательную науку», в науку, обращенную не только в прошлое, но и в будущее, так как «роль языка, литературы, самых разнообразных видов культуры станет постоянно возрастать от поколения к поколению» (с. 19).

Разговор о взаимоотношении языкознания с литературоведением автор продолжает на более прочной научной основе и с привлечением обширного фактического материала в следующей статье («Что может дать наука о языке науке о литературе?»). Отвечая на этот вопрос, Р. А. Будагов подробно прослеживает и терпеливо уясняет те сложные, часто трудно уловимые взаимоотношения, которые устанавливаются между языком и художественной литературой, а также между языком и письменным текстом. Весьма удачна попытка автора показать, как в истории филологии подобные взаимоотношения истолковывались по-разному в разные эпохи. Изучение всех аспектов, в которых проявляется язык великих писателей в каждом художественном произведении, «помогает глубже осмыслить текст данного произведения, творчество того или иного писателя в целом» (с. 45). То неповторимое, что характерно для всякого поистине великого художественного произведения, во многом зависит от индивидуального осмысления выразительных ресурсов языка. Стиль великих писателей не является системой отклонений от нормы, а системой «осмыслений многообразных возможностей языка в его художественной функции» (с. 45). Данный раздел является логическим завершением очень вдумчивого и тонкого анализа взаимодействия языкознания и литературоведения.

Изучая словосочетание «современная лингвистика», автор доказывает, что

«современность или несовременность исследования определяются: 1) отношением его автора к категории значения в лексике и грамматике; 2) характером истолкования этой категории с определенных методологических позиций» (с. 54). И так как «языкознание наших дней обязано внимательно изучать все действительно новое, подлинно прогрессивное, серьезно обоснованное», то «чисто формальное, а иногда и бездумное противопоставление „современная лингвистика — несовременная лингвистика" должно быть признано несостоятельным» (с. 55).

Несомненный интерес для широкого читателя представит попытка Р. А. Будагова выявить связи между языком и научно-технической революцией (НТР) и показать, что НТР обогащает и будет обогащать язык, причем поскольку НТР «способствует вечному совершенствованию любого живого языка любого народа, влияние самой НТР на язык оказывается и неизбежным и плодотворным» (с. 69). В заключение этого раздела автор, подчеркивая «выдающуюся роль Соссюра в развитии языкознания на протяжении почти всего нашего столетия» (с. 70), высказывает принципиальное отношение к некоторым терминологическим проблемам современной лингвистики, имеющим важное методологическое значение. Особое внимание уделяется терминам «система» и «структура». Р. А. Будагов считает толкование этих терминов односторонним, т. к. оно основывается только на одних противопоставлениях (с. 75).

Во втором разделе книги («К теории слова») после тщательного рассмотрения специфики новой области языкознания — «лингвистики текста» — автор приходит к весьма убедительным выводам относительно дальнейших возможностей развития этой области языкознания (с. 86).

В этом же разделе изучается проблема многозначности слова и «экономии языка». На вопрос о совместимости этих понятий автор дает отрицательный ответ, поскольку «многозначность большинства слов любого национального языка человечества — явление глубоко закономерное и типичное. Развитие же языков определяется принципом их непрерывного совершенствования и обогащения, ростом их выразительных (в самом широком смысле) ресурсов и возможностей» (с. 91).

В третьем разделе книги рассматриваются некоторые вопросы теории грамматики. На значительном языковом материале Р. А. Будагов показывает, что любой естественный язык, обладая системным характером, никак «не сводится и не может сводиться к сумме различных схем, будто бы определяющих его сущность и особенности его функционирования» (с. 93). Здесь же подчеркивается правильность мысли Э. Бенвениста о том, что современная лингвистика — это совокупность разных лингвистик, которые — добавляет автор —«опираются на различные методологические концепции, в частности в истолковании системы и структуры языка» (с. 112).

Особую актуальность имеет глава «Теория грамматики и языковые контакты». Р. А. Будагов устанавливает принципиальное различие «между изучением форм в грамматике при постоянном учете их функциональной и смысловой значимости и формалистическим изучением тех же форм» (с. 134) и обосновывает важность проблемы грамматической семантики наряду с проблемой лексической семантики. В главе дается оригинальное истолкование национальных и интернациональных тенденций в современных языках, в результате чего автор приходит к следующему заключению о диалектике национального и интернационального в современных языках: «1) межнациональный язык в многоязычных странах, отнюдь не „растворяясь" в отдельных языках и сохраняя свою собственную специфику, вместе с тем служит средством лингвистического объединения разных народов, населяющих данную страну; 2) то же наблюдается и на уровне мировых языков, имеющих широкое распространение: с одной стороны, контакты между ними крепнут и углубляются, а с другой — каждый из таких языков не теряет и не должен терять своего национального своеобразия» (с. 134—135). Здесь было бы полезно дать конкретный анализ взаимоотношений национального и интернационального в языковой жизни народов мира [2, 3].

Самый обширный раздел посвящен вопросам теории и практики стилистических исследований. На разнообразном языковом материале показывается, что «языковой стиль — это разновидность общенародного языка, сложившаяся исторически и характеризующаяся известной совокупностью языковых признаков, часть из которых своеобразно, по-своему, повторяется в других языковых стилях, но определенное сочетание которых отличает один языковой стиль от другого» (с. 153). «В области литературных стилей новаторство обычно опирается на традицию и как бы из нее вырастает» (с. 156). «Вдумчивое понимание категорий индивидуального в языке и стиле писателей дает возможность стилистике дифференцировать разные стили языка в разные исторические периоды», помогая, таким образом, уяснить типы взаимодействия между общим и отдельным в столь широкой и важной по социальному резонансу области функционирования языка, какой является художественная литература (с. 197). Понятие нормы литературного языка во Франции в XVII в. претерпело существенные изменения, обусловленные изменениями в общих взглядах на язык, на его природу и его назначение в обществе, углублением работы над лексикой языка, над его грамматическими правилами (с. 212). Изучение работы А. Н. Веселовского над переводом «Декамерона» Боккаччо представляет несомненный интерес как с текстологической точки зрения, так и с точки зрения общей теории художественного перевода, потому что «почти все сколько-нибудь существенные отклонения от итальянско-

го оригинала у Веселовского были обусловлены не только прекрасным знанием обоих языков, но и пониманием различий исторических эпох, различий в способе выражения мысли» (с. 225). Анализируя книгу А. В. Чичерина «Очерки по истории русского литературного стиля», Р. А. Будагов подчеркивает его слова о необходимости «повысить уровень культуры восприятия литературного произведения, сделать более видимым, ощутимым искусство слова» (с. 233).

Последний раздел рецензируемой книги посвящен отдельным проблемам филологии. В нем автор, как и в предыдущих разделах, просто, но доказательно, с привлечением очень разнообразных и любопытных фактов, порой захватывающих читателя, пишет о русском языке в современном мире, особо выделяя проблемы: «обратного воздействия интернациональных слов, получивших на „русской почве" новое осмысление, на языки народов мира»; «исторической периодизации интереса к русскому языку в разные эпохи и в разных странах»; «неодинаковой оценки, неодинакового осмысления особенностей русского языка... с позиций носителей других, самых различных языков»; «сложных и не всегда прямых отношений к русскому языку за рубежом в связи с многочисленными переводами русских художественных произведений на языки народов мира»; «гуманистической основы той части русской лексики, которая оказалась в самой прямой связи с историей развития русской культуры, с историей советского общества» (с. 253).

В остальных главах данного раздела Р. А. Будагов высказывает интересные соображения по таким весьма актуальным вопросам, как форма и содержание, сопоставительное изучение родственных языков, язык и общество и др.

Разумеется, в весьма содержательной и богатой разнообразным фактическим материалом книге Р. А. Будагова «Филология и культура» можно найти и отдельные спорные места, можно не соглашаться с отдельными авторскими оценками тех или иных конкретных фактов, явлений. В целом, однако, рецензируемая книга является существенным вкладом в развитие советского языкознания.

Корлэтяну И. Г., Еуко И. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 29, с. 477.
2. Национальное и интернациональное в литературе, фольклоре и языке. Кишинев, 1971.
3. Национальное и интернациональное в современном мире. Кишинев, 1981.

Деловая письменность Вологодского края XVII — XVIII вв. Сост.: Ларионова А. П., Судаков Г. В., Чайкина Ю. И. Отв. ред. Чайкина Ю. И. Вологда, 1979. 108 с.

Введение в научный оборот новых, ранее не известных памятников письменности всегда привлекает внимание исследователей. Особое значение приобретают местные архивные материалы, на основании которых строятся исследования недостаточно изученных периодов истории языка, связанных с образованием языка великорусской народности и начальными этапами становления русского национального языка во всех его локальных проявлениях. Рецензируемая книга представляет собой публикацию рукописных источников XVII—XVIII вв., хранящихся в Государственном архиве Вологодской области, Вологодском областном и Череповецком краеведческих музеях. Избранные тексты расположены в книге по уездам, а внутри уездов — хронологически. Каждый документ датирован, имеет заголовок, указание на место хранения подлинника, снабжен палеографическими примечаниями. Как справедливо отмечается в Предисловии, «публикуемые тексты дают определенное представление о русском языке начального периода формирования его национальных норм, а также об отдельных особенностях северных говоров, поэтому могут быть использованы в целях изучения истории русского языка и его говоров. Вместе с тем эти тексты представляют интерес и для исследователя отечественной истории» (с. 3.) Название книги полностью соответствует характеру подлинников — преимущественно делового и бытового содержания. Публикуются челобитные, допросные речи, описи и росписи имущества, отрывки переписных книг, долговые расписки, заемные памяти, сказки крестьян, данные в монастырь, выписки из межевых и приходно-расходных книг, частные письма-грамотки, долговые, порядные и поручные записи, духовные памяти и т. д. В качестве авторов выступают крестьяне, посадские люди, представители духовенства и др. Самый разнообразный, богатый материал найдут в книге исследователи различных сторон истории русского языка и говоров Вологодского края. В опубликованных документах нашли отражение написания *і*, *и* на месте *ѣ*: *досмотрил*, *кузнишным*, *говинне*, *насиянную рож*, *Михаило Ѳндриевъ снъ*, *Семеика Тимоѳиев снъ* и т. д.; *шн* на месте *чн*: *прожітошново*, *мелнишною*, *огурешново*, *ссылошных*, *болнишного*, *сутошныя*, *камошницы*, *кузнишнои*, *овешнику*, *оконишную*, *молошную* и т. д. Встречаются архаичные формы дв. числа: *своима рукама*; формы род. и мест. ед. муж. и ср. рода на *-у*: *маслу*, *железу*, *крицу*, *ладану*, *укладу*,

приходу, *отласу*, *скоту*, *двору*, *в коробу* и др.; нередки имена существительные с уменьшительно-уничижительными суффиксами: *серпишко*, *санишка*, *дровнишка*, *коробьишко*, *кавтанишко*, *чюлчишка*, *платишка*, *женишко*, *баннишко*, *голечишка*, *мѣшишко*, *назмишко*, *проклади́цы*, *овинцы*, *сѣнницы*, *кѣлеицу*, *тушица*, *житенка*, *шубенко*, *топоренко*, *мекинниченко* и т. д. Интересны названия лиц женского пола с суф. *-иц(а)*, который выступает в коррелятивной паре с суф. *-ец* для лиц мужского пола: *старец — старица*, *вдовец — вдовица*. Ср. в рязанском документе XVI в. образования *младенец — младеница*. Имеются многочисленные глагольные формы на *-ива*, *-ыва*: *изганивать*, *починивал*, *принашивал*, *гвваривал*, *наваривал*, *научивал*, *наимывал*, *ставывали*. Древние синтаксические связи отражают конструкции с повторением предлогов: *на племянника своего на попа*, *до реки до Вологды*, *от ручья от Тяжи*, *на ел на кудреватую*, *по ричке по Согоже*, *к пустоши к Илеикину*, *а с тое ямы и сь ели на иву*...

В книге представлена разнообразная бытовая и деловая лексика: административная терминология, термины рыболовецкого промысла, кузнечного ремесла и солеварения, сельскохозяйственная лексика и лексика домашнего обихода. Вот неполный перечень наименований людей по роду их деятельности: *житник*, *ключник*, *коровник*, *кузнечныи молотник*, *метчик* (сено метал), *подконюшник*, *овечник*, *служебник*, *вываживальник*, *целовальник*, *дворник*, *шваленныи работник*, *портнои шваль*, *ложкомои* мн., *повар с подварком*, *гребец*, *косец*, *комнельщик*, *коровница*, *водолив*, *шерстобив*, *квасовар*, *дрововоз*, *коновал*, *ребята-бороноволоки*; по месту жительства: *вологжанки*, *вологжанинъ*, *галечанин*, *городетъчанин*, *унжанинъ*, *костромичанинъ* и т. д. Значительную группу составляют слова, связанные с наименованиями одежды и обуви: *шабур*, *зипун*, *рубаха*, *кавтан однорядочнои*, *кавтан полуметнои*, *полукавтанье камчатое*, *полукавтанье шаркое стегано*, *кошуля под китаикою*, *кошуля под китаикою же испод песцовои крестовои*, *сукман*, *балахон*, *шуба*, *шушун*, *верхница*, *исподница*; *портки*, *штаны*; *сапоги савьянные*, *коты*, *уледи*, *чулки*, *ступни*, *поршни*, *прикопытье*, *прикопытки*; *шапка червчатая с соболем*, *курпекъ вишневои пухъ овчиннои*, *шапка верх косторыжнои*, *треух кунии*, *волосник*, *шляпа*. Одни только рукавицы могут быть верхницы, шубные, ровдуж, со стоиками, с затылками, с надолонками, дубленые, вареги, камошницы с исподками, сыромятные, телятинные, уресковые, оленьи и др.

В опубликованных вологодских материалах находим слова, которые не отмечены по другим рукописным источникам или известны с иным значением. В расходной книге Тотемского соляного промысла встретилось слово *помытка*, не зафиксированное в богатой Картотеке ДРС и в Словаре В. Даля: *купил пшеницы шесть помыток дал четырнатцать атнъ*; *купил гороху пять помыток дал двенатцать атнъ три денги*; *купил гороху три помытки далъ восмъ алтнъ*; *купил солоду четыре четверти три помытки ценои по пяти алтнъ по двѣ днги четверик*; *купил ржи полторы четверти с помыткою ценои по два алтна по четыре днги четверикъ* (с. 69—70). В приходно-расходной книге Гледенского монастыря Устюжской епархии имеются случаи употребления слова *бурха* (*боруха*): *выдал казначеи... на братию... масла коровья в кашу крутую полпуда*; *генваря въ ДI де выдал масла девять ѳунтов в кашу бурху*; *генваря въ... де выдал* ***масла*** *девять ѳунтов в кашу бурху*; ***генваря в КИ*** *де выдано масла девят ѳунтов* ***в кашу*** *боруху* (с. 87—88). Ср. в СлРЯ XI—XVII вв.: «**Бурушный**, *прил.* Бурушная мука — *мука из бурой пшеницы* (?)». Скорее всего *бурушная мука* — мука для каши-бурухи, возможно, мука особого помола, из которой нельзя сварить крутую кашу.

В росписи свадебных расходов писец употребил глагол *держал* со значением «*расходовал*, *тратил*»: *роспись... что на свадбу свою держал* (с. 71), а также отглагольное существительное в форме род. мн. *держеи*: *давали отцы наши держеи свадебных* (там же). В СлРЯ XI—XVII вв. данный глагол приведен с семью другими значениями, существительное *держа* в источниках Словаря не встретилось, имеется лишь суффиксальное *держка* и префиксальное *издержа*. В Словаре В. Даля при слове *держа* со значением «расход, потребление, издержка» дана помета *кстр.* Вологодские материалы свидетельствуют о более широком территориальном распространении этого слова в прошлом.

Сотрудники кафедры русского языка Вологодского государственного педагогического института опубликовали ценные рукописные источники. Книга имеет большое научное значение, помимо этого является полезным учебным пособием и может быть использована для проведения семинарских занятий, написания курсовых и дипломных работ студентами филологических и исторических факультетов педагогических институтов и университетов. Поэтому в ее состав включены не только тексты XVII—XVIII вв., но и задания к ним по курсам исторической грамматики русского языка, истории русского литературного языка, русской диалектологии, а также даны темы курсовых работ. В конце книги приложена библиография работ о вологодских говорах и изданиях памятников вологодской письменности.

«Деловая письменность Вологодского края XVII—XVIII вв.» является в известной мере продолжением опубликованной в 1975 г. Г. В. Судаковым «Хрестоматии по истории вологодских говоров», в которой основную часть составили также ранее не известные тексты делового содержания. Оба издания набраны в местной типографии. Древнерусский текст передается буква в букву с сохранением букв *и* «десятеричное», «омега», «зело», «фита», «пси». По техническим причинам «юс малый» заменяется буквой *я*, «ук» — *у*, «ять» — Ѣ,] «йотированное *а*» — соче-

танием букв *и* «десятеричного» с *а*. К сожалению, в печатном воспроизведении текстов рецензируемого сборника внесенные в строку выносные буквы никак не выделены, в упомянутой Хрестоматии они отмечались курсивом. Такое упрощение, продиктованное, очевидно, не техническими причинами, вызывает затруднения при чтении текстов и их интерпретации. Отметим также отсутствие примечаний при многоточии, в результате чего читателю неясно, публикуется ли текст выборочно, или он частично утрачен (с. 18, 19, 77, 79 и др.). Пропущены примечания на с. 86 к тексту, помещенному на с. 83—86. В некоторой доработке нуждается и список литературы, посвященный изданиям памятников вологодской письменности, так как при подаче материала нет единства, не всегда указывается, какие именно тексты публикации относятся к Вологодскому краю. Отмеченные недостатки не снижают общей положительной оценки книги, необходимой и исследователям, и студентам. Хочется надеяться, что на кафедре русского языка Вологодского государственного педагогического института будет продолжена работа по публикации рукописных источников своего края, а другие вузы страны широко развернут подготовку подобного рода изданий из фондов местных музеев и архивов.

Филиппова И. С.

Попов А. И. **Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей.** — Л.: Наука, 1981. 206 с.

Наука о географических названиях, как бы ее ни называть — топонимика, топономастика или топонимология, в настоящее время переживает в нашей стране новый этап развития: хотя теоретические споры и методические поиски далеко не закончены, исследователей все более привлекают трудные области топонимической этимологии и ономасиологии, а различного рода формальные разыскания начинают выполнять вспомогательные функции и постепенно отступают на второй план. Происходит как бы возрождение прежних традиций отечественной топономастики, но на новом, более высоком уровне. Это вполне согласуется с тем общеизвестным положением, что в науке о географических названиях всегда был наиболее привлекателен и результативен историко-этимологический анализ конкретных слов, который в методическом отношении может рассматриваться как пересечение множества конкретных приемов исследования и основан на учете различных лингвистических, исторических и географических факторов. В конечном счете ученые хотят знать прежде всего, что означает то или иное название и почему какой-либо конкретный объект получил именно это наименование.

В наше время существенным стимулом для развития топонимической этимологии становится и все более заметный и активный рост интереса трудящихся к родному краю и его именам. Это обусловило появление целого ряда исследований по топонимической этимологии в научно-популярных изданиях, которые быстро находят своего читателя. В сущности именно интерес широких масс трудящихся к топонимии ставит местные издательства перед необходимостью публиковать работы по региональной топонимической этимологии. Естественно, что такие научно-популярные издания неодинаковы по своему качеству, но это уже зависит от научной компетентности их авторов. Парадокс в том, что оригинальные научные работы в настоящее время порою стали появляться сперва в научно-популярном варианте, причем филологическая наука от этого, пожалуй, только выиграла.

Работа покойного профессора А. И. Попова, написанная еще в начале 70-х годов, отражает развитие новых процессов в отечественной топономастике. Действительно, книга А. И. Попова бесспорно относится к числу научно-популярных работ, и одновременно она должна рассматриваться в ряду тех самых оригинальных научных исследований, о которых только что шла речь. При этом, несмотря на элемент незавершенности, книга «Следы времен минувших» во многих отношениях как раз может служить эталоном оригинального исследования, облеченного в научно-популярную форму счастливым образом объединяя в себе талант историка и филолога, А. И. Попов был как будто бы специально подготовлен для работы в области топонимии и прежде всего в сфере топонимической этимологии; в то же время он умел писать просто и доходчиво без терминологических и стилистических излишеств, что так необходимо популяризатору.

Разумеется, посмертный труд А. И. Попова связан с его более ранними работами, особенно с методическими данными, положенными в основу небольшой, но очень ценной книги «Географические названия» [1]. Принципы исторического подхода к топонимии, которые уже в этой работе получили самое широкое обоснование, в новой книге находят конкретное применение к топонимии определенной территории — Ленинградской, Новгородской и Псковской областей, объединенных под общим названием Озерный край.

Специфика топонимии Озерного края не только в удивительном сплаве старинного славянского слоя с древними балтийскими и прибалтийско-финскими элементами, но и в том, что заселение этой территории русскими происходило дале-

ко не одновременно, а передвижения прибалтийско-финских групп населения продолжались здесь вплоть до недавнего времени. Уже это создавало большие трудности для исследователя. Закономерный интерес к названиям более или менее значительных объектов в свою очередь усложнял работу: известно, что именно эти названия обычно и древнее и больше испытали адаптационное воздействие. Достаточно просмотреть оглавление книги, чтобы убедиться, насколько разнороден исследуемый материал, который просто не поддается какой-либо поверхностной формальной группировке. Вместе с тем древность и стертость топонимической системы Озерного края стали для А. И. Попова той лабораторией, где наилучшим образом могли быть применены его методические принципы,— учет всех относящихся к делу фактов и, в частности, широчайшее использование письменных исторических источников разного рода. В этом плане неслучайно, что книга о словах, на первый взгляд, чисто филологическая по своему материалу, вышла в серии «Страницы истории нашей Родины», наглядно показывая важность учета как лингвистических, так и исторических фактов при топонимических исследованиях.

Трудность и многосторонность изучения топонимии в книге показана очень хорошо, причем не без некоторой полемики с чисто филологическими разысканиями (с. 9—10). Особенно четко это сформулировано в заключительной VII главе, где прямо говорится о том, что наука о географических названиях может сложиться «только на путях исторического подхода к материалу — с учетом всех необходимых географических и лингвистических данных» (с. 175). Здесь лингвистике вообще отведено последнее место в топонимических исследованиях, с чем трудно согласиться, так как топонимы (как и все другие онома) прежде всего слова.

Только что охарактеризованные общие установки объясняют, почему в книге тщательно и всесторонне анализируются различные исторические источники топонимического исследования — летописи, грамоты, писцовые книги (с. 175—181), картографические материалы (с. 181), конкретные исследовательские работы, содержащие фактический материал (с. 182—184), при этом автор справедливо указывает на недостатки тех или иных источников, в частности, на многочисленные ошибки, фигурирующие на старых картах.

Другая сторона исторического подхода к топонимическому материалу выступает в четко сформулированном требовании сохранять старинную топонимическую систему, бездумно разрушаемую в последнее время. А. И. Попов справедливо заключает: «старую топонимику, исторически сложившуюся, лучше не трогать, так как это часть культурного наследия народов СССР, оставшегося в качестве следов времен минувших от разных эпох и часто прекрасно иллюстрирующего различные страницы нашей славной истории» (с. 26).

«Надо бережно относиться к этим следам,— продолжает автор книги,— обращение с ними должно быть таким же, каким является обращение археолога с драгоценными вазами и амфорами, обнаруживаемыми при раскопках» (с. 26). Этот призыв очень своевремен в эпоху массового исчезновения старинной топонимии, значения которой зачастую не могут понять многие администраторы.

Явная ориентация автора книги на письменные источники привела к тому, что в книге особенно часто и причем очень успешно используется такой прием исследования, как сопоставление параллельных названий одних и тех же объектов в зоне контактов. Во многих случаях эти наблюдения не только безупречны, но и очень показательны. Таковые этимологии *Ванга Старость*, *Нечеперть* — *Метсяпирти* (с. 11), *Двина* (с. 28—29), *Утроя* (с. 33), *Орешек* (с. 80) и т. п. Столь же доказательны и наблюдения над названиями смежных объектов («метонимическими кальками»), например, над группой топонимов р. *Великая* — *Иса* — *Дедено* (с. 31—32).

Другие важные методические приемы, сущность которых превосходно описана и раскрыта А. И. Поповым, связаны с учетом роли этнонимических (с. 92—100) и антропонимических (с. 111—118) элементов в процессе формирования топонимической системы. Наблюдения над образованием топонимов от старинных русских личных имен редкостно интересны, особенно *Уторгош* < *Утрогощь* < < *Утрогость* и *Диговоща* < *Дивогость* (с. 113).

Стремление поделиться своим богатым опытом и уберечь начинающего исследователя от ошибок обусловили дидактическую направленность книги, которую сам автор рассматривает как «первичное руководство» по изучению географических названий (с. 8). На конкретном материале Озерного края в сущности развиваются общие вопросы изучения топонимии и его методики, представляющие в равной мере интерес как для историков и географов, так и для лингвистов. Этой же установкой — практически помочь исследователям топонимии — объясняется включение в книгу приложения «Советы начинающим топонимистам по сбору и обработке топонимического материала» (с. 185—196), в котором выделены два раздела: 1) Сбор материала по топонимике (с. 186—188) и 2) Обработка топонимического материала в педагогических и научных целях (с. 188—196). В приложении начинающий исследователь топонимии действительно найдет для себя и рациональные общие указания, и ряд полезных конкретных советов. В ряде случаев, однако, с А. И. Поповым можно и поспорить: слишком свободное отношение к структуре топонимической карточки и географической привязке, которое допускает автор книги (с. 187, 193), ведет в конце концов к лексикографическому разнобою, между тем в настоящее время как раз все более актуальным становится вопрос о создании единых форм таких карточек, абсолютно необходимых, например, в области прик-

ладной топономастики; понятно отрицательное отношение А. И. Попова к топонимическим легендам (с. 186—187), но в этом случае необходима оговорка: как правило, фантастические объяснения, бытующие среди местного населения, относятся к субстратным или диэтимологизированным названиям, напротив, возникновение исконно русских наименований нередко толкуется достаточно рационально: память народная хранит столетиями повод номинации; неясно и даже дезориентирующе звучит выражение «порой не следует пренебрегать и названиями мелких объектов» (с. 186), ведь именно эти названия чаще всего отсутствуют в различных перечнях и на картах и представляют собою поэтому особую важность для собирателя.

В области интерпретации названий спорными являются возражения против «формантного» метода и, в частности, категорическое высказывание о ненадежности опоры на форманты в топонимических исследованиях (с. 164). Разумеется, адаптация в области топонимии нередко с особой силой охватывает именно формальные компоненты (например, безударные форматив ы конца слов), тем не менее и в этом случае обычно обнаруживаются определенные закономерности и регулярности, изучение которых может дать хорошие результаты. Надо сказать, что многие исследователи и до сих пор считают, что изучение топоформантов полезнее, чем изучение топооснов. Ср., например, у О. А. Купчинского: «Положенные на карту многократно повторяющиеся топоформанты определенного топонимического типа уже сами по себе, без конкретных комментариев, являются проекцией истории. Кроме того, топоформанты названий исторически претерпевали меньше изменений, чем корневая часть, и поэтому благодаря их большей устойчивости и стабилизации, существует возможность лучшей идентификации, а заодно и реконструкции исторических явлений» [2]. Категоричное утверждение О. А. Купчинского согласно которому топоформанты претерпевают меньше изменений, объясняется ограниченностью использованного им материала: многое зависит от исконности или неисконности происхождения формантов (О. А. Купчинский изучает славянские аффиксы), а также их позиции в топонимах. Истина, однако, все равно находится где-то посредине: для топонимиста поэтому в равной мере полезно и необходимо изучение как основ, так и формантов. И, кстати, сам А. И. Попов в конце концов говорит о важности анализа массовых явлений основ и формантов (с. 191).

Рецензент не может согласиться и с тем своеобразным «топонимическим оптимизмом», который проявляется в книге: «В действительности,— пишет А. И. Попов,— большинство географических имен без особых затруднений поддается законченному и полному изучению, с последующими этимологическими и историческими толкованиями. Только сравнительно незначительная часть названий требует очень глубокого входа в источники и материал» (с. 174). К сожалению, исследовательская практика показывает, что в области топонимии «темного» больше чем достаточно, и это утверждение А. И. Попова, наверное, с большими оговорками применимо и к конкретной территории Ленинградской, Псковской и Новгородской областей.

Твердая вера автора во всесилие исторических источников заслуживает, на наш взгляд, всяческого одобрения и ее невозможно не разделять. Напротив, именно известной недооценкой лингвистической стороны объясняется появление немногочисленных сомнительных этимологий. Речь здесь должна идти прежде всего о недоучете фонетических явлений, регулярность которых в области топонимии А. И. Попов берет под сомнение [1, с. 146—147], что, очевидно, связано с преимущественным использованием им письменных источников. На одну из таких этимологий — *Псков* из **Piisk-va* (с. 72) — уже было указано ответственным редактором Ф. П. Филиным (с. 6—7); вряд ли можно согласиться и с восходящим к Д. В. Бубриху толкованием топонима *Дудергоф* из саам. *duoddar* — «тундра» (с. 147—148), поскольку утрата носовых и озвончение $t > d$ не были свойственными саамским диалектам Заволочья [3] и Карелии: *luoBBal*, но *Лумбозеро* [4, с. 82], *jeg̃g'*^{E}, но *Янгозеро* [4, с. 84]. К числу чисто гипотетических построений, гипотетичность которых подчеркивает и сам автор, относится сравнение названий *Вол-хов*, *Вол-га* прибалтийско-финского *ala* «низ», «нижний» и севернорусского (субстратного по происхождению) слова *волгас* — «низменный берег реки» (с. 56—57). Столь же неубедительно толкование *Ладога* из **Aladjogi* «Нижняя речка» (с. 91), ведь здесь же близ Ладожского озера мы находим и другие названия на *-ога*, *-ега* (не на *-дога*, *-дега*!), например, *Мандрога*, *Янега*. Но таких сомнительных построений в книге мало. Напротив, автор очень осторожен в своих суждениях, нередко допускает различные версии (ср. *Ловать* — с. 37—41), тем более, что часто имеется по два и более правдоподобных объяснения для одного и того же названия (с. 32). Вообще А. И. Попов всегда справедливо выступает против категоричности и односторонности в топонимии, нередко ведущих к появлению предвзятых концепций вроде «угорской теории» Д. Европеуса, о которой А. И. Попов справедливо отзывается как о совершенно ошибочной (с. 142—143).

Эти частные замечания отнюдь не противоречат той высокой оценке книги, которая была высказана выше: этимологическое исследование топонимов относится к одной из самых сложных сфер лингвистики, здесь неизбежны упущения даже в самых образцовых работах; кроме того, как справедливо заметил ответственный редактор книги Ф. П. Филин, «вполне возможно, что, будь автор жив, он при окончательной подготовке книги к печати внес бы соответствующие исправления и уточнения» (с. 7).

Книга хорошо написана, легко читается и доступна самым широким кругам читателей. Надо думать, что она займет

о стойное место как среди книг по региональной топономастике нашей страны, так и среди пособий, способствующих развитию собственно научных методов в топономастике и искоренению топонимического дилетантизма.

Матвеев А. К.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Попов А. И.* Географические названия (Введение в топонимику). М.— Л., 1965.
2. *Купчинский О. А.* Древнейшие славянские топонимические типы и некоторые вопросы расселения восточных славян.— В кн.: Славянские древности.: Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980, с. 47.
3. *Матвеев А. К.* Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем.— ВЯ, 1976, № 3, с. 68—69.
4. *Лескинен В.* О некоторых саамских гидронимах Карелии.— В кн.: Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л., 1967.

Новое в русской лексике. Словарные материалы — 77. Под ред. Котеловой Н. З. — М.: Русский язык, 1980. 176 с.; **Новое в русской лексике. Словарные материалы — 78.** Под ред. Котеловой Н. З. — М.: Русский язык, 1981. 262 с.

Научно-техническая революция, энергичное развитие советского общества, активизация разносторонних связей и отношений с другими народами стимулируют обновление и расширение словарного состава русского языка. Этому способствует также и постоянная тенденция к обновлению экспрессивных средств речи. Бурное развитие номинативных средств русского языка ставит вопрос о сборе, регистрации, объяснении новых слов, словосочетаний, значений, о выявлении тенденций в словообразовании и словоупотреблении в современном русском языке. Однако до последнего времени в нашей стране отсутствовала «служба неологизмов» русского языка. Новые слова и значения слов, естественно, фиксировались и описывались в многочисленных научных работах — монографиях, диссертациях, статьях, иногда в изданиях популярного характера, но не было налажено общего систематического выявления нового в русской лексике, его лексикографической обработки. Вышедший в 1971 г. словарь («Новые слова и значения». Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. Под ред. Котеловой Н. З. и Сорокина Ю. С., М., 1971) явился первым опытом словаря неологизмов русского языка. Рецензируемые издания «Новое в русской лексике» продолжают и развивают эту удачно наметившуюся тенденцию систематического анализа и лексикографической фиксации новообразований русской лексики. Чтобы адекватно оценить эти выпуски в свете задач, которые ставили перед собою составители, необходимо уточнить их положение в общей типологии трудов по неологической лексикографии.

Можно выделить четыре этапа в лексикографической обработке неологизмов (неографии, как называют эту отрасль языкознания зарубежные лексикографы) и, следовательно, четыре типа работ, фиксирующих лексические инновации языка. На первом этапе инновации фиксируются в научных исследованиях, с целью скорее лексикологической (выявление продуктивных тенденций в расширении номинативных средств языка), нежели собственно лексикографической. Второй этап — составление первичных справочников неологизмов (лексических и семантических), в которых новые слова и значения приводятся при минимальном отборе. Цель такого справочника — сигнализировать о появлении в языке новых слов и значений слов, дать им первичную лексикографическую обработку. По сути дела — это еще дословарный этап, такие справочники лишь дают материалы для будущих словарей неологизмов или общих словарей. Третьим этапом лексикографической обработки неологизмов является создание специальных словарей новых слов, которые могут выходить и как приложение к существующим толковым словарям. Такие словари основываются на отборе инноваций: в них отмечается лишь то, что, по мнению составителей, закрепляется в языке, приобретает общезначимый характер (французские лексикологи говорят в этом случае о «социализации неологизмов».) И, наконец, на последнем этапе неологизмы включаются в издаваемые общетолковые словари. Ясно, что такая судьба ожидает лишь слова, прошедшие испытание во времени и в использовании. Об их «неологическом» характере в толковом словаре может свидетельствовать помета (*нов.*, *неол.*, *совр.* и др.), либо, если словарь содержит исторические справки, датировка слова.

Если упомянутый словарь-справочник «Новые слова и значения» принадлежит к третьему типу трудов по неологии, то рецензируемые издания отражают второй этап обработки неологизмов. И в этом следует ясно отдавать себе отчет, чтобы не предъявлять к этой серии необоснованных требований (в частности, в отношении отбора лексики). Открывая такую книгу, читатель должен хорошо представлять себе, что он может и должен найти в ней. В самом подзаголовке изданий — «Словарные материалы» — подчеркивается, что это — не словарь неологизмов, но лишь первичная лексико-

графическая обработка материалов для подобного словаря. Более того, в предисловии ко второму выпуску авторы уточняют, что многие устоявшиеся широкоупотребительные неологизмы, ставшие за последнее время фактами общей русской речи, намеренно не включены в этот сборник, ибо они войдут в подготавливаемый новый словарь неологизмов. («Новые слова и значения». Словарь-справочник по материалам прессы и художественной литературы 1972—1976 гг.). Среди этих слов, например, *универсам*, *породнение*, *фломастер*, *наставничество* и т. п. Таким образом, в рассматриваемых выпусках, особенно во втором, представлены слова и выражения, судьба которых еще не вполне ясна: они могут утвердиться в языке, но могут впоследствии и отсеяться. Кроме того, в них много потенциальных слов, создающихся в речи по продуктивным моделям. В дальнейшем мы подробнее остановимся на той пользе, которую можно извлечь из этих сборников, но вначале опишем их структуру.

В первом выпуске содержится 2000 единиц (слов, словосочетаний, новых значений слов), в том числе 500 даны без словарной статьи, списком. Второй выпуск превышает первый: в нем регистрируется 3000 единиц (в том числе 700 без словарной статьи). Материалы выпусков получены путем сплошной обработки 10 ведущих газет и журналов («Правда», «Известия», «Комсомольская правда» и др.) за определенный срок (апрель — июнь 1977 г. для первого выпуска, февраль — май — для второго).

Стремясь дать «полное и объективное представление новых словарных материалов» (2,3) [1], авторы вместе с тем провели первичную дифференциацию и обработку инноваций. Выпуски включают три разряда лексических единиц: новые слова и словосочетания общеупотребительного или общезначимого характера (это — основная часть материалов), слова и словосочетания «разового употребления» (они даются петитом в угловых скобках) и слова без лексикографической обработки (приводятся списком в конце издания). В последнюю категорию попадают слова, которые по разным причинам не стали предметом словарной статьи.

В принципе в каждой словарной статье приводится грамматический комментарий к слову (формы склонения, спряжения и т. п.), лексикографическое определение слова или словосочетания, в некоторых случаях стилистические пометы (*проф.*, *обл.*, *жарг.*, *разг.*, *ирон.* и др.), а также иногда указание на язык, откуда взята заимствованная единица (*англ.*, *нем.*) и цитаты (или в некоторых статьях несколько цитат) с указанием источника. В конце статьи дается словообразовательная справка. В некоторых случаях определение отсутствует, особенно когда цитата достаточно хорошо разъясняет реалию, обозначаемую новым словом, или же дает его прямое толкование. В большинстве случаев определения точны и лаконичны, их можно будет использовать впоследствии при необходимости включения данных единиц в словари общего типа.

В предисловии к выпускам авторы совершенно правильно подчеркивают трудность выявления новых слов и значений. Собственно неологизм трудно отграничить от потенциальных слов, свободно создаваемых по существующим в языке моделям (например, *небелковый*, *малознающий*). Их трудно дифференцировать и от слов и выражений, давно бытующих в языке, но по тем или иным причинам не попавших в существующие словари. Хотя авторы осуществили гигантский труд по проверке каждого зарегистрированного слова по всем важнейшим словарям русского языка (а также и энциклопедическим), в ряде случаев нельзя доказать, что отсутствующее в словарях и картотеках слово — старое. Поэтому нередко слово, отсутствующее в словарях, включалось в эти выпуски.

Особая сложность была вызвана задачей разграничения узуальных и разовых неологизмов (авторских гапаксов). Самый источник, которым пользовались составители — газетно-журнальные материалы с их широкой тематикой, актуальной проблематикой, необходимостью отразить все новое, свежее, даже «скоротечное», обусловивает наличие многих лексических единиц, выступающих как окказиональное обозначение «для данного случая», либо обозначающих новые явления, о которых нельзя с уверенностью сказать, укоренятся ли они в жизни. В газетах часто встречаются «ксенизмы» — обозначения иностранных реалий (государственных учреждений, партий, явлений, организаций и т. п.), из которых многие вряд ли станут фактами русского языка [например, *леопард* — прозвище жандарма в Гаити (2, 109)]. К тому же приходится учитывать и самый характер журналистской деятельности. Журналист подчас должен быстро дать информацию, не имея возможности проверить, имеются ли уже для данного явления обозначения в русском языке, предлагает нередко свое наименование, отличающееся от существующего или же от обозначений нового явления, даваемого другими авторами. Поэтому при составлении справочника неологизмов приходится постоянно решать вопрос, представляет ли собой такая-то единица обозначение нового понятия или же вариант обозначения, уже имеющегося в языке для известного понятия. В связи с этим возникают некоторые вопросы, касающиеся комментирования и обработки материалов, на которых мы остановимся ниже.

Рецензируемые выпуски словарных материалов представляют большую ценность не только для исследователей русского языка, для лексикографов, но также и для широкого круга лиц, интересующихся русским языком и пользующихся им.

Социологические исследования показывают, что значительный процент газетных текстов остается неясным для среднего читателя. И действительно, в га-

[1] При указании источника цифра 1 обозначает 1 выпуск серии (1980 г.); 2 — второй выпуск (1981 г.), далее следует указание на страницу.

зетах и популярных журналах печатается самый разнообразный материал (можно себе представить, насколько бы разрослась новая лексика, если бы составители включили в число анализируемых изданий такие научно-популярные журналы, как «Наука и жизнь», «Природа», «Техника молодежи» и т. п.). Многие новые незнакомые читателю слова уточняются в контексте. Но если отвлечь лексические единицы от их окружения, дать их списком, то окажется немало слов, которые читатель даже с высшим образованием не сможет истолковать. Например: *акционизм*, *антисон*, *апвеллинг*, *арколог*, *баратовит*, *басинг*, *бификсация*, *ведьмины колеса*, *от винтика*... (1). Или слова «без описания»: *агыпу*, *альгипор*, *ампоше*, *аудиорамный*, *ацеид*, *балабанщик*, *брифинг*, *ватик*, *везун*, *вертикалка*... (1). Разъясняя многие подобные слова, реально встречающиеся в прессе, составители оказывают большую услугу читателю. Новое обозначение не сразу принимает окончательную форму, но в течение некоторого периода претерпевает формальное и семантическое варьирование. Рецензируемые словарные материалы фиксируют различные варианты обозначений одной и той же реалии, что в конечном счете может способствовать унификации обозначений. Например, *бомба-посылка* (1,32) и *посылка-бомба* (2,169), *выставка-ярмарка* (1,38) и *ярмарка-выставка* (2,261). Можно полагать, что если бы пишущий знал о прецеденте, он не стал бы без особой нужды варьировать обозначение.

С помощью рецензируемых справочников пишущий сможет найти нередко удачное или нужное наименование. Как, например назвать человека, придумывающего или собирающего афоризмы; спортсмена, занимающегося серфингом; замочек на застежке-молнии; литературные произведения, записываемые на пластинку? В словарных материалах читатель может найти соответствующий ответ: *афорист*, *серфингист*, *ползунок*, *звучащая литература*. Даже если он сам может придумать подобное обозначение, существование прецедента имеет существенное значение для нормализации и унификации речи. В настоящем издании впервые в нашей лексикографии фиксируются и многие образные употребления слов, в том числе и в словосочетаниях: *дом природы*, *запас прочности*, *работать на общий котел*, *пролог* (какого-л. мероприятия), *оглядываться на процент* и мн. др. Таким образом, собранный материал может стать весьма полезным для всех пишущих и читающих, для газетно-журнальных работников, редакторов, переводчиков. В речевом узусе прецедент играет большую роль, а данные выпуски фиксируют прецеденты речеупотребления.

Огромный интерес представляет этот материал для лексикологов. Он отражает реальное функционирование словообразовательных и фразообразовательных средств русского языка, свидетельствует о продуктивности определенных моделей. Особенно обращает на себя внимание разнообразие способов словосложения. В них отражается потребность в наименовании более узких или промежуточных понятий, а также речевая тенденция к созданию более компактных средств выражения. Сложные наименования составляют почти половину словарных материалов. Интересны образные переосмысления слов, в том числе и в словосочетаниях. Составители особое внимание уделяют новому во фразеологии, и оба выпуска дают интереснейший материал по фразеологизации. В них представлены все три способа формирования фразеологизмов: переосмысление существующего свободного словосочетания (наример, *под маринадом*, 2,115), образование фразеологизмов, не имеющих аналогов среди свободных словосочетаний (*на натуре*, 2,131), заимствование-калька (*мозговая атака*, 2,126).

Приводимые факты переосмысления слов и выражений представляют интерес для выявления общих тенденций филиации значений, проявляющихся независимо в различных языках. Например, новое выражение *малая родина* (2,114) в значении «место рождения, родной край» дословно соответствует франц. *la petite patrie* или исп. *patria chica* с тем же значением, хотя и возникло, по-видимому, без влияния иных языков.

Материалы выпусков свидетельствуют о расширении семантического диапазона многих словообразовательных моделей, показывают продуктивность значений, которые в общей системе языка представляются второстепенными. Так, сочетание двух существительных имеет чаще всего сочинительное или ограничительное значение (*поставщик-смежник*, *поселок-спутник*, *диван-кровать* и т. п.), но в новых материалах отмечается и более редкое значение: характеризация предмета через его устройство: *кровать-тумба* (т. е. с тумбой, 1,65). Аффикс *-ант* обычно образует существительные от глаголов активного значения (*проектант* — тот, кто осуществляет проект), но в слове *адаптант* (2,21) реализуется более редкий случай — его присоединение к основе глагола возвратно-пассивного значения (тот, кто подвергается адаптации).

Рецензируемые справочники имеют неоценимое значение для лексикографии. В них впервые подвергаются лексикографической обработке многие сотни слов и выражений русского языка. И поскольку, как говорил Л. В. Щерба, каждая статья в словаре представляет собой отдельную монографию, составителям пришлось написать много сотен таких малых «монографий». Нередко, на первый взгляд, за простым определением скрывается большой труд. Авторам нужно было удостоверить новизну единицы, выявить ее значение, найти для нее точное и немногословное определение. Кажется странным, что такие, казалось бы, привычные слова и словосочетания, как *величественность*, *труднопереводимый*, *брать разгон*, *предъязвенный*, *среднее звено*, *расчетно-денежный*, *блочный метод* (строительства), *класть последние мазки* и мн. др.,— неологизмы, а ведь они впервые лексикографически фиксируются и обрабатываются в рецензируемых выпусках. И когда в новых

толковых словарях русского языка будет указываться датирование слова, данные выпуски окажутся во многих случаях ценным источником.

И, наконец, у справочников такого рода есть еще одна функция — социально-историческая. В новых словах и значениях слов отражаются новые явления жизни нашей страны, современной науки и техники, события международной жизни. Пройдут года, и к этим книжкам смогут с пользой для себя обратиться не только лексикографы, но также историки и социологи.

Издание выпусков «Новое в русской лексике» безусловно следует продолжать. Вероятно, целесообразно расширить базу исследования, привлечь к анализу прессы и других публикаций (по заранее разработанной определенной методике) более широкий круг людей (может быть, через кафедры русского языка в ряде городов страны). Это позволит не только увеличить список неологизмов, но, что очень важно, и полнее выявить реальную употребляемость фиксируемых единиц, привести большее число контекстов с более разнообразной сочетаемостью слов.

Представляется целесообразным сделать некоторые замечания и высказать отдельные пожелания, которые можно было бы учесть при дальнейшей работе над изданием этой серии. Замечания касаются включения единиц в справочник, их распределения по трем внутренним рубрикам (узуальные неологизмы, разовые неологизмы, слова без словарных статей), состава словарной статьи и, в отдельных случаях, выделения значений и толкований.

Некоторые единицы, включенные в справочники, не являются новыми. Например, прилагательное *санный* в сочетании *санный спорт* (2,194) реализует свое обычное значение, ввиду чего это словосочетание, по-видимому, и не приводилось в словарях. Однако сочетание *санный спорт* — давнее известное обозначение. Термины *касыда*, *лютеций* (название металла) (1,173) и некоторые другие также не являются новыми, они отмечены в БСЭ или «Словаре иностранных слов». Но таких случаев сравнительно немного. Чаще вызывает сомнение отнесение слова в ту или иную рубрику справочника.

Как отмечалось выше, очень не просто провести различие между новыми словами и значениями общеязыкового характера и разовыми авторскими употреблениями. Единственным надежным критерием является здесь только реальная употребительность слова. Так, *умноглазый* (2, 232) отмечено у разных авторов в разных журналах, это показывает, что перед нами достаточно устойчивое образование, достойное встать в один ряд с такими существующими в языке сложными прилагательными, как *светлоглазый*, *желтоглазый*, *ясноглазый*, *шустроглазый*, *быстроглазый* и другими, фигурирующими в словарях русского языка. Но не всегда языковый факт столь очевиден. Нередко составители приводят лишь одну-единственную цитату, не позволяющую судить о том, является ли слово употребительным неологизмом или же авторским окказионализмом. Так, наверное, к словам разового употребления следовало отнести слова *звероголова*, *змеющечка*, (2,83—84), употребленные в газетных фельетонах. *Стрессовый* в значении «подверженный стрессам» (2,214, а не «вызывающий стресс»), также, по-видимому, авторское употребление. Напротив, *взрыв-технолог* (2,48) — обозначение типа взрыва — могло быть включено в число общих неологизмов. Также и глагол *зациклиться на чем-л.* (2,82) — достаточно употребителен в разговорной речи.

Особую проблему ставят сложные слова. Они легко создаются по существующим моделям и часто не нуждаются в словарной обработке и даже в оправдательных пространных цитатах. В вып. 2 мы находим многие сложения с числительными: *восемнадцатиэтажный*, *двухсоткварти́рный*, *девятитонный*, *пятидесятистрочный*, *пятисотметровый*, *шестисерийный*, *тринадцатисерийный* и мн. др. Отмечать такие слова полезно в списках слов «без описания». Иногда, относясь к определенному устойчивому денотату, они становятся исходным материалом для формирования обозначения этого предмета (ср. *трехтонка* — вид грузовика, *стометровка* — вид спортивного состязания, *двухкилометровка* — разновидность топографической карты и т. п.). Поэтому фиксировать сложные прилагательные с числительными полезно, но давать им полную лексикографическую обработку — не обязательно. В прессе встречается множество сложных прилагательных, отражающих связи между странами и народами. В справочниках одни из них выведены в основную часть с полным описанием и цитатами (*греко-советский*, *австро-советский*, *американо-африканский*, *евро-африканский* и др.), другие даны в списках «слов без описания» (*советско-греческий*, *советско-английский* и т. п.). Такие слова представляют лингвистический интерес в отношении формы первого компонента (проявляется, по-видимому, тенденция к употреблению более сокращенного варианта: *австро-* вместо *австрийско-*, *франко-* вместо *французско-* и т. п.), но что касается понимания, то они сохраняют прозрачность структуры и их можно было бы вполне включить в список слов «без описания».

В употреблении сложных слов во многих языках проявляется характерная закономерность: они используются при повторной номинации как более компактное обозначение, заменяющее сочетание слов. Это наглядно видно из примеров: «*...дальнейшая автомобилизация страны невозможна без развития автомобильного и мотоциклетного спорта. Общество (ВДОАМ) регулярно проводит всевозможные автомотоспортивные соревнования...*» (2, 19). Здесь сложное прилагательное заменяет пространное обозначение «соревнования по автомобильному и мотоциклетному спорту». Оно обозначает устойчивую реалию, и его жизненность подкрепляется такими существующими в языке словами, как *автомотоклуб*, *автомотосекция*, *автомотолотерея* и др. Но во фразе: *У двух белокрылых ан-*

гелов может родиться бес, у бесов — ангел, может образоваться бесоангельская смесь (2,35; = смесь из беса и ангела) сложное прилагательное, хотя и заменяет более пространное обозначение при повторной номинации, не имеет устойчивой референтной отнесенности и не может рассматриваться как узуальный неологизм. Оно могло бы быть включено в разряд слов разового употребления.

Что касается содержания статей, то в некоторых случаях приходится сожалеть об отсутствии определений. Разъяснение терминов в цитатах не всегда заменяет лексикографическую дефиницию, ибо часто в цитате показывается ситуация, связанная с данным предметом, а не значение слова. Так, в вып. 2 не определены единицы *аппорт, вагон-ассорти, теория локомотива, линкидж, лечебно-питьевой, ленинский урок* и др. В немногих случаях приводимые дефиниции нуждаются в уточнениях. Например, *эколог-ист* (2,250) — не только специалист по экологии, но вообще тот, кто борется за сохранение окружающей среды (это, впрочем, ясно вытекает из обеих приведенных цитат). Иногда даже из пространной цитаты не вытекает с нужной ясностью значение единицы (например, *демонстрация флага*, 2, 67).

Желательно обратить большее внимание на этимологические справки. Иногда они отсутствуют [например, у *йе-йе* (2, 90) из франц. *yé-yé* от искаженного англо-американского *yes*], в отдельных случаях они неточны. Слову *волонтариат* (2,53) дается этимология *волонтер + ариат*, так что читатель может подумать, что оно сформировано в русском языке, тогда как оно восходит непосредственно к франц. *volontariat* «добровольная неоплачиваемая работа». *Марикультура* (2,115) происходит не от *marinus* «морской», но от лат. *mare, -is* «море». Этимологические справки, даваемые более последовательно, позволили бы избежать ряда неточностей в определениях и выявить случаи произвольного варьирования. Дело в том, что журналисты — авторы корреспонденций из-за рубежа, не всегда переводят одни и те же термины одинаково и точно. Отсюда возникают новые обозначения, которые иногда только по форме являются новшеством. Например, в вып. 2 мы находим три выражения: *черная волна, черный прибой, черный прилив*, которые обозначают одно и то же явление: морскую воду, загрязненную нефтью. Все три являются просто разными переводами одного и того же французского выражения *marée noire*. Это полезно было бы отметить и дать все три выражения в одной статье как варианты обозначения. На с. 238 второго выпуска мы находим выражение *флаг любезности*. Хотя определения нет, из цитаты видно, что речь идет примерно о том, что в судоходстве обозначается термином *удобный флаг* (англ. *flag of convenience*). Однако это одно и то же или два разных явления? (Для лектора-международника такой вопрос может стать актуальным). Загадка разрешится, если мы обратимся, например, к французско-русскому словарю по судоходству, где термин *pavillon de complaisance* букв. «*флаг любезности*» переводится русским термином *удобный флаг*. Следовательно, в русском языке существует уже термин *удобный флаг*, а приведенный в справочнике *флаг любезности* является вариантом этого термина (узуальным или авторским — это можно решить только путем консультации со специалистами в данной области). В справочнике же нужно было бы отметить: *Флаг любезности*, то же, что *удобный флаг*, и далее дать определение.

Было бы полезно в справочниках давать иноязычные параллели, послужившие источником для новых обозначений в русском языке. Например, транспортная развязка *лист клевера* (2,95; ср. англ. *clover-leaf*, франц. *croisement en trèfle*); *мазать розовой краской* (2,104; англ. *to pink* «окрашивать в розовый цвет», речь идет об американской действительности); *мозговая атака* (2,126; англ. *brainstorming*). В некоторых случаях эти параллели позволили бы точнее определить рамки новой лексической единицы. Так, возможно, нужно было бы выделить не только *влево* «в сторону демократизации» (2,50), но и приводимое в цитате (речь идет об Италии) выражение *сдвиг влево* (ср. итал. *spostamento a sinistra*, франц. *poussée à gauche* — устойчивые политические речения в этих языках). Нелишне было бы также давать указание, что данное обозначение является лишь «товарным знаком» [*белта* (1), *моно, поправка, штрих* (2)].

Было бы крайне желательно давать в подобных справочниках (по мере возможности) комментарии, связывающие новые единицы с существующим лексико-фразеологическим фондом русского языка, с фактами русской литературы (поскольку нередко неологизм представляет собой литературную реминисценцию). Так, для глагола *подсюсюкнуть* (2,162) было бы полезно указать, что он встречается у Маяковского (*Я даже ямбом подсюсюкнул, чтоб только быть приятней вам*), и, возможно, цитируемый автор был здесь под влиянием известного стихотворения поэта. Выражение *Брать метлу в руки* (2,41) — несомненно тоже литературная реминисценция. Нужно связывать особыми комментариями новые слова с существующими. Так, полезно сопоставить новое слово *влагоустойчивость* с существующим *влагостойкость*, *всепобедительный* с *всепобеждающий*, *аскетичность* с *аскетизм* и т. п. Для читателя немаловажно знать, несут ли в себе новые слова новые оттенки значения либо это лишь варианты существующих обозначений. И, конечно, нужно отмечать орфографические варианты. Например, *иатрогенный* (2,85) — не новое слово, но графический вариант слов *ятрогенный, ятрогения*, представленных в БСЭ. В некоторых случаях полезно давать и нормативные уточнения. Например: *биархатный* (2,36), правильнее *диархатный* (к греческой основе предпочтительнее присоединяется греч. преф. *ди-*, а не лат. *би-*, ср. англ. *diarchy*), *судно пожарный*, правильнее *пожарное судно* (существующий русский термин; возмож-

но, что *судно-пожарный* — прямой перевод с исп. *buque-bombero* — в цитате речь идет о Кубе). Объективное представление материалов, о котором говорится в предисловиях к выпускам, отнюдь не означает отказа от нормативных комментариев и советов. Авторы отметили у слова *пятигранник* (1,120) — «правильно — пятиугольник», и такой подход нужно было бы применять чаще. В других случаях, когда речь не идет о выборе правильного варианта, можно было бы ограничиться сопоставительной пометой, например, *ярмарка-выставка* — то же, что *выставка-ярмарка*; *всепобедительный*, ср. *всепобеждающий*. Читатель бы получил при этом более точное и объективное представление о месте данного неологизма в общей системе языка.

Сделанные частные замечания и пожелания нисколько не снижают общей значимости рецензируемых выпусков, результаты огромного творческого труда их составителей. Хочется пожелать, чтобы серия «Новое в русской лексике» продолжалась, чтобы выпуски ее все больше «полнели» в отношении как количества регистрируемых слов, так и детальности их обработки.

Гак В. Г.

Greppin J. A. C. **Classical and Middle Armenian bird names** (A linguistic, taxonomic, and mythological study) . — New York: Delmar, 1978. 290 p. (Caravan Books).

Исследование проф. Кливлендского университета штата Огайо (США) Дж. Греппина является результатом изысканий, проведенных автором в 1974—1975 гг. в Матенадаране (Ереван).

Изучение орнитологической номенклатурной лексики, содержащейся в многочисленных источниках на древнеармянском и среднеармянском языке, с их последующей идентификацией с реально существующими представителями отрядов птиц является существенным вкладом не только в собственно армянскую лексикографию. Данная работа имеет большое значение как для изучения сравнительно-исторической лексикологии и.-е. языков, так и для освещения отдельных сторон истории армянского языка, особенно в части выявления его древнейших контактов с языками окружающего ареала, главным образом иранскими, кавказскими и тюркскими. Кроме того, рецензируемый труд важен также и для научного упорядочения самой орнитологической терминологии, уточнения отдельных, до сих пор еще неоднозначных терминов в данной области.

В армянском государственном хранилище древних рукописей — Матенадаране (ныне Институт древних рукописей им. Маштоца при Совете Министров АрмССР) собрано множество рукописей и старопечатных книг на древнеармянском, среднеармянском, современном армянском и других языках, содержащих богатый лексический фонд, относящийся к флоре и фауне, а также к явлениям окружающей природы.

Значительная часть этого лексического фонда, образовавшегося на разных этапах развития армянского языка, перешла в современный армянский. Однако многие слова, особенно терминологического свойства, относящиеся к флоре и фауне, остались в рамках мертвых форм существования армянского языка (грабара, среднеармянского языка), частично в отдельных диалектах и пока не стали всеобщим достоянием хотя бы в границах соответствующих отраслей науки. Осталось неясным и их реальное содержание. Так, например, наблюдаются факты, когда разные особи животного или растительного мира получают одно и то же наименование на разных этапах развития языка. Вместе с тем, с другой стороны, один и тот же представитель данного отряда или семейства животных или растений имеет разные наименования в пределах современных диалектов. Проблема еще более осложняется в случаях заимствования из других языков (греческого, иранских, кавказских, тюркских, древних языков Передней Азии, семитских и др.), когда заимствованный термин приспосабливается для обозначения близких, но далеко не идентичных представителей растительного и животного мира заимствующего языка. В связи со всем сказанным особенно остро встает вопрос об идентификации тех или иных номенклатурных единиц. Задача эта далеко не из простых, если учесть, что в ряде случаев произошло затемнение отдельных терминов, изменение их лексического содержания, перенос значения и т. д.

Обширный орнитологический материал, собранный Дж. Греппином в Матенадаране, расположен им на основе общепринятой научной классификации птиц и разделен на отряды, объединяющие семейства и подгруппы. В целом в книге изучаются 20 различных отрядов птиц, названия представителей которых встречаются в армянских источниках, начиная с V в. Греппином подробно рассматриваются отряды аистовых, воробьиных, соколиных, утиных и др. При этом каждый из 20-ти отрядов представлен под заголовком, являющимся принятым в английской систематике названием этого отряда (например, на с. 37 — Falconiformes «Отряд соколиных», с. 176 — Passeriformes «Отряд воробьиных» и т. д.). Необходимо отметить, что подавляющее большинство птиц, названия которых исследуются в работе, распространено на территории Армении и характерно для ее природных и географических условий. Вместе с тем в книге анализируются и имена птиц, не обитающих в данном географическом регионе.

Они попадают в поле зрения автора в связи с тем, что эти имена упоминаются в древнеармянских источниках. Любопытно, что в последнем, 20-м разделе, автором особо рассматривается номенклатура птиц мифического происхождения или неясной этимологии.

Работа Дж. Греппина, посвященная изучению орнитологической армянской терминологии, опирается на определенные традиции в данной области. Можно упомянуть в связи с этим издания мхитаристов, их многочисленные словари и особенно книгу Г. В. Меневишяна «Иллюстрированная история естествознания. Т. I. Зоология (Птицы)» [1]. Есть и другие работы, в том числе и статьи, относящиеся к данному вопросу. Номенклатура птиц Армении, кроме того, была дважды каталогизирована [2].

Рецензируемая монография значительно отличается от вышеуказанных как задачами, которые в ней ставятся, так и общей направленностью исследования. В своем труде Греппин использует лексико-семантический, текстологический и сравнительно-этимологический методы анализа материала. Такое всестороннее описание орнитологической лексики армянского языка на основе применения комплекса различных методов осуществлено впервые в рецензируемой книге.

Изучение наименования каждого представителя птичьего отряда начинается с описания внешних данных птицы, ареала распространения, разновидностей, которые встречаются на территории Армении. Далее следует подробный анализ текстов, относящихся к классическому древнеармянскому и среднеармянскому периоду, в которых встречается название данной птицы. Приводятся многочисленные извлечения из этих текстов. Все цитаты транслитерированы и снабжены английским переводом. Надо отметить, что Греппин не довольствуется только армянскими источниками: он привлекает тексты и на других языках, особенно часто на древнегреческом в связи с использованием лексического материала, представленного в Библии, сравнивая при этом армянский и греческий переводы.

В конце каждого раздела есть приложение, где собраны в порядке следования все указанные текстовые цитаты и выдержки, приведенные в самом корпусе изложения. Это очень удобно для читателя, поскольку он имеет перед глазами в совокупности сведения, встречающиеся в различных источниках, о представителе того или иного отряда или семейства птиц.

Чтобы иметь более полное впечатление об общих принципах и методах анализа материала в книге, в качестве иллюстрации можно привести описание семейства соколиных, в частности, анализ термина «орел». Дав внешнюю характеристику этой птицы, Греппин констатирует, что в армянских текстах имя ее часто окружено ореолом определенного респекта и сопровождается эпитетами «быстрокрылый», «высоко летящий», «могучий», «царственный» и т. д. (с. 45). Выясняется также, что хотя на территории Армении было распространено примерно шесть или семь разновидностей этой птицы (Aquila rapax, Aquila chrysaetos и др. [см.: 2, с. 87—89]), армяне обычно не дифференцировали их и обозначали одним термином *arciw* (с. 45). Текстологические разыскания показывают, что термин *arciw* в Библии встречается 32 раза, по нескольку раз у древнеармянских и среднеармянских авторов; так, у средневекового автора Мхитара Гоша употребляется шесть раз. Греппин дает наиболее интересные выдержки из различных текстов, где авторы в связи с различными обстоятельствами высказывались об этой птице. Далее приводится этимология этого слова, которое имеет и.-е. происхождение и восходит к форме **rĝi-pyos* «прямолетящий». Его соответствия имеются в Ригведе и Авесте, откуда автор делает извлечения (с. 48). Отмечается, что позже для обозначения орла-самца армяне используют заимствование персидского происхождения — *kand* (перс. *kond*), означающее «храбрый, отважный» (с. 49). Назывался орел в армянском и словом *karakush* букв. «черная птица», имеющим тюркское происхождение (с. 49). Греппин отмечает, что существует мнение, согласно которому термин *karakush* в Кашгарии употребляется вместо *birkut*. Последним «в Коканде и Западном Туркестане регулярно обозначают беркута (golden eagle)» (с. 49).

Приведенный выше лексикологический, лингвистический и этимологический анализ термина «орел» характерен и для содержания остальных разделов книги, каждый из которых обладает высокой информативностью. Еще пример из другой части монографии (разд. XVI Coraciiformes «Отряд ракшеобразных»). Одним из представителей этого отряда является удод (Upupa epops, с. 167). После описания внешних данных этой птицы Греппин дает и индивидуальную ее характеристику, из которой становится известным, что удод в течение всей своей жизни кормит своих престарелых родителей и трогательно заботится о них. Эту особенность заметили древние авторы, о чем убедительно свидетельствуют обширные текстовые выдержки из их высказываний (с. 167). Однако, несмотря на эти положительные качества, вызывающие к ней симпатии, нечистоплотность и неаккуратность гнезда этой птицы явились причиной того, что немцы прозвали ее *Stinkhahn* «вонючей птицей» (петухом), французы — *coq puant* «то же» и т. д.

Армянский термин *hopop* (англ. *hoopoe*) имеет здесь, как и в других языках, ономатопоэтический характер и восходит к звукоподражанию постоянного крика удода — *hoo-hoo-hoop*. В греч. эта птица называется ἔποψ, лат. *upupa*, перс. *pūpū*, тюрк. *hupup* и т. д. В армянском встречается также и термин *kokol*, который возводится к перс. *kōkala* (с. 170). Греппин обнаружил его в словарях, однако текста, где данное слово употребляется, не нашел. Встречается, наконец, в армянском и слово *pit'nus*, вероятно, из тюрк. *bedenos*, для обозначения удода (с. 170).

Смешение названий птиц, особенно из одного семейства, достаточно частое явление в орнитологической терминологии. Так, например, описывая армянский термин *lor* (или *lor-ik*, *loramarg*), обозначающий перепелку, Греппин отмечает, что в Библии он встречается четыре раза (в греческом переводе ему соответствует ὀρτυγομήτρα «коростель»). Автор полагает, что в данном случае греки сделали неправильный перевод с др.-евр. *səlav* «перепелка» (с. 80), и ссылается на древнеармянского историка Агафангела, у которого есть фраза, подкрепляющая мнение о том, что арм. *loramarg* обозначает в действительности перепелку (англ. *quail*), а не коростеля (с. 80). Что касается этимологии арм. *lor*, то она, по мнению автора, неясна. Это слово увязывали с греч. λάρος «морская чайка», которое Покорный возводит к корню **lā-*, **lē-* «кричать», санскр. *rāyati* «лаять; лай», осет. *raïn* «то же». Вместе с тем Греппин говорит и о том, что существует мнение о догреческом происхождении λάρος, а не индоевропейском. Таким образом, армянский термин является средиземноморским словом и входит в армяно-греческую изоглоссу (с. 81—82).

В отношении курд. *lur* «перепел» Греппин затрудняется дать объяснение, поскольку в других иранских языках нет его аналогий (с. 82).

Исследование Дж. Греппина снабжено обширным справочным аппаратом. Сюда входят: библиография (с. 250—257); список источников (с. 258—265); индекс орнитологических терминов на армянском, греческом, санскрите, хинди, балто-славянских, германских, кавказских, тюркских и др. языках (с. 266—276) с указанием страниц, где встречаются эти слова. Далее следует список наименований птиц на английском языке с их эквивалентами на латыни (с. 277—288). Тематический индекс расположен на с. 289—290.

Некоторые замечания. В индексе армянских орнитологических имен слова даются только в латинской транслитерации. Так же даны текстологические извлечения в конце каждого раздела. Нам кажется, что параллельное сохранение текста на оригинальном алфавите было бы весьма желательным для такого исследования. Сравнительно-этимологический анализ орнитологического термина, имеющего и.-е. происхождение, не всегда достаточно полный и обстоятельный, зачастую без ссылок на существующие в компаративистике точки зрения по поводу данного слова. Более подробный анализ был бы весьма полезным и не занял бы много места, поскольку среди многочисленных названий птиц не так уж много имен и.-е. происхождения. Есть и некоторые неточности. Так, известно, что термин *golden eagle* «беркут» имеет латинское соответствие Aquila chrysaetos (см. с. 43). Но на с. 49 автор рядом с *golden eagle* ставит лат. Aquila heliaca. Последний является латинским обозначением для *imperial eagle* «могильник» [см. 3].

В целом рецензируемый труд Дж. Греппина, безусловно, является вкладом не только в армянскую лексикологию. Он представляет значительный интерес для историков языка, лексикологов, компаративистов и филологов широкого профиля, специализирующихся как в области и.-е., так и в области тюркских, семитских, кавказских и других языков.

Туманян Э. Г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Mēnēvišean G. V.* Patkerazard bnakan patmut'iwn. Hat. A. Kendanabanut'iwn (T'r̄čunnerə). Vienna, 1897.
2. *Даль С. К. и Соснин Г. Б.* Определитель птиц Армянской ССР. Ереван, 1947.
3. Англо-русский биологический словарь. М., 1976, с. 203.

Dees A. **Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13e siècle.** Avec le concours de P. Th. van Reenen et de J. A. de Vries. — Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1980. 372 p.

Памятники XIII в. представляют особый интерес для истории французского языка, в развитии которого обычно различают старофранцузский период (IX—XIV вв.), среднефранцузский (с середины XIV по XVI в.) и новофранцузский (с XVII в.). При этом язык памятников IX—XII вв. иногда выделяют в качестве архаического французского, а под старофранцузским подразумевают только период с середины XII в. до начала Столетней войны (1345 г.). Именно в это время по мере политической консолидации французского королевства повышается престиж его центрального диалекта, языка, Иль-де-Франса. В официальных документах муниципальных канцелярий, а затем и в литературном творчестве язык Парижа постепенно становится преобладающим, и в XIV в. он господствует почти по всей северной Франции. Только в Провансе вплоть до XVI в. его употребление еще ограничивается средой королевских нотаблей и чиновников.

Внешние условия формирования национального языка Франции более или менее подробно отражены во всех исторических грамматиках, опирающихся, естественно, в своих лингвистических выводах на данные текстов, свод которых достаточно обширен и относительно хорошо изучен. Многочисленные публикации памятников и монографические исследования особенностей фонетического, морфологического, синтаксического, лексико-семантического порядка по отдельным

источникам и группам текстов, относящимся к различным диалектным областям и к разным хронологическим периодам, создают прочную базу для изучения истории французского языка. Очевидна, однако, трудоемкость обобщения этого материала и то, что синтез накопленных сведений не всегда предполагает достаточную уверенность в сопоставимости наблюдаемых явлений (если не иметь в виду расхождения научных концепций), а также четкое разграничение разных языковых состояний во времени и пространстве, т. е. однозначную локализацию исследуемых явлений. Применительно к языку существенна не столько пространственно-временна́я локализация, сколько выявляемые при этом критерии. На основе хронологической и территориальной дифференциации изоглосс можно установить либо коррелирующие элементы единой системы, либо соотносительные элементы различных систем, сменяющих друг друга во времени или образующих определенную иерархию лингвистических форм в языковом континууме (переплетение явлений диатопного плана при взаимодействии сопредельных диалектов и явлений диастратного плана при «конкуренции» разнопрестижных образцов речевого поведения).

Хорошо известны трудности, которые как следствие подобных переплетений возникают в ходе интерпретации лингвистических карт и в целях сугубо диалектологических (установление диалектных границ), и в общеязыковом аспекте (привлечение лингвогеографических данных в исследованиях историко-лингвистического характера). Историческая диалектология романских языков все еще остается малоразработанной областью, несмотря на постоянный интерес к самой проблематике. Это может быть объяснено и некоторым разрывом между методикой изучения современных диалектов, опирающейся на данные лингвистических атласов, которые в идеальном случае должны отражать живую речь носителей языка, и методами исторической диалектологии, рассматривающей расхождения в языке памятников различных областей чаще всего на примере отдельных явлений. Перераспределение и смешение диалектных признаков только в незначительной мере поддается наблюдению в результате филологического анализа языка памятников, который чаще всего ориентирован на норму литературного языка.

Подготовленный А. Деесом при участии П. Т. ван Реенана и И. А. де Фриза «Атлас форм и конструкций французских хартий XIII в.» является удачным примером приложения лингвогеографических методов к изучению исторических диалектов Франции в момент их вытеснения из официальной сферы общения в обиходную разговорную речь. Впервые осуществлен последовательный анализ обширного свода исторических документов рассматриваемого периода. Всего обследовано 3300 хартий, содержащих около миллиона форм, территориальное распределение которых показано на 298 картосхемах (с. 1—298; №№ 1—282 с дополнительными индексами), отражающих относительную встречаемость явлений фонетического, морфологического и синтаксического уровней, выделенных с учетом сочетаемости форм (из расчета к общему числу хартий). Карты сопровождаются таблицами абсолютной встречаемости отмеченных явлений по каждой диалектной зоне (указано число хартий и средний процент соответствующих форм, локализованных в пределах одной территории). Вся работа, окончательный проект которой сложился к 1973 г. [1], выполнена в сравнительно короткий срок, благодаря разумному использованию возможностей современной вычислительной техники.

Атлас открывает краткое предисловие, в котором резюмированы принципы исследования (с. VII—XIV). В приложении к картам дан алфавитный указатель использованных хартий (с. 299—306), указана их локализация в пределах выделенных опорных зон (происхождение документов) и номера карт, на которых констатировано наличие явлений по этим зонам (с. 307—312), а также приведены в порядке номеров карт список картографированных явлений (с. 313—321) и инвентарь всех выявленных слов о употреблений, на основе которых составлены соответствующие карты (с. 323—369). В книгу включены также две картосхемы, на одной из которых иллюстрируются возможности локализации литературного текста с учетом данных атласа («Jeu de Saint Nicolas»), а на другой показан характер соответствий в языке хартий Арраса и хартий других диалектных областей — в процентном соотношении изоглосс (с. 370—371).

На картосхемах в качестве опорной сети нанесены границы 28 диалектных зон в пределах северной Франции и Бельгии. В качестве недостатка картографической подачи материала, хотя и легко устранимого, можно назвать отсутствие вспомогательных карт, что облегчило бы привязку явлений к историческим и современным политико-административным областям и диалектным зонам [2]. Относительно

---

[1] Идея атласа сформировалась в ходе работы А. Дееса над диссертацией, посвященной указательным местоимениям в старофранцузском и среднефранцузском языке [1].

[2] Современные департаменты Франции распределяются по выделенным опорным зонам следующим образом (нумерация приведена в соответствии с указателем хартий по их происхождению): 1) Шаранта, Нижняя Шаранта; 2) Вандея, Де-Севр; 3) Вьенна; 4) Эндр, Шер; 5) Эр и Луар, Луар и Шер, Луаре; 6) Эндр и Луара; 7) Мен и Луара; 8) Майен, Сарта; 9) Кот-дю-нор, Иль и Вилен, Морбиан, Нижняя Луара; 10) Манш, Кальвадос, Орн, Эр, Нижняя Сена; 11) Па-де-Кале, Сома; 12) Уаза; 13) Эна; 14) Нор; 15) пров. Эно (Бельгия); 16) Валлония (Бельгия); 17) Арденны; 18) Марна; 19) Сена и Уаза, Сена и Марна, Сена; 20) Йонна; 21) Об; 22) Верхняя Марна; 23) Мез; 24) Мозель, Мерт и Мозель; 25) Юра; 26) Верхняя Сона; 27) Кот д'Ор, Сона и Луара; 28) Ньевр, Алье.

компактно представлены такие области, как Бретань (ср. опорную зону 9), Нормандия (ср. 10), Франш-Конте (ср. 26), Бургундия (ср. 27).

По каждой зоне методом качественного фона (штриховка различной интенсивности и направленности) показано распределение различий в текстах хартий на примере следующих явлений: ударные и безударные личные местоимения (*je*, *moi*, *il*, *le*, *lui*, *nous*, *leur*, *eux*, *elle*, *la*) [3]; указательное местоимение *ce*; определенные артикли мужского и женского рода в позициях субъекта и объекта в формах ед. и мн. ч.; стяженные формы предлога и артикля (*de* + *le*, *de* + *les*, *à* + *le*, *à* + + *les*, *en* + *le*, *en* + *les*); местоименные прилагательные и указательные местоимения в прямом и косвенном падежах (*cest*, *cell*, *cestui*, *celui*, *cis*, *cils*, *ce*, *ceux*, *celes*, *ces*); притяжательные местоимения 1-го и 3-го л. ед. и мн. ч. при субъекте и объекте (*mon*, *son*, *mes*, *ses*, *me*, *se*, *ma*, *sa*, *nostre*, *nos*, *leur*); местоименные прилагательные и местоимения *tout*, *quel*, *tel*; формы числительных от «двух» до «десяти», а также «двенадцать», «двадцать», «шестьдесят» и «сто»; варианты написания прилагательных (*autre*, *bon*, *dit*, *present*) и существительных (*abbé*, *an*, *aumône*, *blé*, *bois*, *cens*, *chevalier*, *chose*, *cour*, *coutume*, *couvent*, *croix*, *denier*, *dieu*, *droit*, *femme*, *fête*, *fils*, *foi*, *frère*, *grâce*, *hoir*, *homme*, *jour*, *justice*, *lettre*, *lieu*, *main*, *maison*, *manière*, *maître*, *mois*, *raison*, *roi*, *sceau*, *seigneur*, *serment*, *successeur*, *temps*, *terre*, *ville*, *volonté*); субстантивирующие суф. *-age* и *-ment*; падежные окончания существительных ед. и мн. ч.; формы инфинитива, презенса индикатива и субжонктива, имперфекта, перфекта, будущего времени и причастные формы глаголов [4] *avoir*, *devoir*, *faire*, *octroyer*, *pouvoir*, *savoir*, *être*, *ouïr*, *tenir*, *venir*, *voir*, *garder*, *gagner*, *prendre*, *rendre*, *dire*, *faire*.

Всего местоимениям и местоименным прилагательным посвящена 81 карта, артиклю — 29, числительным — 20, прилагательным — 6, существительным — 81, морфологии существительного — 5 и глагольным формам — 62 карты.

На 14 картах рассматриваются синтаксические особенности текстов: отсутствие подлежащего в главном и придаточном предложениях при прямом и косвенном дополнениях, место дополнения относительно финитной формы глагола и причастия, инверсии подлежащего, представленного существительным или местоимением, в главном и придаточном предложениях после прямого и косвенного дополнений.

Учитывая значительное варьирование и многообразие форм, авторы выбрали наиболее рациональный способ их представления, удовлетворяющий вместе с тем условиям машинной обработки информации и автоматического картографирования полученных результатов. Этот способ, названный ими «дихотомизацией» (с. XI), заключается в том, что на каждой карте показано не более одного различия. Например, для местоимения *je* последовательно приведены процентные соотношения чередований *g-/i-*, *j-* (№ 1), *-o*, *-ou*, *-u/-e*, *-ei* (№ 2) и встречаемости форм *iou*, *jou/io*, *jo* (№ 3), *iu*, *ju/io*, *iou*, *jo*, *jou* (№ 4), *gie*, *giei/ge*, *je*, *gei*, *jei* (№ 5), для местоимения *le* соответственно приводится процент форм типа *lo*, *lou* относительно *le* (№ 9) и процентное соотношение *lou* и *lo* (№ 10). Подобное противопоставление ряда форм по одному из признаков и дальнейшее их членение на более дробные группы позволяет избежать обычной при лингвистическом картографировании неопределенности в характеристике явлений, для преодоления которой, как правило, необходимо заново систематизировать данные карт. В данном случае достаточно сопоставить карты, посвященные одной теме, чтобы воссоздать общую картину географического распределения соответствующих форм. Однако при этом сохраняется и представление о том, какие различия проявляются в качестве противопоставленных в границах наблюдаемых ареалов.

Последовательно проведенный прием «дихотомизации», принятый в основном по «техническим причинам», приобретает таким образом значение принципиально нового метода картографирования территориальных языковых различий, по крайней мере в традициях лингвистической географии романских языков [5]. Тем самым упрощаются и возможности интерпретации данных атласа. Так, в случае личного местоимения *je* наиболее общим оказывается расхождение форм на *g-* и на *i-(j)-*: последние специфичнее для северных и северо-западных областей. В зоне *g-*, в свою очередь, выделяется западная часть, для которой характерны формы типа *giei*, *gie*, и восточная, где преобладают *ge*, *gei*. Аналогичным образом распределение множества других форм, сгруппированных по разным основаниям, легко прослеживается на нескольких картах.

Естественно, не во всех случаях соответствующая информация могла быть получена на основе использованных текстов (отсутствие сведений помечено на картосхемах знаком вопроса). Отчасти это объясняется излишне строгим ограничением источников исследования границами XIII в., скорее по формальным критериям, чем из соображений лингвистического порядка. Как отмечает и А. Деес, «несколько избыточный догматизм, о чем мы сейчас сожалеем, заставил нас отказаться для Бурбонской области от целой серии хартий, датируемых 1301 г., которые могли бы исключить для этой области многочисленные знаки вопроса» (с. VIII). Можно выразить на-

[3] Здесь и далее формы приведены согласно теме карт.

[4] Эти формы отражены с различной полнотой для разных глаголов.

[5] В отечественной лингвогеографии выявление противопоставленных диалектных различий является одним из принципов, заложенных в программу подготовленной под руководством Р. И. Аванесова серии атласов русских народных говоров по областям Европейской части РСФСР [2].

еджду, что опубликованный атлас будет дополнен последующими изданиями, расширяющими хронологические рамки обследования старофранцузских текстов, что само по себе устранит имеющиеся лакуны в материале.

Автор намеренно отказался от какого-либо комментирования карт и, в частности, от составления сводного указателя изоглосс (index comparatif des cartes). Как указатель наблюдаемых на картах явлений, так и соответствующий историко-лингвистический комментарий материалов атласа, конечно, необходимы, но это дальнейший этап исследования, что и предполагает осуществленная публикация, предоставляющая в распоряжение лингвистов исходные данные. Предварительно можно отметить, что атлас в целом подтверждает сложившиеся представления о членении старофранцузского на две диалектные группы — западную, в области которой особенно выражен нормандский диалект, и восточную с различным перераспределением изоглосс между валлонским, лотарингским, бургундским и другими диалектами. Менее контрастны различия между северными и южными областями langue d'oïl. Пересечение изоглосс западного и восточного типа достаточно интенсивно, при этом область Иль-де-Франса почти не обособляется.

Рецензируемое издание можно считать первым историко-лингвистическим атласом, хотя и традиционные «диалектологические» атласы дают достаточный материал для экскурсов в историю языка. Сопоставление данных многочисленных атласов современных диалектных областей французского языка и атласа А. Дееса открывает новые перспективы как для истории языка, так и для дальнейшего развития приемов и методов ареальной лингвистики, для которой изучение территориального варьирования изоглосс не может быть самоцелью, но должно быть использовано в качестве одной из возможностей проникновения в механизм языковых изменений и перестройки системных отношений в языке, т. е., в конечном счете, для изучения его истории.

«Атлас форм и конструкций французских хартий XIII в.» это не только приложение картографических приемов к текстологическому анализу. Его авторы сумели преодолеть ту «атомарность» лингвистических карт, которая в романской лингвогеографии была возведена в принцип последователями Жильерона, акцентировавшими в качестве основной задачи «изучение истории отдельных слов». Одновременно в ходе работы над атласом была разработана программа автоматической обработки лингвистической информации (к сожалению, почти не эксплицированная в предисловии), что, возможно, стимулирует использование вычислительной техники и для составления и систематизации данных лингвистических атласов диалектологического типа. Трудности здесь связаны прежде всего с необходимостью унификации принятых составителями транскрипционных обозначений и созданием однородного свода информации по существующим лингвогеографическим источникам. Учитывая наличие детальных индексов встречающихся на картах форм (например, индексы «Атласа французского языка» Ж. Жильерона и Э. Эдмона, «Лингвоэтнографического атласа Италии и южной Швейцарии» К. Яберга и Я. Юда, в которых использована орфографическая запись диалектных форм), эта задача не представляется непреодолимой [3].

Среди исследований, посвященных анализу особенностей текстов, рассматриваемое издание является уникальным по своей методике и полноте охвата материала. В лингвистической географии атлас А. Дееса может сыграть такую же роль, которую сыграл в свое время атлас Ж. Жильерона, открывавший, наряду с первыми опытами Г. Венкера в области немецкой диалектологии, новое направление исследований в языкознании.

Сухачев Н. Л.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dees A.* Étude sur l'évolution des demonstratifs en ancien et en moyen français. Groningue, 1971.
2. Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи, сравнительные материалы и комментарии к картам. Под ред. Аванесова Р. И., М., 1957, с. 14—26.
3. *Кузнецов Е. Л.* Применение ЭВМ в лингвистической географии. Разработка алгоритмов и программ для обработки лингвистических карт: Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1981.

З. Н. Стрекалова. Морфология глагольного вида в современном польском литературном языке. — М.: Наука, 1979. 264 с.

Серия работ по славянской аспектологии пополнилась еще одним фундаментальным исследованием. З. Н. Стрекаловой предпринято синхронное описание основных звеньев морфологической системы современного польского глагольного вида: видовых пар приставочных и бесприставочных глаголов, образованных способом имперфективации, а также приставочных способов глагольного действия. Структура работы определяется стремлением автора дать не только формальное, но и содержательное описание указанных звеньев с учетом грамматических, деривационных и семантических связей между членами видовых пар. В процессе изучения морфологии глагольного вида З. Н. Стрекалова выявляет взаимосвязь грамматического и лексического начал в категории вида.

Во введении дается обзор работ о глагольном виде, представленных в совре-

менной полонистике. Далее З. Н. Стрекалова останавливается на некоторых актуальных вопросах славянской аспектологии, еще не нашедших в современной науке однозначного решения. Определяя глагольный вид как категорию, автор присоединяется к тем исследователям, которые основным признаком вида считают целостность действия (Э. Черный, А. Достал, Ю. С. Маслов и др.). Вид рассматривается в книге как грамматическая категория, «которая является отчасти словоизменительной, отчасти классификационной и находится на границе между словоизменением и словообразованием» (с. 17). Однако вряд ли можно считать удачным предлагаемое далее З. Н. Стрекаловой определение вида как «основоизменительной категории» (с. 18). Вслед за А. В. Бондарко, выделившим на материале русского языка различные типы видовых противопоставлений, автор отмечает, что в глагольном видообразовании имеется формализованное звено. Оно включает регулярно образующиеся корреляции, в которых соотносительные формы глаголов можно рассматривать как грамматические формы одного слова (с. 19). Противоположным звеном системы глагольного вида (автор называет его словообразовательным) являются те видовые противопоставления, в которых соотносительные глаголы различаются по своему лексическому значению (*сидеть — посидеть* и т. п.), не составляя, таким образом, видовой пары.

З. Н. Стрекалова обращает внимание на структурно-грамматическую роль морфем, посредством которых выражается видовое противопоставление. Она полагает, что суффиксы имперфективации приставочных глаголов являются «чистыми» морфемами вида, тогда как в других случаях (*махать — махнуть*, *делать — сдѣлать*) морфемы полифункциональны. Приставки не могут быть признаны морфемами вида, так как не существует грамматической регулярности образования видовых форм посредством присоединения приставки (с. 20).

Переходя к вопросу о способах действия, З. Н. Стрекалова отмечает, что все они (в том числе и те, которые связаны с обозначением кратности действия) иерархически подчинены видовому противопоставлению. Далее автор рецензируемой монографии высказывает мнение о том, что в польском языке нет единой категории итеративности, многократности, которая охватывала бы значительную часть глагольной лексики. Это значение чаще всего передается формами несовершенного вида.

Основную задачу своей работы З. Н. Стрекалова видит в том, чтобы дать описание формальных средств, участвующих в образовании видовых пар польского глагола, а также семантических и лексических особенностей этих пар. Это описание начинается с характеристики видовых пар приставочных глаголов, образованных посредством суффиксации.

Большое внимание уделяется в работе лексической соотносительности видовых пар приставочных глаголов. З. Н. Стрекалова справедливо отмечает, что вопрос об этой соотносительности не сводится к установлению общего, «базового» лексического значения. В то же время она полагает, что осложнение видовой соотносительности конкретной видовой пары дополнительными лексическими элементами не нарушает видовой парности и не препятствует функционированию видовых форм как парно-соотносительных, называя это явление «лексически осложненной видовой соотносительностью» и рассматривая дополнительные элементы как «семантическую надбавку» (с. 76).

Приведенный в книге З. Н. Стрекаловой материал существенно пополняет наши представления о том, насколько распространена полная и частичная лексическая соотносительность в приставочных видовых парах современного польского глагола. Автор приходит к выводу о том, что полная лексическая соотносительность характерна для подавляющего большинства таких пар. Несоотносительные значения у перфективных членов видовых пар могут возникать в связи с тем, что только этим членам свойственны значения ряда способов действия: ограничительного (*pomówić* «поговорить»), начинательного (*popędzić* «помчаться»), суммарного (*narżnąć* «нарезать», «наколоть») и др. Возникновение обособленного значения у имперфективов связано главным образом с метафоризацией прямого значения глагола и закреплением переносного значения за этим членом видовой пары (*obracać się* «вращаться в каких-либо кругах», *wykładać* «читать лекции» и т. п.).

З. Н. Стрекалова дает описание вариативности видовых форм приставочных глаголов, до сих пор не освещенной на материале польского языка. Отмечая, что категория вариантности отражает существование в языке элементов старого и нового качества, она прослеживает в современном польском языке тенденцию к упорядочению системы видовых пар и устранению вариантности. В то же время в работе констатируется наличие неполных вариантов, т. е. форм, имеющих разные семантические оттенки (*rozbryznąć* и *rozbryzgać*). Остается при этом неясным, трактует ли автор такие варианты как формы одного слова или признает их словообразовательный статус.

Вопрос о том, являются ли члены видовой корреляции формами слова или самостоятельными лексемами, до сих пор остается в аспектологии дискуссионным. Позиция З. Н. Стрекаловой по отношению к нему кажется в какой-то мере противоречивой. Имперфективация приставочных глаголов представлена ею как чисто грамматический процесс, в результате которого образуются формы глагольного слова. Однако провозгласив вторичные имперфективы грамматическими формами, автор практически рассматривает их как отдельные слова, верно отмечая, что вторичный имперфектив может иметь собственные лексические значения и фразеологические связи. Образование вторичных имперфективов имплицитно трактуется ею как словообразовательный процесс: исходный глагол совершенного вида называется «мотивирующим

(с. 76). Далее автор приводит интересные факты, которые, в сущности, являются примерами обратного словообразования: «подбор» перфективного глагола к имперфективу (русск. *наблюсти* к *наблюдать*, польск. *podlec* «подчиниться» к *podlegać*) (с. 77). Вариантность в составе ряда корреляций приставочных глаголов, существенно нарушающая их регулярность, на наш взгляд, также выглядит явлением словообразовательного характера.

Анализируя во второй главе монографии *видовые корреляции* бесприставочных глаголов, З. Н. Стрекалова подчеркивает качественно иной характер этих оппозиций. Они состоят из парно-соотносительных глагольных лексем, являющихся равноправными членами противопоставления и находящихся в отношении взаимной мотивации (взаимной производности). В книге констатируется, что в сфере бесприставочных глаголов суффиксы имперфективации выступают как словообразовательные морфемы, оформляя глагольную лексему, противопоставленную по виду исходному глаголу. Следует, однако, напомнить, что бесприставочные глаголы в основном обслуживаются теми же суффиксами имперфективации, что и приставочные. Таким образом, для некоторых суффиксов имперфективации (*-a-*, *-wa-*, *-owa-*) З. Н. Стрекалова предполагает возможность выполнения и словоизменительной, и словообразовательной функции. Такой подход приводит, на наш взгляд, к чрезмерно расширительному пониманию полифункциональности глагольных суффиксов.

Бесспорной заслугой автора рецензируемой монографии является тонкий семантический анализ соотношения видовых значений и значения способа действия в корреляциях бесприставочных глаголов. Так, например, корреляции типа *ną-*: *-a-* могут выражать наряду с видовыми значениями и «акционсартные» значения одноактности и многоактности (*bryknąć* — *brykać*, *łyknąć* — *łykać*, *puknąć* — *pukać* и т. п.). При этом значение одноактности выражается независимо от контекста, в то время как значение многоактности реализуется в зависимости от контекстных условий. Интересны высказываемые автором соображения относительно семантического признака, по которому многоактное действие отличается от многократного: если многоактное действие может быть конкретным наблюдаемым действием, то многократное действие «никогда не является конкретным и наблюдаемым..., всегда выходит за рамки конкретного настоящего момента и не может быть ограничено этими рамками» (с. 140).

На основании проведенного лексико-семантического анализа З. Н. Стрекалова приходит к выводу о том, что характер видового противопоставления бесприставочных глаголов неоднороден: большая часть корреляций этих глаголов является «приблизительными» видовыми парами, так как на их видовую семантику наслаивается еще значение способа действия (с. 142). Такие видовые пары менее абстрагированы от лексических значений глаголов, чем видовые формы приставочных глаголов. Поэтому пары бесприставочных глаголов представляют собой звено низшего уровня видовой абстракции (с. 179).

Вопрос о связи способов действия и видовой соотносительности рассматривается в рецензируемой монографии как часть более общей проблемы связи лексического и грамматического начал в системе вида польского глагола. З. Н. Стрекалова верно отмечает, что граница между видовой соотносительностью и несоотносительностью проходит через сферу тех способов действия, в пределах которых есть глаголы, имеющие парно-соотносительные основы, противопоставленные по виду. Интересны наблюдения автора рецензируемой монографии над различным состоянием видовой соотносительности в пределах ряда способов действия в русском и польском языках. Так, в польском языке аугментативное значение (увеличительное или усилительное) не является препятствием для выражения дальнейшего развертывания действия и многие глаголы с этим значением образуют вторичный имперфектив (*rozgadać się* — *rozgadywać się*, *rozmarzyć się* — *rozmarzać się* и др.). В русском языке семантика аугментативного способа действия более тесно связана с перфективным видовым значением. Равным образом, польские начинательные и пердуративные глаголы образуют видовые пары, хотя и реже, чем аугментативы (*zachcieć się* — *zachciewać się*, *przebyć* — *przebywać* и др.), тогда как в русском языке число таких пар очень ограниченно (*запеть* — *запевать*, *просидеть* — *просиживать* и некот. др.). В то же время и в польском языке в пределах рассматриваемых в монографии способов действия выделяются несоотносительные по виду глаголы перфектива тантум (*pobiec*, *namordować się* и др.). Таким образом, материал, исследованный З. Н. Стрекаловой, показывает, что граница между видовой соотносительностью и несоотносительностью в пределах большинства способов действия проходит на лексическом уровне.

Книга З. Н. Стрекаловой впервые дает в руки аспектолога-слависта столь детальное описание морфологического ядра польского глагольного вида, сделанное на обширном материале словарей и художественной литературы. Этот материал подвергнут в книге тщательному системному анализу, который дал возможность автору сделать вывод о специфике категории польского глагольного вида как грамматической категории переходного характера. Ощутимый вклад, который рецензируемая монография вносит в славянскую аспектологию, определяется еще и тем обстоятельством, что вид в славянских языках ведет свое происхождение от эпохи общеславянского единства и после распада этого единства развитие его в отдельных языках шло во многом сходными путями. Это делает работу интересной не только для полонистов, но и для широкого круга славистов.

Силина В. Б.

№ 3 1982

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

14—16 апреля 1981 г. в ЛО ИЯ АН СССР проходила Всесоюзная конференция «Типологические методы в синтаксисе разносистемных языков. Семантика и синтаксис конструкций с предикатными актантами», которая была организована группой типологического изучения языков сектора теории грамматики. Задача конференции состояла в обсуждении проблем семантики, грамматики и типологии конструкций с предикатными актантами (КПА), широко представленными в языках мира. Конференции предшествовала значительная исследовательская и организационная работа. Группа типологического изучения языков с конца 70-х годов изучала двуглагольные конструкции в языках различных типов. На основе этой работы была составлена анкета для описания КПА в разноструктурных языках, которая была заранее разослана участникам конференции. Актуальность темы, предложенной организаторами конференции, подтвердилась тем, что на вопросы анкеты были получены ответы со стороны многочисленных специалистов. В работе конференции приняли участие свыше 100 ученых из Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Вильнюса, Киева, Владивостока, Калинина, Ташкента, Еревана и др.

Материалы присланных тезисов были обобщены в шести обзорных докладах, обсуждению каждого из которых было посвящено отдельное заседание.

В обзорном докладе В. Б. Касевича и В. С. Храковского (Ленинград) «Общие вопросы семантики КПА» было уточнено понятие предиката, все чаще используемое в лингвистических исследованиях. Предикат является семантической единицей, разновидностью функторов, которые определяются через свое свойство открывать места для любых других семантических единиц. Предикат является центром пропозиции; глаголы, имеющие предикатное значение, не открывают мест для других функторов, т. е. не могут быть главными глаголами (сказуемым) КПА. Общая классификация главных глаголов, образующих КПА, строится как иерархия подклассов непредикатных функторов. Авторы выделяют коннекторы (*Защите предшествовало обсуждение*), квалификаторы (***Верно***, *что Р*), квазипредикаты (***Началось*** *Р*), метапредикаты (*хотеть*, *желать*, *мочь*), супрапредикаты (*говорить*, *думать*, *знать*, *помнить*, *видеть*, *любить*).

Классификация, предложенная в обзорном докладе, была дополнительно обоснована в докладе В. В. Богданова (Ленинград), рассмотревшего семантические валентности главных глаголов КПА. И. П. Сусов (Калинин) проанализировал возможности ролевой характеристики предикатных актантов при разных подходах к понятию предиката — как элемента субъектно-предикатной структуры или как отношения, связывающего аргументы. И. Б. Долинина (Ленинград) рассмотрела особенности семантики включающих (главных) предикатов и пришла к выводу о том, что включающие предикаты отражают вторичную ситуацию, представляющую собой с некоторой очень общей точки зрения оценку пропозиции говорящим. Дедуктивной основе классификации главных глаголов, образующих КПА, был посвящен доклад В. Г. Гака (Москва), который выделил ряд отношений, отражаемых в семантике КПА: 1) отношение говорящего к диктуму; 2) отношение между говорящим и субъектом диктума; 3) отношение говорящего к ситуации речи и др.

Различные трактовки понятия предиката вызвали оживленное обсуждение. По этому вопросу высказались Б. А. Абрамов (Москва), Т. А. Бунтина (Донецк), И. Ф. Вардуль (Москва), А. В. Михеев (Москва), В. И. Сергеева (Калинин).

В. П. Недялков (Ленинград) в обзорном докладе «О типологии конструкций с предикатным актантом» рассмотрел следующие задачи типологического анализа КПА: 1) построение общеязыковой классификации КПА, 2) семантико-синтаксические типы глаголов, образующих КПА, 3) семантическое варьирование главных глаголов в языках различных типов. Общелингвистическая классификация КПА основана на референтном соотношении первых двух семантических актантов главного и зависимого глаголов. Главные глаголы КПА делятся на: 1) конструктивно-необусловленные, т. е. предполагающие своим значением предикатный актант независимо от его реального присутствия в предложении, и 2) конструктивно-обусловленные, или выступающие с предикатным актантом только в определенном синтаксическом контексте, окказионально. Были приведены некоторые «необычные» главные глаголы зулу, финского, эскимосского, нивхского, чукотского, нидерландского языков, соответствующие наречиям русского и большинства других и.-е. языков. Вопросу

о границе «зоны смыслов», выражаемых сказуемым КПА, было посвящено сообщение А. К. Поливановой-Охотиной (Москва). В ряде докладов было рассмотрено оформление подчиненного предиката. Н. Б. Вахтин (Ленинград) остановился на особенностях эскимосского деепричастия, выражающего подчиненный предикат; аналогичный материал был приведен Г. А. Отаиной (Владивосток) на материале нивхского языка. КПА в бурятском языке были проанализированы в докладе Е. К. Скрибник (Новосибирск). А. Е. Кибрик (Москва) рассмотрел КПА в дагестанских языках. Л. М. Ковалева (Иркутск) разграничила синтаксически первичные и вторичные КПА, связав способ первичного оформления предикатного актанта с семантикой главного глагола КПА. М. М. Сахокия (Тбилиси) в своем выступлении проследила развитие КПА в истории персидского языка.

В обзорном докладе С. Е. Яхонтова (Ленинград) «Связь между семантикой предикатно-актантного глагола и оформлением его актанта в языках различных типов» анализируется материал флективных, агглютинативных и изолирующих языков. В большинстве рассмотренных языков выделяются три основные группы глаголов, отличающиеся своеобразием оформления предикатного актанта: 1) модусные, 2) каузативные, 3) модальные и фазовые глаголы. Различные способы оформления предикатного актанта были представлены в докладах и сообщениях по следующим языкам: армянскому — Т. М. Аветисян (Ереван), белорусскому — Л. А. Антонюк и А. Е. Михневич (Минск), грузинскому — Л. А. Енукидзе (Тбилиси), Р. А. Асатиани (Тбилиси), древнекитайскому — Т. Н. Никитина (Ленинград), индонезийскому — Агус Салим (Ленинград), индоарийским — Б. А. Захарьин (Москва), кетскому — Г. Т. Живова (Таганрог), Н. М. Гришина (Томск), норвежскому — В. П. Берков (Ленинград), японскому — И. Ф. Вардуль (Москва), В. М. Алпатов (Москва).

В обзорном докладе А. К. Оглоблина (Ленинград) «Некоторые грамматические аспекты конструкций с предикатным актантом» были рассмотрены функционирование категорий времени и наклонения в КПА, сфера действия отрицания, синтаксические связи, порядок слов, деривация КПА, эллипсис. Различия в грамматическом оформлении предикатного актанта (нексусном и юнкционном) были проанализированы в докладе Е. В. Падучевой (Москва). И. М. Кобозева (Москва) посвятила свой доклад подробному изучению функционирования отрицания в КПА в русском языке. И. М. Богуславский (Москва) привлек к исследованию русские конструкции с отрицанием при предикатном актанте, зависящем от частицы *даже*. В выступлении Л. И. Кисляковой (Калинин) были рассмотрены КПА с отрицанием на материале немецкого языка. Проблемы эллипсиса главного глагола в русских КПА обсуждались в докладах В. И. Гаврилова (Москва) и Е. Н. Ширяева (Москва). С. Н. Цейтлин (Ленинград) рассмотрела случаи эллипсиса актантов в модальных конструкциях. А. В. Михеев обратил внимание на эллипсис зависимого глагола в английских КПА. Синтаксические особенности русских конструкций с инфинитивом были рассмотрены М. Б. Бергельсон (Москва); представлению синтаксической структуры КПА было посвящено выступление В. М. Григоряна (Ереван). Грамматические особенности КПА во вьетнамском языке были охарактеризованы в выступлении И. С. Быстрова (Ленинград) и Н. В. Станкевич (Ханой), в языке хауса — М. А. Смирновой (Ленинград).

В обзорном докладе Л. А. Бирюлина «Конструкции с фазовыми, модальными и каузативными глаголами» концентрируется внимание на конкретных вопросах описания семантики и синтаксиса указанных в названии доклада глаголов. Анализу конструкций с фазовыми глаголами был посвящен доклад Э. Ш. Генюшене (Вильнюс) на материале литовского языка и сообщения С. П. Тиуновой (Кемерово) и Ю. А. Левицкого (Пермь). Е. Е. Корди (Ленинград) рассмотрела семантические связи между модальными и каузативными глаголами на материале французского языка. Г. Г. Сильницкий (Смоленск) обратил внимание на существующую в ряде языков связь между семантикой главного глагола КПА и возможностью или невозможностью его субстантивации. Синтаксические особенности английских КПА с фазовыми и модальными глаголами были затронуты в выступлении А. Г. Алейникова (Баку). Каузативные КПА в немецком языке были охарактеризованы в сообщениях Л. М. Ивановой (Стаханов) и В. К. Гречко (Ленинград). Немецким фактитивным глаголам речи было посвящено выступление А. И. Фефилова (Ижевск).

В обзорном докладе Н. А. Козинцевой (Ленинград) «Конструкции с глаголами речи, мысли, чувственного восприятия, эмоционального отношения и оценки» сводятся воедино данные тезисов относительно синтаксиса и семантики КПА с модусными глаголами. В докладах З. М. Шаляпиной (Москва) и И. Ш. Козинского (Москва) было уделено специальное внимание проблеме кореферентности актантов в КПА. Подробный анализ узбекских модусных глаголов был дан в докладе Д. М. Насилова (Ленинград). М. И. Откупщикова (Ленинград) рассмотрела КПА, образуемые русскими глаголами со значением «сравнивать». Л. А. Месеняшина (Москва) провела сопоставление русских КПА, образуемых глаголами чувственного восприятия и мысли; А. А. Романов (Калинин) остановился на семантической структуре перформативных глаголов на материале русского языка. Материал немецких КПА был рассмотрен в выступлениях Л. В. Солодушниковой (Чита) и Н. А. Тороповой (Калинин).

В заключительном слове В. С. Ходовский подвел предварительные итоги конференции, отметив высокий научный уровень заслушанных докладов и сообщений.

Козинцева Н. А. (Ленинград)

23—25 ноября 1981 г. в Варшаве проходило пятое заседание Комиссии по лексикологии и лексикографии Международного Комитета славистов. Комиссия, учрежденная VI съездом славистов в Праге, ставит своей целью координацию работ по теоретическим проблемам лексикологии и лексикографии. Эти вопросы, а также информация о крупнейших лексикографических мероприятиях в каждой славянской стране являлись постоянно предметом внимания предыдущих заседаний Комиссии: первого в 1973 г. в Смоленицах (ЧССР), второго в 1976 г. в Варне (НРБ), третьего в 1977 г. в Лейпциге (ГДР), четвертого в 1979 г. в Либлице (ЧССР).

Пятое заседание в Варшаве проходило в рамках конференции, организованной Комитетом языкознания и Институтом польского языка ПАН, по проблеме «Применение семантических теорий в лексикографии и определение терминологических понятий».

Центральный круг проблем данного заседания был связан с применением семантической теории в лексикографии, семантической типологией, с поисками рациональных возможностей описания слова как лексикологической и как лексикографической единицы, с метаязыком словаря.

В докладе О. Н. Трубачева (СССР) «О семантической теории в этимологическом словаре (проблема омонимов подлинных и ложных и семантическая типология)» особое внимание уделяется семантической типологии: «Затянувшаяся недооценка автономности такого уровня языка, как семантика, сначала со стороны структуралистов с их изоморфизмом, потом — генеративистов с их универсальными трансформациями вознаграждает нас сегодня острым интересом языкознания к синонимам. Семантическая типология строится в основном на изучении синонимии и все шире применяется в этимологических исследованиях и словарях, в частности, в изучении омонимов (ср. их комплементарные характеристики: синонимы — общее значение минус форма, омонимы — общая форма минус значение)». На анализе нового материала (тюрк. *балык* I, II «город», «рыба», слав. *latati* I, II «летать», «хватать», омонимических пар из этимологического словаря славянских языков) с применением семантической типологии О. Н. Трубачев показывает омонимию не только «как давно разошедшуюся полисемию», но и как категорию этнолингвистики (от синонимии и омонимии разнодиалектной к междиалектной и внутриязыковой), которая может дать новую информацию, важную для нашей науки и культуры.

Наряду с работами по теории лексикографии (Ж. Рей-Дебов, У. Вайнрайх), многие докладчики на Комиссии учитывали опыт советской практической лексикографии: опыт дискуссии 50-х годов по омонимии, опыт совещания по толковым словарям в Риге, в частности, в связи с проблемой значения слова, типа дефиниций.

Доклад И. Филипца (ЧССР) «Лексическое значение, его описание, объяснение, их отношение к области употребления лексических единиц» затрагивает как формальное изучение употребления данной единицы (грамматическую, контекстуальную характеристику слова, семантические компоненты значения и более дробные, чем семы, единицы «subsemické povahy»), так и отражение всех этих компонентов в лексикографическом описании. Метаязыковая потребность, существующая у человека с детства («co je to?»), удерживает наши словарные дефиниции от энциклопедизма, хотя в исторических словарях компромиссное объединение лингвистических и энциклопедических описаний должно присутствовать.

Ряд докладов был посвящен способам лексикографической подачи и дефинирования тех или иных единиц языка: И. Немца (ЧССР) «Дефиниция семантической единицы как компонента схемы» (о вычленении интернациональной, универсальной семы в глубинной структуре общеславянских слов наподобие чеш. *bratr* и национальной «поверхностной структуры»), К. Ничевой (НРБ) «Фразеологизированные конструкции (фразеосхемы) и их лексикографическая обработка», Р. Эккерта (ГДР) «Теория сочетаемости лексем и лексикография».

На конференции обсуждались и вопросы лексикографических жанров словарей. Доклад Ш. Пециара (ЧССР), председателя Комиссии, «Типы историко-лингвистических словарей» касался как вопросов типологии словарей, так и конкретного типа «Словацкого исторического словаря» (том I подготовлен в Братиславе). Тема доклада Г. А. Богатовой (СССР) «Возможности воссоздания семантической истории слова в рамках словарной статьи исторического жанра» продолжает наблюдения автора по истории слова в рамках корневой группы (1978 г., доклад на Загребском съезде славистов) и строится на названиях реалий и способах их освещения в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» в сопоставлении с акцентами словарей иных жанров (этимологического, диалектного).

В условиях нарастания терминотворчества большие задачи стоят и перед теорией термина и лексикографической практикой. Участие лингвистов в исследовании и регулировании современных процессов номинации, в выработке и описа-

нии также нелингвистической терминологии крайне важно. Создание словарей специальных терминов также должно стать предметом постоянного внимания Комиссии по лексикологии и лексикографии.

Обсуждению выдвинутых проблем (семантике термина, науке о терминах, синтаксической структуре многословных терминов) был посвящен ряд докладов и сообщений. В центре внимания находился доклад Л. С. Паламарчука (СССР) «Филологический словарь и терминология», отметившего, в частности, что до 90% словника современного словаря литературного языка могут составлять термины. В последующих заседаниях Комиссия продолжит обсуждение вопросов специальной лексикографии.

На заседании Комиссии было заслушано 13 докладов, 29 участников конференции выступили в прениях, среди них Ш. Ондруш, Н. Савицкий (ЧССР), Х. Шустер-Шевц (ГДР) и др.

Следующее заседание Комиссии намечается провести в 1984 г. в Москве.

Богатова Г. А.

CONTENTS

Towards the 1500-th anniversary of the town of Kiev. Articles: Filin F. P. (Moscow). Concerning the Old Russian word-stock (continued); **Discussions:** Otkupščikov Ju. V. (Leningrad). From the history of Indo-European linguistics (on the publication of V. I. Georgiev's monograph); Bogatova G. A., Derjagin V. Ja., Romanova G. Ja. (Moscow). Slavonic historical lexicography and problems of regional features of the word; **Materials and notes:** Panfilov V. Z. (Moscow), Vaxtin N. B. (Leningrad). The study of Eskimo — Aleut languages in the USSR; Krivonosov A. T. (Moscow). Modal particles as a means of logical-grammatical division of the sentence in German; Murjasov R. Z. (Ufa). Anthroponyms in the derivational system of language; Panfilov V. S. (Leningrad). The category of tense in Vietnamese; Kasevič V. B., Sabel'nikova E. M. (Leningrad). Perceptive limits between Chinese tones and categorial characteristics of speech-sound perception; Zavjalova O. I. (Moscow). Some problems of linguo-geographical study of phonetic phenomena in North Chinese dialects; Balaxonova L. I. (Leningrad). On the status of populal-colloquial and dialectal vocabulary; Dešerieva T. I. (Moscow). On the so-called «absolute» case; **Reviews**; **Scientific life**.

SOMMAIRE

À la veille du 1500- ème anniversaire de la ville de Kiev. Articles: Filin F. P. (Moscou). À propos du lexique du vieux russe (suite et fin); **Discussions:** Otkupščikov Ju. V. (Léningrad). De l'histoire de la linguistique indo-européenne (à l'occasion de la publication de la monographie de V. I. Georgiev);; Bogatova G. A., Derjagin V. Ja., Romanova G. Ja. (Moscou). Lexicographie historique slave et problèmes de caractéristique régionale du mot; **Matériaux et notices:** Panfilov V. Z. (Moscou), Vaxtin N. B. (Léningrad). L'étude des langues esquimau-aléutiennes en URSS; Krivonosov A. T. (Moscou). Particules modales en tant que moyen de division logico-grammaticale de la proposition en allemand; Murjasov R. Z. (Oufa). Anthroponymes dans le système dérivationnel de la langue; Panfilov V. S. (Léningrad). A propos de la catégorie du temps en viétnamien; Kasevič V. B., Šabel'nikova E. M. (Léningrad). Limites perceptives entre tones chinois et caractèré catégoriel de la perception des sons dans le discours; Zavjalova O. I. (Moscou). Problèmes de l'étude linguo-géographique des phénomènes phonétiques dans les dialectes chinois septentrionaux; Balaxonova L. I. (Léningrad). Sur le statut du lexique populaire et dialectal; Dešerieva T. I. (Moscou). Sur le pretendu cas «absolu»; **Comptes rendus**; **Vie scientifique**.

Технический редактор *Т. И. Радина*

Сдано в набор 01.03.82 Подписано к печати 13.05.82 Т-10506 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 12,6 Усл. кр.-отт. 78,5 тыс. Уч.-изд. л. 15,6 Бум. л. 4,5
Тираж 6148 экз. Заказ 1404

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ И ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ ИЗДАНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

БЕ — «Български език»
ВЯ — «Вопросы языкознания»
ВИ — «Вопросы истории»
ВСЯ — «Вопросы славянского языкознания»
ВФ — «Вопросы философии»
ВДИ — «Вестник древней истории»
ИАН СЛЯ — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка»
ИАН ОТН — «Известия АН СССР. Отделение технических наук»
«Р. яз. в шк.» — «Русский язык в школе»
«Ин. яз. в шк.» — «Иностранные языки в школе»
РФВ — «Русский филологический вестник»
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения»
ЗВО РАО — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества»
ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук (Росс. АН), АН СССР»
СбНУ — «Сборник за народни умотворения»
ФН — «Доклады высшей школы. Филологические науки»
ADAW — «Abhandl. der Deutschen (Berliner) Akad. der Wissenschaften», Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
AfslPh — «Archiv für slavische Philologie»
AKGW — «Abhandl. der Köngl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen»
AL — «Acta linguistica»
AO — «Archiv orientalní»
APAW — «Abhandl. der Preussischen Akad. der Wissenschaften», Philosoph.-hist. Klasse
BPTJ — «Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego»
BSLP — «Bullétin de la Société de linguistique de Paris»
BSOS — «Bulletin of the School of Oriental studies»
BCLC — «Bulltin du Cercle linguistique de Copenhague»
BzNf — «Beiträge zur Namenforschung»
CFS — «Cahiers F. de Saussure»
IF — «Indogermanische Forschungen»
IIJ — «Indo-Iranian journal»
IJAL — «International journal of American linguistics»
JA — «Journ. asiatique»
JASA — «Journ. of the Acoustical society of America»
JEGPh — «Journ. of English and Germanic philology»
JФ — «Јужнословенски филолог»
JP — «Język polski»
JRAS — «Journ. of the Royal Asiatic society»
JRSS — «Journ. of the Royal statistical society»
ISFOu — «Journ. de la Société finno-ougrienne»
KZ — «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen»
MSLP — Mémoires de la Société de linguistique de Paris»
MSFOu — «Mémoires de la Société finno-ougrienne»
MSOS — «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin»
NTS — «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap»

PBB — «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur» (Tübingen и Halle)
PMLA — «Publications of the modern language association of America»
RÉG — «Revue des études grecques»
RÉSL — «Revue des études slaves»
RF — «Romanische Forschungen»
RKJL — «Rozprawy Komisji językowej Lodźk. t-wa naukowego»
RKJW — «Rozprawy Komisji językowej Wrocławsk. t-wa naukowego»
RLR — «Revue de linguistique romane»
RO — «Rocznik orientalistyczny»
SaS — «Slovo a slovesnost»
SMS — «Sbornik matice slovenskej pre jazykozpyt, národopis a literárnu historiu»
SDAW — «Sitzungsberichte der Deutschen Akad. der Wissenschaften», Phil.-hist. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
SPAW — «Sitzungsberichte der Preussischen Akad. der Wissenschaften»
Stud. or.— «Studia orientalia»
SWAW — «Sitzungsberichte der Wiener Akad. der Wissenschaften»
TCLC — «Travaux du Cercle linguistique de Copenhague»
TCLP — «Travaux du Cercle linguistique de Prague»
UAJb — «Ural-Altaische Jahrbücher»
UJB — «Ungarische Jahrbücher»
ZfceltPh — «Zeitschrift für celtische Philologie»
ZfPh — «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft»
ZfS — «Zeitschrift für Slawistik»
ZfslPh — «Zeitschrift für slavische Philologie»
ZfromPh — «Zeitschrift für romanische Philologie»
ZfdPh — «Zeitschrift für deutsche Philologie»
ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft»

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Авторам публикуемых статей направляется копия наборного экземпляра, который является окончательным вариантом сдаваемого в набор материала; корректура авторам высылаться не будет.

2. Рукописи должны представляться в двух экземплярах; текст и подстрочные примечания обязательно должны быть напечатаны на машинке через два интервала. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон.

3. Объем статьи не должен превышать 24 стр., объем рецензии — 10 стр. машинописи.

4. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам.

5. При ссылках (в тексте и сносках) необходимо придерживаться порядка: автор, название книги или статьи, название издания (для статьи), заключенное в кавычки, место издания, год издания, страницы. (Страницы, определяющие границы статьи в издании, указываются лишь в критико-библиографических обзорах).

6. Все примеры на иностранных языках должны быть снабжены переводами. Примеры в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значения их в кавычках.

7. Все формулы и буквенные обозначения величин должны быть четко выполнены чернилами (следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами).

8. Рисунки должны быть тщательно выполнены тушью: чертежи, сделанные карандашом, не принимаются. Не рекомендуется загромождать рисунок ненужными деталями, все надписи должны быть вынесены в подпись, а на рисунке заменены цифрами или буквами. На полях рукописи указывается место рисунка, а в тексте делается на него ссылка. Фотографии принимаются в двух экземплярах (второй для редакции и ретушера в качестве контрольного). При изготовлении клише величина оригинала уменьшается в два-три раза, поэтому фотографии должны быть четкими и контрастными. Фотографии, выполненные в малом размере и нечетко, не принимаются. На обороте каждого рисунка должны быть проставлены фамилия автора, заглавие статьи и номер рисунка. Статью не следует перегружать графическим материалом.

9. Непринятые рукописи, как правило, возвращаются.

10. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются (за исключением раздела «По страницам зарубежных журналов»).

11. Хроникальные заметки должны представляться в редакцию в течение двух месяцев с момента описываемого события в лингвистической жизни. Объем хроникальной заметки — 3—5 стр.

Вниманию авторов!

В нашем журнале, начиная с № 2 1981 г., вводятся новые правила по оформлению библиографии.

I. Список использованной литературы дается по порядку номеров в конце статьи. Оформляется это следующим образом:

1. *Виноградов В. В.* О теории художественной речи. М., 1971.
2. Курс історії української літературної мови. За ред. Білодіда І. К. Т. 1. Київ, 1958.
3. *Баранников А. П.* Флексия и анализ в новоиндийских языках. Уч. зап. ЛГУ, 1949, № 98, сер. востоковед. наук, вып. 1.
4. *Гак В. Г.*— ВЯ, 1977, № 6.— Рец. на кн.: *Степанов Г. В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976, 224 с.

II. Ссылки на литературу в тексте приводятся в квадратных скобках: [1, с. 3], [2—4], [1, 3].

В случае одноразовой ссылки указание на страницу, если оно необходимо, дается в списке литературы; если же упоминаются разные страницы одного и того же источника, указание на страницы следует давать в тексте.

III. Подстрочные примечания, которые сохраняются наряду со списком использованной литературы, имеют сквозную нумерацию.

The Editorial Board of the journal «Voprosy Jazykoznanija» expresses its appreciation to the Publishers who send us their books for review. The Editorial Board regrets that it cannot guarantee the reviewing of all the books received due to space limitations. Two offprints of each review will be sent to the Publishers. Books received are not returned.

*

Le Comité de rédaction de «Voprosy Jazykoznanija» tient à exprimer sa profonde reconnaissance à toutes les Maisons d'édition qui lui font parvenir leurs nouvelles parutions pour critique. Le Comité de rédaction ne peut pas garantir la publication d'un compte rendu pour chaque livre reçu à la rédaction. Les comptes rendus seront publiés selon les possibilités de la rédaction. Deux tirages-à-part seront envoyés en ce cas aux Maisons d'édition respectives. Les livres reçus à la rédaction ne sont pas rendus aux éditeurs.

*

Die Redaktion der Zeitschrift «Woprosy Jazykoznanija» spricht allen Verlagen, die uns Rezensionsexemplare zukommen lassen, ihren aufrichtigen Dank aus. Die Redaktion gibt bekannt, daß leider nicht alle bei uns einlaufenden Bücher besprochen werden können. Die Rezensionen werden den Möglichkeiten unserer Zeitschrift entsprechend veröffentlicht. Der Verlag erhält zwei Sonderabdrucke. Die von der Redaktion erhaltenen Bücher werden nicht an den Herausgeber zurückgesandt.